

**Архивный отдел муниципального образования Ейский район
Ейское отделение Российского общества историков-архивистов**

**ЕЙСКАЯ МЕЖРАЙОННАЯ
ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ПАЛАТА**

*Светлой памяти почетного гражданина
города Ейска, патриота и неугомимого
исследователя родного края, профессора
Евгения Александровича Котенко
посвящается*

БОЛЬШОЙ РОМБИТ

**Сборник статей по истории и исторической географии
Восточного Приазовья**

Выпуск 2

**Ейск
2015**

ББК 26.8

Б-79

Печатается по решению редакционно-издательского совета Ейского местного отделения
Российского общества историков – архивистов

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ – старший научный сотрудник, кандидат географических наук
Ю.В. Артюхин – председатель; Е.В. Состина – председатель ЕМО РОИА; кандидат
исторических наук Н.Б. Родионова; Л.А. Мясникова – начальник архивного отдела
МО Ейский район.

Составитель сборника: старший научный сотрудник, кандидат географических наук
Ю.В. Артюхин

Большой Ромбит. Сборник статей по истории и исторической географии Восточного
Приазовья. Вып. 2 / Ейское местное отделение Российского общества историков и
архивистов; [Научн. ред. Ю.В. Артюхин]. – Ейск, 2015. – 138 с.: ил.

Древние греки в пределах побережья Восточного Приазовья выделяли Большой
(устьевая зона р. Еи и Песчаные острова) и Малый (устья рек Бейсуг и Челбас) Ромбиты,
так как плановая конфигурация этих устьевых зон напоминала ромб. Наибольшее
значение для античных жителей имел Большой Ромбит, где по сведениям древнего
географа Страбона располагались наиболее крупные рыбные промыслы.

Сборник научных статей «Большой Ромбит» посвящен некоторым вопросам
античной и средневековой археологии, позднесредневековой истории колонизации
побережья и степей Приазовья. В нескольких статьях сборника рассматривается история
фортификационного строительства в рассматриваемом регионе. Уделено внимание ряду
аспектов истории Черномории в конце XVIII - начале XX вв. Дается естественнонаучный
комментарий опубликованных исторических фактов.

Книга может быть полезна не только специалистам, но и интересующимся
историей нашего края.

ISBN 978-5-9907680-1-7

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	4
----------------------	---

Колонизация Восточного Приазовья в эпохи античности и средневековья

Зенюк Д.И., Польшин В.В., Толочко И.В. Новое античное поселение у Чумбур-косы	8
Масловский А.Н., Юдин Н.И. Малые города Северо-Восточного Приазовья XIII-XIV вв. Проблемы урбанизации в Золотой Орде	18
Ларенок П.А. Таганрогский мыс в средние века. О находках российско-немецкой экспедиции в Таганроге 2004-2010 гг.	30

Освоение Россией новых земель в Приазовье. Фортификационное строительство

Приймак Ю.В. «Для опасения кубанцов и казацких воровских приходов...»: малоизвестные страницы похода войск Казанского и Астраханского губернатора, ближнего боярина П.М. Апраксина на Кубань в 1711 г.	36
Грибовский В.В. Ейский пристав И.Ф. Лешкевич	46
Кузьменко Н.Н. Троицкая крепость на мысу Таган-Рог и укрепления на Миусском полуострове в конце XVII - в XVIII вв.	58
Жукова Л.М. Крепость Святой Анны – фортификационное сооружение первой половины XVIII в. на юге России	73
Артюхин Ю.В., Родионова Н.Б., Шананин С.П., Маркова Л.В. Трансформация крепостей в города Донской и Кубанской областей в XVIII – XIX вв. Инженерные элементы в составе инфраструктуры городов и станиц	77

Черноморское казачье войско – Кубанская область (конец XVIII - начало XX вв.)

Широкобородов Э.А. Малоизвестные страницы истории ст. Староминской	90
Артюхин Ю.В. О признаках nepотизма и служебных злоупотреблений некоторыми должностными лицами Черноморского войска в период основания г. Ейска и немецкой колонии Михельс Таль (1848-1858 гг.)	97
Шананин С.П. Политические «изгои» в Ейской истории. Некоторые факты жизни и деятельности ряда лидеров социал-демократов г. Ейска в 1905-1907 гг.	110
Винокуров В.В. Улагаевский десант на Кубани в 1920 г. (по воспоминаниям генерала Драценко)	117
Артюхин Ю.В. Природный контекст некоторых сторических фактов, изложенных в статьях сборника	136

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В настоящем сборнике статей продолжена работа, начатая в 2010 г. коллективом общества историков и архивистов Ейского района и коллегами из других регионов. Разработка проблем исторических и смежных научных дисциплин диктуется необходимостью не только сохранения идентичности народа, но и осознанием гражданами страны важнейших тенденций становления государственности России, приоритетов развития многонационального и многоконфессионального социума. Освоение Приазовья и правобережья Кубани осуществлялось в сложных этнических и социально-политических перипетиях. Миграции народов в прошлом происходили на фоне меняющихся климата, рельефа побережья и ландшафта степи, называемой кочевниками «степь Хейхат», русскими – «Дикое поле». Граждане современной России должны понимать, в каких тяжелейших природных и военно-политических условиях выживала Русь, преодолевшая тяжелейшие испытания ценой колоссальных людских и материальных потерь.

До нашествия хана Батыя на Русь в 1238-1240 гг. численность ее населения примерно составляла 10 млн. чел., а в результате Батыева и ряда других набегов сократилась в три раза. Данных об изменении численности населения Руси в XIV-XVI вв. мало, но только к концу правления Алексея Михайловича (1645 г.) население примерно достигло 9-10 млн. чел. Линейная экстраполяция от численности 3-3,5 млн. чел. в конце XIII в. к 10-13 млн. чел. в конце XVII в. показывает чрезвычайно низкий уровень прироста населения. На демографический рост влияли высокая смертность населения в условиях жестоких зим «малого ледникового периода» (XIV-XVII вв.), голода из-за недородов, засух и пожаров, страшных эпидемий. На негативные природные следствия накладывались захваты и убийства жителей разных регионов Руси шайками степняков. Если применить ряд статистических приемов и привлечь данные не только по «Московской Украине», но и восточным, юго-восточным регионам страны, можно предположить, что за период с царствования Ивана III до начала XVIII в. Русь и Российская империя потеряли за счет пленения татарами и ногаями не менее 3,5-5 млн. чел. Незадолго перед поездкой в Крым в частном разговоре с французским посланником графом Сегюром Екатерина II отметила, что татары забирают «...в плен по двадцать тысяч человек ежегодно». Если взять даже не эту цифру, а 12-15 тыс. чел./год, то только в XVIII в. из Российской империи в полон было захвачено свыше 1 млн. чел. Причем, как отмечают исследователи, пленение русских происходило не только во время взятия Азова, возведения крепостей между р. Миусом и м. Таган-Рог, но и после присоединения Крыма.

Разумеется, история Восточного Приазовья является лишь крошечным звеном на историческом полотне возникновения и развития Русского государства. Но некоторые исторические события, развивавшиеся в акватории и на побережье Таганрогского залива, в дельте Дона сыграли важнейшую, а в известном смысле определяющую роль в истории России. Именно поэтому в сборнике помещены статьи, характеризующие обстоятельства фортификационного строительства на мысе Таган-Рог, укреплений на Дону и Миусском полуострове. Прямое отношение к истории Ейского Приазовья имеют материалы о походе боярина П.М. Апраксина на Кубань в 1711 г., деятельности ногайского пристава полковника И.Ф. Лешкевича, сделавшего много для мирного включения правобережья Кубани в состав Российской империи.

Важнейшее значение для культурного наследия России имеют памятники античности и средневековья на побережье Азовского моря, Таманского залива, Анапско-Новороссийского региона Черного моря. Долгое время считалось, что на побережье Таганрогского залива, за исключением дельты Дона, не было или не сохранилось памятников античной эпохи. Новейшие исследования археологов Южного научного центра Российской академии наук опровергают эту точку зрения. Чрезвычайно интересные материалы, относящиеся к эпохе Золотой Орды, получают исследователи при

археологических исследованиях в Азове, в долине р. Кагальник и ее притоков, на пространстве между реками Миус и Самбек.

К числу исторических утрат следует отнести прошедшее мимо внимания специалистов обнаружение огромного числа керамических изделий, возможно даже античного времени, из толщи ракушечных отложений Песчаных островов. Ведшаяся Ейским портом во второй половине 1970-х годов разработка морских карбонатных песков сопровождалась изъятием ковшом плавучего крана обломков и целых кувшинов, деревянных конструкций. Нельзя исключать, что на этом месте перед началом нимфейской трансгрессии (I в. до н.э. - I н.э.) существовала промежуточная дельта древнего Дона, в пределах которой возникло варварское поселение, а возможно и рыбные промыслы древних греков. Но ответить на этот вопрос невозможно, так как портовые власти не удосужились передать обнаруженные артефакты хотя бы в Ейский музей, не говоря уже о приглашении специалистов в области подводной археологии.

Обобщая имеющиеся данные по палеогеографии Таганрогского залива и прилегающего побережья, можно прийти к однозначному мнению, что значительное число артефактов не только средневековой, но и античной эпохи располагается на подводном склоне, под толщей рыхлых отложений, сформировавшихся в течение последних 2-2,5 тыс. лет. На это указывают разрозненные данные фрагментарных археологических исследований так называемого «Таганрогского поселения» раннеантичного времени в бухте Андреева (северо-восточнее Таганрогского порта), обнаружение видимо средневекового судна на подводном склоне Павло-Очаковской косы, уже упоминавшиеся находки артефактов в пределах Песчаных островов. На самом деле оснований для детального археологического изучения подводного склона Таганрогского залива больше. Ведь не могли же бесследно исчезнуть развалины многочисленных средневековых факторий и портов Генуи, Венеции, Пизы, существовавших на побережье Таганрогского залива в течение не одного столетия [1, 2, 3]. Палеогеографические реконструкции, например, позволили прояснить проблему так называемого острова «Алопекия» (Лисьего). Анализ данных бурения на предустьевом взморье и в дельте Дона наглядно показал, что этот остров (один из трех обнаруженных) никуда не делся, а оказался погребен под толщей илов в непосредственной близости от современного морского края дельты Дона [4].

Принято считать, что история ничему не учит. На самом деле история дает множество ключей для понимания скрытых механизмов сложных социально-политических потрясений. Но люди, призванные принимать ответственные решения, часто не способны адекватно учитывать многолетний опыт человечества. Правда, есть исключение – военная сфера. Для людей, обучающихся в военных академиях, принято разбирать не только военные операции Первой и Второй мировых войн, но и стратегические решения Ганнибала, римских консулов и т. д. Затрудняет использование исторического опыта односторонний подход к историческим исследованиям. Существование взаимоисключающих концепций разных исторических событий в ряде случаев объясняется анализом только внешней канвы событий. Между тем, социально-политические процессы происходят не в безвоздушном пространстве, а базируются на сложных экономических, природных законах. Например, серьезные противоречия существуют вокруг причин введения и отмены Иваном Грозным опричнины. Высказывается много суждений, в которых фигурируют в качестве ведущих факторов социологические, психологические, военно-политические и др. Но в 2011 г. историк Евгений Арсухин в газете «Известия» опубликовал историко-публицистическую статью «Опричь правды». В ней он изложил следующую концепцию отмены опричнины, начавшейся в 1565 г.: «Царь объявил вне закона любую собственность. Отобрать могли всё... любой вельможа – холоп в глазах царя... Имена гуляли из рук в руки. Развивать вотчины никто не желал». В результате началась дикая инфляция, перешедшая в масштабный финансово-экономический кризис. Цены вздорожали на 100-400 %. В 1573 г.

Иван Грозный хотел купить себе приличную шубу в Москве, да не нашел. Все товары стали вывозить за границу, поэтому возник дефицит товаров. Только тогда Грозный понял, что собственность трогать нельзя и «свернул» опричнину. После этого экономика приходила в равновесие еще не менее восьми лет. Но курс рубля уже не вернулся к предопричному уровню, что сказало на условиях экономического развития Руси в течение последующих двух столетий. Могут сказать, что эта проблема не имеет отношения к нашему региону. Но это не так.

Возьмем пример из истории Черноморского войска. Хорошо известно, что в среде запорожских казаков задолго до их перехода на Кубань сформировался особый тип финансовых отношений между людьми. Казаки, особенно состоятельные, восприняли традиции ростовщичества, укорененные на пространстве между Днестром и Прутом еврейскими, поляками, румынами. Из документов Черноморского войска известно, что «душка» Харько Чепега никому и никогда не одалживал денег просто так, а только под процент. И не он один так действовал. Неспроста в структуре приходной части войсковой казны огромное место занимал процент по банковскому капиталу. Значительные суммы регулярно вносились войском в самые солидные московские банки. Если в конце 1840-начале 1850-х годов процент от банковского вклада обеспечивал поступление в казну 60 тыс. руб. в год, то к концу XIX в. этот источник уже обеспечивал свыше 1 млн. руб./год. Исследования И.Я. Куценко показали, что и остальные источники доходов войска носили непроизводственный характер. Так, в 1913 г. в казну войска поступило почти 8 млн. руб. арендной, 0,6 млн. руб. посаженной платы и 0,4 млн. руб. платы за места на базарах. К тому же, бюджет формировался за счет платы за землю, сдаваемой в аренду проклинаемым иногородним [5]. Иначе говоря, во главе Черноморского войска стояла корпорация предпринимателей, спаянных сложнейшими узами имущественных и финансовых взаимоотношений, которым, по существу, не было дела до основной массы казаков. В этом-то и была причина дальнейшего расслоения казачьего общества.

Несколько лет назад в одной из станиц ушел из жизни любитель древности, долгое время «прочесывавший» значительные пространства степи между реками Ясени, Албаша и Челбас. В итоге образовалась значительная коллекция средневековых монет итальянских печатей и др. Только эта коллекция могла бы помочь раскрыть средневековую историю Ейского полуострова, в том числе в эпоху «Великой замятни» в Золотой Орде. Но не случилось. Ежегодно местными жителями собирается множество артефактов в прибрежной полосе в результате обрушения береговых толщ. Автор далек от мысли призывать всех сдавать найденное в музей, но хотя бы делать качественные фотоснимки, чтобы на их основе хоть небольшая часть исторического наследия могла быть использована историками. Но есть и равнодушные люди. Авторы статей считают своим приятным долгом выразить признательность Петру Михайловичу Подставке, председателю Ейской межрайонной торгово-промышленной палаты за финансовую поддержку издания настоящего сборника

Библиографический список и примечания

1. Карпов С.П. Путиями средневековых мореходов. М., Восточная литература, 1994. С.
2. Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье (конец XIII-XVII в). М. Индрик, 2007. С. 401-401
3. Артюхин Ю.В. Проблема соотношения факторов, предопределявших возникновение и упадок итальянских колоний на побережье Азовского моря в XIII-XV вв. // Боспорские исследования, Т. XXVIII. Симферополь-Керчь, 2013. С. 347-362.
4. Артюхин Ю.В. К геоморфологической интерпретации природных условий античной колонизации вершины Таганрогского залива // Древности Боспора. Т. 14. М., Институт археологии, 2010. С. 28-38.

5. Куценко И.Я. Кубанское казачество. Краснодар, Краснодарское книжное изд-во, 1990. С. 94.

Колонизация Восточного Приазовья в эпохи античности и средневековья

Д.И. Зенюк, В.В. Польшин, И.В. Толочко

НОВОЕ АНТИЧНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ У ЧУМБУР-КОСЫ

Под действием различных эндогенных и экзогенных процессов площадь земной поверхности, которую в современное время занимает акватория Таганрогского залива и примыкающая к нему с северо-востока дельта Дона, в голоцене испытывала неоднократные трансформации. В результате этого менялись конфигурации берегов и район впадения в море реки Дон. Учитывая то обстоятельство, что на протяжении голоценовой истории (особенно в последние 2500–3000 лет) район Приазовья активно осваивался людьми, памятники материальной культуры могут являться важными маркирующими признаками, позволяющими восстановить ландшафты прошлых эпох.

Регион северо-восточного Приазовья и Нижнего Дона как его составной части был хорошо знаком ионийским грекам, судя по археологическим находкам, с VII в. до н.э. [7]. В «Естественной истории» Плиния Старшего сохранился фрагмент, заимствованный из более раннего источника: «Есть город и при устье Танаиса. Окрестностями его владели сначала карийцы, затем клазоменцы и меоны, потом пантикапейцы» (Plinii NH, VI, 20). На основании археологических данных можно говорить о проникновении на берега Меотиды клазоменцев. Наблюдательные пункты клазоменцев на побережье моря упоминаются также и в «Географии» Страбона [26].

Самым северным археологическим памятником, на котором известны находки архаической греческой керамики конца VII–VI вв. до н.э., является *Таганрогское поселение* (рис. 1, D).

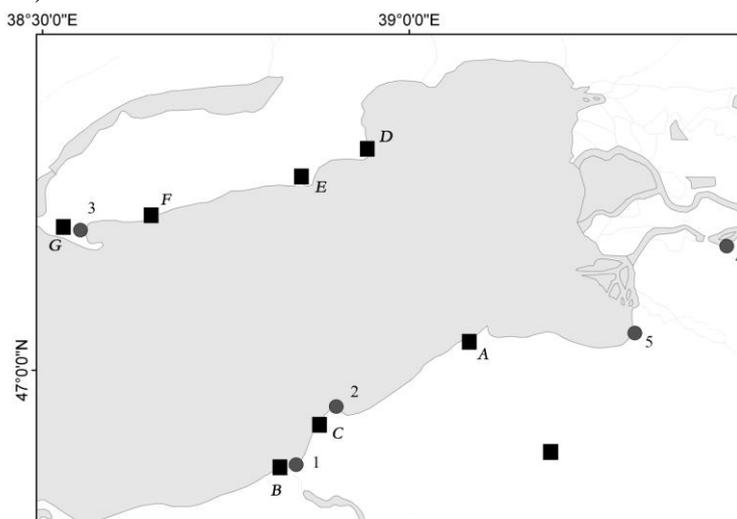

Рис. 1. Схема побережья Таганрогского залива:

A – находки античной керамики у Павло-Очаковской косы; B – находки античной керамики у с. Новомаргаритово; C – античное поселение у Чумбур-косы; D – Таганрогское поселение; E – находки античной керамики у Петрушиной косы; F – поселение у Золотой косы; G – некрополь у Беглицкой косы.

1 – скважина у с. Новомаргаритово; 2 – скважина на Чумбур-косе; 3 – скважина на Беглицкой косе; 4 – скважина на острове (р. Азовка/р. Дон); 5 – скважина у с. Заимо-Обрыва

Многочисленные обломки керамики (более двадцати тысяч единиц – в основном, это фрагменты амфор (хиосских, лесбосских, милетских и самосских) и ионийской

расписной керамики) собраны в районе Каменной лестницы и на городском пляже в г. Таганроге, начиная с 1937–1938 гг. до последних лет. Большая часть поселения оказалась затоплена морем, поэтому точная его локализация, размеры и характер археологических слоёв были почти неизвестны. Лишь в результате работ Подводной Азово-Черноморской экспедиции в 1960 г. была выявлена и нанесена на план гряда к северо-востоку от Большой каменной лестницы в Таганроге, залегавшая на глубине около 1 м, имевшая высоту около 0,3 м шириной 8–18 м и длиной не менее 125 м. Гряда состояла из плотных рядов щебня и обломков керамики. В результате исследований были сделаны выводы о существовании у побережья остатков затопленного поселения (эмпория?), возникшего в последние десятилетия VII в. до н.э. и существовавшего в VI в. до н.э. В последующее время – во времена эллинизма и средневековья – жизнь на этом месте полностью не прекращалась [1].

В публикации 2003 г. В.Д. Кузнецов привёл основные точки зрения исследователей на историю Таганрогского поселения [30]. Предполагалось, что вывод этой греческой колонии (если это была колония) был осуществлён не апойкистами Киммерийского Боспора (поскольку первые апойкии появились здесь позднее примерно на двадцать лет), а, вероятно, жителями Карики (милетянами?). Время гибели «поселения» может относиться как к третьей четверти VI в. до н.э. [8], так и к концу VI – началу V в. до н.э. [6]. В это время в донских степях появляется новая мощная группа кочевого населения, вероятно, скифов.

Новейшие исследования немецких археологов, проведённые в 2004–2010 гг., показали, что поселение, возникшее на месте Таганрогского после его гибели, сосуществовало на протяжении одного – двух столетий с Елизаветовским городищем (начало V в. до н.э. – начало III в. до н.э.), и было заселено как местными варварами, так и греческими переселенцами. Согласно новейшим данным время существования небольших посёлков в районе современной таганрогской Большой каменной лестницы после гибели Таганрогского поселения – IV–III вв. до н.э., первые века н.э., VII–IX вв. н.э., XII–XIII вв. н.э., XIV в. н.э., XVII в. н.э., XVIII в. н.э. [3, 11].

Точная локализация и характеристика культурных слоёв приазовских археологических памятников затруднены из-за проблем реконструкции палеогеографической ситуации на побережье Азовского моря: современные очертания его берегов значительно отличаются от древних. В.П. Копылов и В.Г. Рылов предположили, что поселение у Таганрогского мыса возникло на пике фанагорийской регрессии, когда уровень моря понизился, а площадь водной поверхности значительно уменьшилась. По их мнению, поселение находилось на низкой террасе под береговым обрывом у основания Таганрогского мыса, на берегу богатого рыбными запасами пресноводного озера, образованного рекой Палео-Самбек и северным рукавом реки Палео-Дон [10].

Памятники античной эпохи на северном побережье Таганрогского залива в районе Беглицкой, Золотой и Петрушиной Кос

В 1926–1928 гг. в результате систематических осмотров северного побережья Таганрогского залива (от Таганрога до места впадения Миусского лимана в море) М.А. Миллером был открыт и тщательно осмотрен ряд новых памятников античного времени, в том числе могильник у основания Беглицкой косы, в 39 км к западу от Таганрога (*рис. 1, G*). «Большое количество погребений, совершённых за относительно короткий срок» позволили предположить М.А. Миллеру принадлежность некрополя к поселению, остатки которого не сохранились из-за быстрого разрушения берега [22]. Присутствие керамики античного времени было также отмечено М.А. Миллером среди находок, обнаруженных при обследовании побережья у Петрушиной (*рис. 1, E*) и Золотой Косы (*рис. 1, F*) [21, 12].

Памятники античной эпохи на южном побережье Таганрогского залива

Систематические археологические разведки на побережье Таганрогского залива и в дельте Дона проводятся, начиная с 1920-х годов и до настоящего времени. На южном побережье Таганрогского залива (в районе Новомаргаритово, у оснований Чумбур-косы и Павло-Очаковской косы) (рис. 1, А–С) в последние годы были найдены фрагменты архаических амфор как сильно окатанных морем, так и без заметного длительного воздействия воды), в том числе клазоменских, хиосских, эолийских, милетских, самосских, а также отдельные обломки расписной ионийской керамики (рис. 2–3). В результате разведок в 2003 г. на песчаном пляже у с. Павло-Очаково был обнаружен фрагмент лаконского калиптера [9]. Однако следов поселений или могильников античного времени на южном побережье Таганрогского залива до последнего времени не было обнаружено.

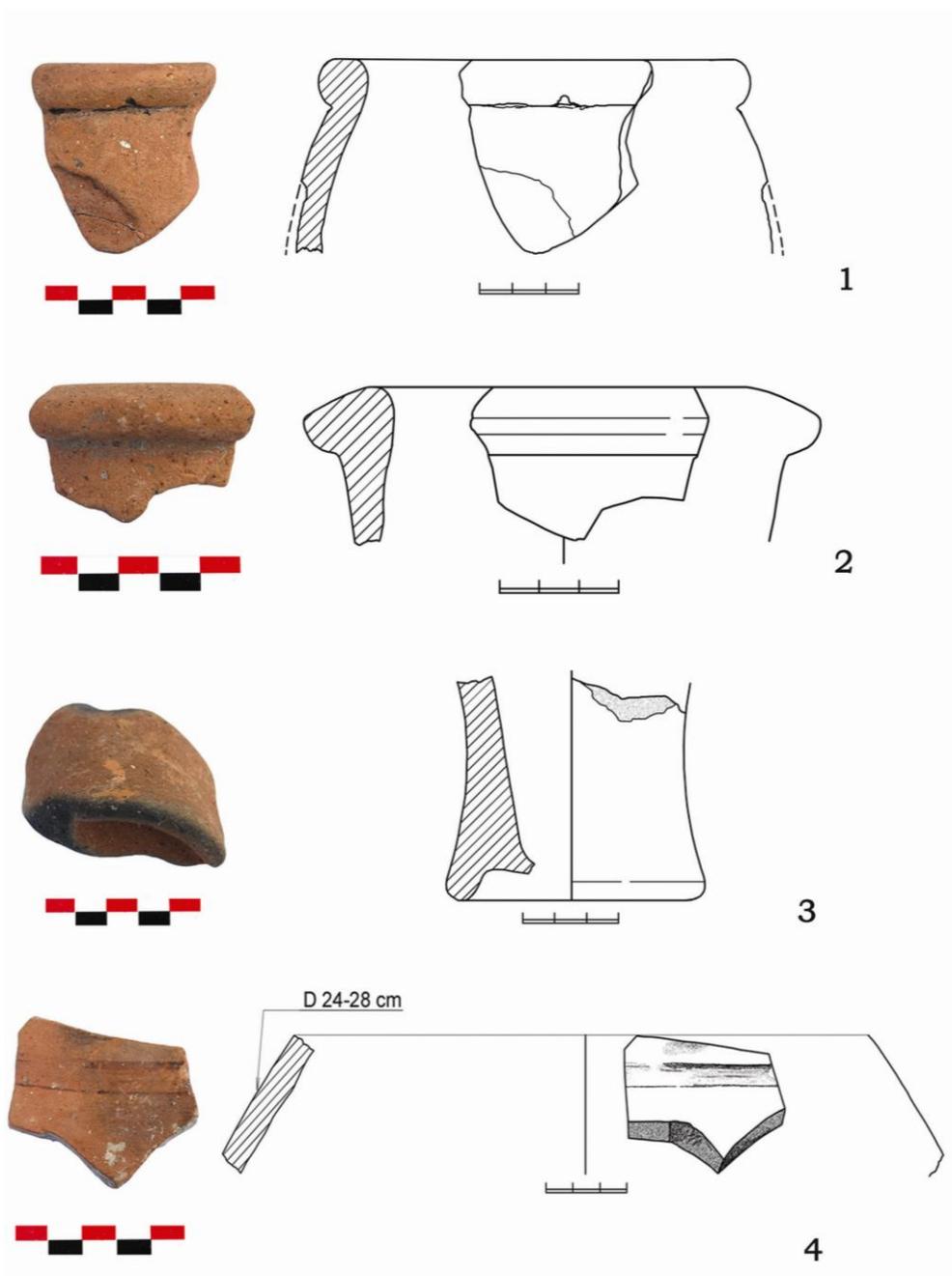

Рис. 2. Находки античной керамики у Новомаргаритово

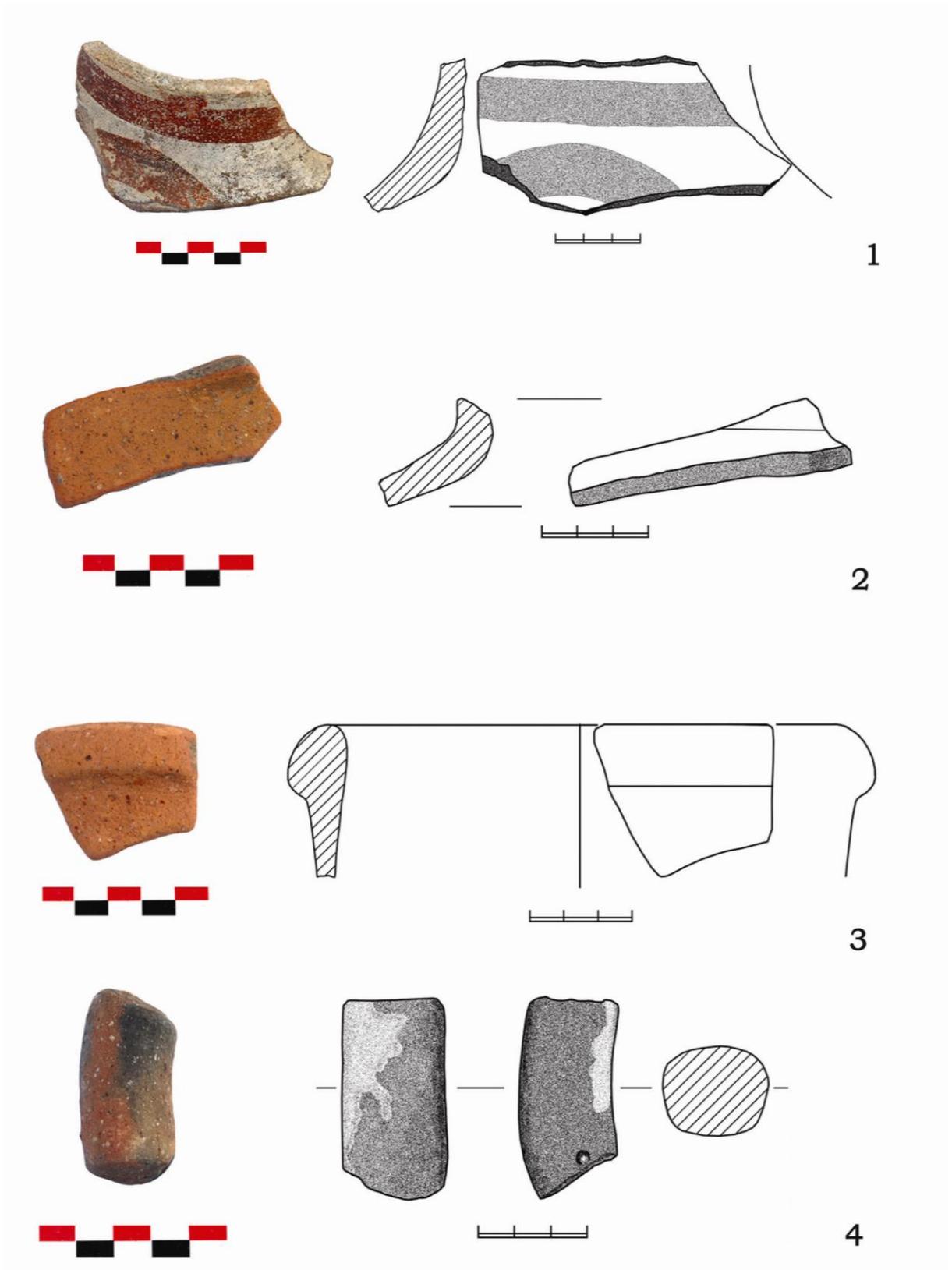
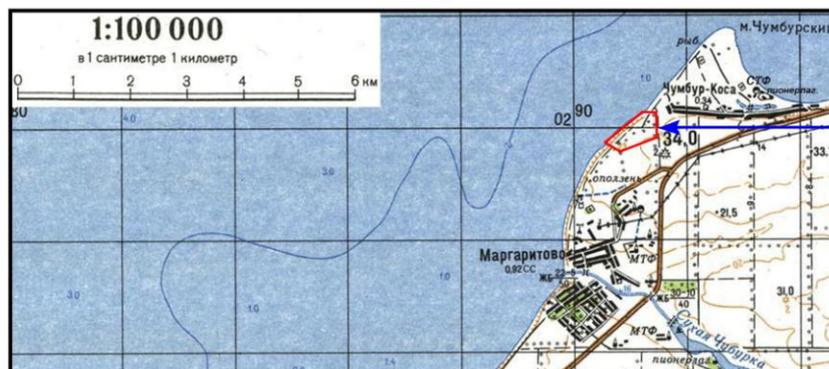

Рис. 3. Находки античной керамики и Чумбур-косы

В 2014 г. сотрудниками Азовского историко-археологического и палеонтологического музея заповедника (руководитель работ – Зенюк Д.И.) было исследовано многослойное поселение Чумбур-Коса I (эпохи античности – салтовско-маяцкой культуры – Золотой Орды). Оно находится на территории Азовского района Ростовской области в 100 м на ЗЮЗ от западной границы хутора Чумбур-Коса, на высокой

береговой террасе. С восточной стороны поселение ограничено балкой, с севера и северо-запада – береговым обрывом Таганрогского залива. Юго-западная и юго-восточная границы определены по сбору подъемного материала и с помощью закладки разведочных шурфов. Поселение вытянуто вдоль побережья Азовского моря, имеет размеры около 800 х 300 м (рис. 4). В настоящий момент поселение интенсивно разрушается из-за активной деятельности кладоискателей, в результате природных факторов (эрозия берегового обрыва), а также из-за несогласованных строительных работ.

Местоположение объекта археологического наследия - пос. «Чумбур-Коса I» 4

Ситуационный план территории объекта археологического наследия - пос. «Чумбур-Коса I»

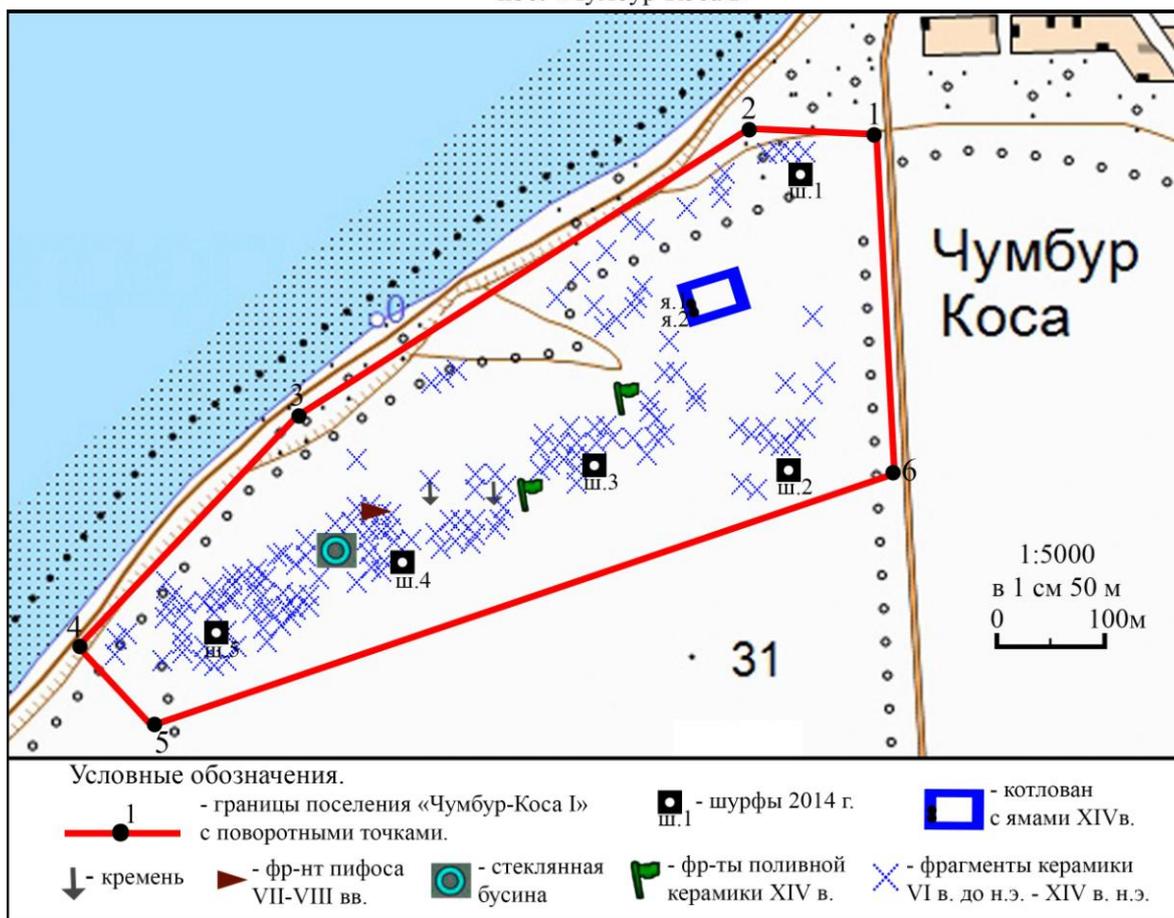

Рис. 4. Местонахождение поселения Чумбур-коса

Поселение «Чумбур-Коса I» стало известно благодаря немногочисленным находкам И.В. Белинского, сделанных в 1990 г. В 2008 г. памятник был обследован А.Н. Масловским [16], в 2011 г. – М.Ю. Гончаровым [2].

При этом предыдущие исследователи выделяли два памятника, расположенных в роще с западной стороны от автодороги на окраине х. Чумбур Коса: поселение «Чумбур-Коса I» и поселение «Чумбур Коса IV», разделяя их по небольшой балке у края обрыва. Проведённые в 2014 г. разведки показали, что это один памятник: зафиксирована непрерывность подъёмного материала и однородность его состава (как по количественному признаку, так и по датировке). С целью определения границ данного поселения в 2014 г. было заложено несколько шурфов. В результате полевых работ (сборов материала на поверхности и шурфовок) было выяснено, что около трети находок – в основном, это стенки и профильные части амфор средиземноморских центров – относятся к VI–IV вв. до н.э. Отдельные фрагменты античных амфор были также найдены и к востоку от балки, ограничивающей поселение с востока, но шурфовочные работы на данном участке не проводились.

С территории поселения Чумбур-Коса I происходит и серия находок бронзовых наконечников стрел VII–IV вв. до н.э., переданных местными жителями в Азовский музей (рис. 5).

Рис. 5. Бронзовые наконечники стрел с поселения Чумбур-коса I

Несомненно, было бы заманчиво связать находки у Чумбур-косы с данными Страбона о наблюдательных пунктах клазоменцев на побережье Меотиды, предположительно, являвшихся вышками для наблюдения, связанными с ловлей рыбы.

Большая часть открытого поселения не сохранилась, ушла в море вместе с береговым обрывом. На этом участке побережья абразионные процессы отличаются высокой интенсивностью, здесь распространён абразионно-оползневый тип берега с скоростью абразии около 1,5 м в год. Высота берега на участке около 45 метров и большая скорость разрушения вызвана строением береговой террасы – мощной песчано-глинистой толщей.

В современный период 70% береговой зоны в той или иной степени подвержены процессам абразии. Причем разрушаются не только коренные участки берега, но и аккумулятивные формы [15]. Немаловажную роль при этом играет интенсивная хозяйственная деятельность в прибрежных районах моря.

Все вышесказанное можно отнести и к акватории Таганрогского залива, площадь которого за последние несколько тысяч лет испытывала неоднократные трансформации, вследствие которых менялись размеры и общая конфигурация береговой линии. Данные трансформации сопровождались изменениями уровней отметок моря: их повышение (трансгрессия) приводило к перекрытию речных осадков морскими и интенсивному разрушению берегов, а понижение (регрессия) – к размыву и переотложению осадков речными системами и накоплению аллювия.

Большое значение для стратиграфии района имели тектонические движения голоценового возраста, которые нашли своё отражение в современном рельефе и в вещественном составе пород и отложений, слагающих верхнюю часть геологического разреза береговой зоны и дна моря. Их проявления в пределах морской акватории носят разнонаправленный характер. Для преобладающей площади Таганрогского залива характерны нисходящие движения со средней скоростью от – 2 до – 3 мм/год. В прибрежной полосе скорость тектонических движений уменьшается от – 1 до – 2 мм/год [27].

Комплексные экспедиции, проведённые в последние годы, позволили собрать достаточно много информации о климатических особенностях эпохи античности в Северо-Восточном Приазовье. Споро-пыльцевые спектры из отложений, сформированных на временном отрезке от 3000 до 2500 л.н., свидетельствуют о преобладании на территории гумидных условий в это время. В следующий временной период, в хроноинтервале 2500–2000 л.н. господствовали теплые засушливые условия. Преобладающим типом растительности являлись в основном разнотравно-злаковые и полынно-маревые степи [18].

Азовское море в это время (2700–2300 л.н.) представляло собой морской водоем с хорошо выраженной черноморской малакофауной [24]. Двустворчатые моллюски из колонковых проб, датированных 2700–2300 л.н., представлены комплексом солелюбивых видов средиземноморского происхождения. Возможно, что такой видовой состав малакофауны во многом определялся более широким соединением с Чёрным морем на юге и отсутствием распреснения со стороны Кубани. Существует и другое мнение, предполагающее интенсивное распреснение Азовского моря и ухудшение сообщения с Чёрным морем, что привело к массовому вымиранию черноморской фауны в середине первого тысячелетия до н.э. [27].

Сейсмоакустические исследования дна Таганрогского залива показали наличие на дне моря слоёв, относящихся к периоду понижения уровня моря на данном участке в т.н. «фанагорийскую регрессию» и перекрывающих этот размыв более поздних новоазовских отложений, образованных в последующую трансгрессию – нимфейскую [17, 19].

Примерно в это же время (2000–1700 л.н.), судя по результатам палинологических исследований, климат на водосборной площади Азовского моря становится более влажным. По данным малакологического анализа, солёность моря стала постепенно снижаться, но была ещё выше, чем в современный период.

Морские границы в этот период расширились, площадь акватории Таганрогского залива увеличилась. В дальнейшем из обломочного материала и ракуши стали образовываться современные морские косы – Беглицкая, Чумбурская, Очаковская, Кривая. Возраст кос также подтверждается данными о видовом составе моллюсков, найденных в их отложениях на южном и северном берегах залива в результате бурения [20] (рис. 1).

Большие участки прибрежных районов суши на пике нимфейской трансгрессии были затоплены, а дельта Дона отступила на восток от своего современного положения.

Отложения трансгрессивной (нимфейской) стадии представлены здесь песками, обогащенными малакофауной (до 30%), которые вверх по разрезу перекрываются глинистыми супесями и иловатыми глинами. Результаты изучения кернового материала скважин показали, что в пределы современной донской дельты море проникло до г. Азова на сравнительно короткий период на пике подъема уровня.

Таким образом, с достаточной долей уверенности можно говорить о том, что в начале нашей эры морские условия с соленостью воды более 7‰ кратковременно существовали значительно восточнее нынешних границ и распространялись на часть площади, занимаемой современной дельтой Дона.

По результатам сейсмоакустических исследований также можно сделать вывод, что со времени фанагорийской регрессии уровень моря в среднем повысился от 2–2,5 м на меридиане морского края дельты Дона (напротив центрального и южного рукава реки) до 4–4,5 м на меридиане устьевой области Миусского лимана. В результате этого древние формы субаэрального рельефа были затоплены водами наступающего моря и сглажены активным накоплением осадочного материала. Постепенно стали меняться контуры дельты Дона, поднялся уровень грунтовых вод, что в конечном итоге привело к подтоплению ранее пригодных для заселения мест и миграции населения в III в. до н.э. – III в. н.э. на возвышенные участки коренного берега.

Библиографический список

1. Блаватский В.Д. Работы Подводной Азово-Черноморской экспедиции в 1960 г. // Советская археология, 4, 1961, с. 148–157.
2. Гончаров М.Ю. «Отчёт об археологических разведках на юго-восточном побережье Таганрогского залива Азовского моря в 2011 году». Азов. 2012 г. 112 с.
3. Далли О., Шунке Т. Греки на Дону – предварительные результаты германороссийских раскопок в Таганроге (2004–2007 гг.) // Археологические записки. Вып. 6, Ростов-на-Дону, 2009, с. 34–48.
4. Зайцев А.В. Связь трансгрессивно-регрессивных циклов Азово-Черноморского бассейна в голоцене со временем существования античных поселений // Проблемы палеонтологии и археологии юга России и сопредельных территорий. Материалы международной конференции (18–20 мая 2005 г.). Ростов-на-Дону–Азов, 2005, с. 28–29.
5. Зайцев А.В., Зеленщиков Г.В. Голоцен дельты Дона // Геология, география и экология океана. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Д.Г. Панова. Ростов-на-Дону, 2009, с. 124–126.
6. Житников В.Г. Политическая и демографическая ситуация конца VI – начала V в. до н.э. на Нижнем Дону и возникновение Елизаветовского поселения // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье. Новочеркасск, 1987, с. 12–14.
7. Книпович Т.Н. К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаиса в VII – V веках до н.э. // Известия государственной академии истории материальной культуры, 104, 1935, с. 90–110.
8. Копылов В.П. Таганрогское поселение в системе раннегреческих колоний Северного Причерноморья // Вестник древней истории, 4, 1999, с. 174–178.
9. Копылов В.П., Соловьёв С.Л. Разведка на побережье Таганрогского залива // Археологические открытия. М., 2005, с. 303–304.
10. Копылов В.П., Рылов В.Г. Историко-географические предпосылки начала освоения греками устьевой области реки Танаис // Древнее Причерноморье (Одесса 2006), с. 86–97.
11. Ларенок В.А., Ларенок П.А. Итоги исследования Таганрогского поселения // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2010 г. Вып. 26. Азов, 2012, с. 139–153.

12. Лунин Б.В., Миллер М.А. Некрополь у Беглицкой косы // Краеведение на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 1928. Вып. 3–4, с. 44–55.
13. Маев Е.Г., Мысливец В.И., Зверев А.С. К истории развития Таганрогского залива // Геология морей и океанов. Материалы XVII Международной научной конференции (Школы) по морской геологии. Т. IV, 2007, с. 133–135.
14. Мамыкина В.А. Геологическое строение и рельеф побережья и дна Азовского моря // Вопросы биогеографии Азовского моря и его бассейна. Ленинград, 1977, с. 20–31.
15. Мамыкина В.А., Хрусталеv Ю.П. Береговая зона Азовского моря. Ростов-на-Дону, 1980.
16. Масловский А.Н. Отчёт об археологических разведках на территории г. Азова и Азовского района в 2007 году. Азов. 2008 г. 160 с.
17. Матишов Г.Г. Сейсмопрофилирование и картирование новейших отложений дна Азовского моря // Вестник Южного научного центра РАН. Т. 3, 3, 2007, с. 32–40.
18. Матишов Г.Г., Новенко Е.Ю., Красноруцкая К.В. Динамика ландшафтов Приазовья в позднем голоцене // Вестник Южного научного центра РАН. 2011. Т. 7. № 3, с. 35–43.
19. Матишов Г.Г., Польшин В.В., Болдырев М.А., Мысливец В.И., Маев Е.Г., Зверев А.С. Новые представления о голоценовых отложениях шельфа Азовского моря (по данным картирования и сейсмопрофилирования дна // Экосистемные исследования Азовского, Чёрного и Каспийского морей и их побережий. Т. 4. Апатиты, 2007, с. 42–50.
20. Матишов Г.Г., Толочко И.В., Потапов В.В., Набоженко М.В., Польшин В.В., Дюжова К.В., Ковалёва Г.В., Золотарёва А.Е. Нижнее Подонье в эпоху поздней бронзы и раннего железа: палеогеографические реконструкции // Вестник ЮНЦ РАН. Том 9, № 4, 2013, с. 56–65.
21. Миллер М.А. Обследования памятников материальной культуры побережья Азовского моря // Бюллетень Северо-Кавказского краевого Бюро краеведения. Ростов-на-Дону, 1927. Вып. 1–6, с. 81–85.
22. Миллер М.А. Дон и Приазовье в древности. Часть II. Древняя история. Мюнхен, 1958.
23. Мысливец В.И. Морфоструктурная основа экосистемы Азовского моря. // Комплексный мониторинг среды и биоты Азовского бассейна. Т. VI // Коллектив авторов (Апатиты 2004). Издательство Кольского научного центра РАН, 2004, с. 28–43.
24. Невеская Л.А. Позднечетвертичные двустворчатые моллюски Чёрного моря // Труды Палеонтологического института АН СССР. Т. 105. М.: Наука, 1965. 391 с.
25. Панов Д.Г., Хрусталеv Ю.П. Новейшие тектонические движения берегов и дна Азовского моря // Доклады АН СССР, Т. 166, 3. Геология, 1966, с. 688–690.
26. Страбон. География в 17 книгах. Перевод и комментарии Г.А. Стратановского. М. Наука. 1964.
27. Хрусталеv Ю.П., Щербаков Д.А. Позднечетвертичные отложения Азовского моря и условия их накопления. Ростов-на-Дону, 1974.
28. Хрусталеv Ю.П. Закономерности осадконакопления во внутриконтинентальных морях аридной зоны. Ленинград, 1989.
29. Jahresbericht 2006. Deutsches Archäologisches Institut. Jahresbericht 2006. Berlin, 2007.
30. Kuznetsov V.D. Керои–Phanagoria–Taganrog // Ancient Greek colonies in the Black Sea. Vol. I. Ed. by: D.V. Grammenos – E.K. Petropoulos. Publication of the Archaeological Institute of Northern Greece, 4 (Thessaloniki, 2003).

Примечания

1. Подробная библиография вопроса см. Kuznetsov, 2003, p. 922.

2. Results of the German-Russian excavations in Taganrog in 2007; <http://www.taganrogcity.com/pr08262007> (дата обращения 10.10.2015); Jahresbericht 2006, 7–9.

3. Основная часть сборов на южном побережье Таганрогского залива хранится в фондах ГУК РО «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник», коллекции АМЗ КП 29177/ ОА₁ 663, АМЗ КП 29178/ОА₁ 664 и АМЗ КВФ 13307, а также в частных коллекциях. Сборы на северном побережье – в фондах Таганрогского государственного литературно-исторического и археологического музея-заповедника.

МАЛЫЕ ГОРОДА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ XIII-XIV ВВ. ПРОБЛЕМЫ УРБАНИЗАЦИИ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

Комплекс проблем, связанных с существованием городов, является одной из самых существенных тем как для исторической науки в целом, так и для археологии в частности. Для изучения Золотой Орды тема городов является особо значимой. Подавляющее большинство археологических свидетельств относятся именно к городам. Не имеющий аналогов исторический феномен, когда с разницей в несколько десятилетий на огромных просторах пустынных до этого европейских степей возникает минимум несколько десятков городских центров, безусловно, заслуживает особого внимания. С другой стороны, его изучение важно в плане развития теории, поскольку развитие городов здесь мы можем проследить намного детальнее, чем в других регионах и в другие исторические эпохи.

Азак со своей округой, в свою очередь, почти идеальный объект для изучения городской культуры Золотой Орды. Город и все поселения его округа возникают на территории практически не освоенной до этого оседлым населением. Все стадии развития от рождения до гибели они проходят за период менее чем в 150 лет. Азак являлся единственным большим городом в пределах Нижнего Подонья, Северного и Северо-Восточного Приазовья. К тому же, относительно Азака и его округа в нашем распоряжении больше письменных свидетельств, чем для большинства других городов Золотой Орды. Наиболее значительной частью округа Азака являлось Северо-Восточное Приазовье и дельта Дона. Хотя Азак и являлся единственным крупным городом золотоордынского Подонья – это не значит, что здесь не было других городов. На настоящий момент известно несколько десятков поселений разного размера, а число ещё не обнаруженных, вероятно, в несколько раз больше. Большинство обнаруженных поселений находятся на территории Северо-Восточного Приазовья (рис.1). Материалам округа Азака посвящено 3 работы одного из авторов [1-3].

При столь большом числе поселений и значительных размерах округа неизбежно появление сложной иерархической системы. Промежуточные ступени в этой системе должны были занимать малые города, выполнявшие различные социально-экономические функции. Именно они составляли подавляющее большинство городов средневековья, и именно их выделение составляет наибольшие сложности. Обзору поселений, которые могут быть определены как малые города и посвящена данная работа.

Пожалуй, самые большие трудности у историков возникают на этапе определения того, что есть город. «Понятие «город» относится к числу тех, казалось бы, очевидных истин, которые в силу своей очевидности, вроде бы, и не нуждаются в определении, но именно поэтому труднее всего ему поддаются» [4, с. 9]. Это неизбежно приводит к несопоставимости выводов ученых разных научных школ. Именно нечеткость критериев позволяет В.С. Флерову ставить вопрос об отсутствии городов в Хазарском каганате на территории Нижнего Подонья в VIII-X вв. [5]. Такой нигилистический взгляд характерен и для ряда зарубежных исследователей. На наш взгляд, эта точка зрения не оправданна. Невозможно найти бесспорную границу города и не города, из-за условности любой классификации [4, с. 58], но это не означает, что мы должны прекратить исследования.

На наш взгляд, наиболее обосновано и ёмко определение города, данное О.Г. Большаковым и В.А. Якобсоном. Город – «населенный пункт, в котором концентрируется и перераспределяется прибавочный продукт» [6]. В этом определении учтены все характерные социально-экономические и политические функции города. Оно может быть использовано и при анализе результатов археологических исследований. Для древнерусских памятников была предложена следующая классификация археологических свидетельств, указывающих на городской статус исследуемого поселения [7, с. 46]. I.

Экономика: 1) ремесло (производственные комплексы, орудия труда, полуфабрикаты); 2) торговля (привозные вещи, детали весов, монеты и денежные слитки); 3) промыслы. II. Административное управление (печати и пломбы). III. Военное дело: 1) оружие; 2) доспехи; 3) снаряжение коня и всадника. IV. Монуументальное зодчество: 1) каменные храмы; 2) каменные дворцовые и оборонительные сооружения. V. Письменность: 1) памятники эпиграфики; 2) орудия письма; 3) книжные заставки и накладки. VI. Быт феодалов: 1) украшения из драгоценных металлов; 2) металлическая и стеклянная посуда, прочая дорогая утварь. VII. Внутренняя топография: 1) усадебно-дворовая застройка; 2) дифференциация жилых построек по местоположению, размерам и устройству.

Практическое использование этой классификации для золотоордынских памятников вызывает значительные сложности, связанные со спецификой жизни Золотой Орды. Например, города в период своего создания вовсе не имели укреплений, что выделяло их среди всех городов тогдашнего цивилизованного мира, делопроизводство здесь не знало подвесных печатей и др. С другой стороны на порядок более развитое монетное обращение приводило к выпадению значительного числа монет даже на бесспорно сельских памятниках.

Поэтому, на основании полученных в ходе исследований данных, в качестве археологических свидетельств для выделения золотоордынских городов, был предложен несколько модифицированный список [8, с.163]. Экономика: 1) ремесло (производственные комплексы, орудия труда, полуфабрикаты), 2) торговля (привозные вещи, детали весов, монеты и денежные слитки), 3) земледелие, скотоводство, промыслы. II. Военное дело: 1) оружие, 2) доспехи, 3) снаряжение коня и всадника. III. Монуументальное зодчество: 1) мечети, минареты, мавзолеи, 2) дворцы, дома, бани. IV. Письменность: 1) памятники эпиграфики, 2) орудия письма. V. Быт знати: 1) украшения из драгоценных металлов, 2) металлическая и стеклянная посуда, прочая дорогая утварь. VI. Внутренняя топография: 1) усадебно-дворовая застройка, 2) дифференциация жилых построек по местоположению, размерам и устройству.

Для пункта I.2 следует сделать уточнение. Азак, являясь крупным центром международной торговли, реэкспортировал в свою округу большое количество привозных товаров. Поэтому практически на любом поселении мы найдем фрагменты трапезундских амфор, а иногда и сосудов, в том числе поливных из Нижнего Поволжья, Маджара, Крыма. Так что, речь в данном случае должна идти о количественной оценке доли этих импортов и наличии редких и дорогих импортов (Крит, Византия, Хорезм).

Ещё одним важным признаком позволяющим отделить города от сельских поселений являются размеры. Но здесь мы сталкиваемся с методологическими сложностями. Существующие и опробованные на восточноевропейских памятниках математические методы построения иерархии поселений и выделения микрорегионов [9, с.94-118], которые бы помогли определить размеры городов в данном конкретном случае, для золотоордынских памятников округа Азака пока что использованы быть не могут из-за недостаточной их изученности. Для большинства из них нет даже обоснованной оценки их площади.

Площадь средневековых городов Сирии среднего размера составляла 20-50 га, а малых 10-15 га [4, с.107]. Но нужно учитывать, что большинство городов средневековья имело укрепления, которые ограничивая территорию поселения, заставляли увеличивать плотность застройки. В условиях Золотой Орды такой лимитирующий фактор отсутствовал.

Для золотоордынских памятников Нижнего Поволжья в качестве границы между сельскими поселениями и малыми городами также предложен размер в 10 га [8, с.163; 10, с.170]. Возможно, для лучше изученных памятников Поволжья, установление этой размерной границы правомерно. Однако при попытке использования её для анализа совокупности памятников округа Азака мы обнаруживаем, что подавляющее большинство обнаруженных поселений следует отнести к числу малых городов.

Подобный вывод представляется не правомерным. В качестве рабочей гипотезы мы принимаем нижнюю размерную границу для малого города округа Азака в 30 га. Эта цифра получена при предварительном анализе материалов и естественно нуждается в проверке.

Для того, что бы можно было отнести поселение к числу городских необходимо, разумеется, наличие нескольких признаков из вышеприведенного списка. На настоящий момент можно выделить 6 поселений округа Азака в Северо-Восточном Приазовье, которые могут претендовать на роль малых городов: Платоно-Петровское, Донской, Кагальницкое, Пешково, Новониколаевка, Новомаргаритовское (рис.1). Ниже мы приводим их краткую характеристику.

Платоно-Петровка. Наиболее крупный и на настоящий момент и наиболее изученный памятник в округе Азака. Поселение находится между с. Платоно-Петровка и х. Васильево-Петровка, на береговом склоне левого берега долины р. Кагальник. Памятник был обнаружен в 1958 году И.С. Каменецким. В дальнейшем различными исследователями на нем неоднократно производились сборы подъемного материала. К сожалению, памятник также стал объектом хищнического собирательства и в своей значительной части он полностью разграблен. В 2013 г. археологами Азовского музея-заповедника впервые были выполнены значительные по объему шурфовочные работы, которые имели своей целью уточнение границ памятника. Площадь памятника составляет более 91 га.

Благодаря объёмным сборам удалось выделить продукцию местных гончаров. Черепок сосудов достаточно своеобразен и характерен, благодаря чему образцы керамики производства данного поселения опознаются и среди материалов из Азака, а также на большом числе поселений его округа. В юго-восточной части Азака на некоторых раскопах эта керамика составляет несколько процентов. В нашем распоряжении ряд выразительных образцов сосудов производства гончаров Платоно-Петровского поселения (рис.2, 1-11). Ассортимент составляли не только традиционные для постсалтовской гончарной традиции горшки (рис.2, 4-5), кувшины (рис.2, 1-2, 7-11) и корчаги, но и изделия характерные для городских керамистов – афтобы (рис.2, 3) и амфоры (рис.2, 6). Встречены также чаши, трубы, дигирные сосуды.

Керамические импорты на поселении представлены максимально большим, для памятников округа Азака, количеством групп, включая продукцию Константинополя, Нижнего Поволжья, критские пифосы и др. Причем, для XIII в. доля импортной (преимущественно амфорной) керамики превышает 50%. Учитывая удаленность памятника от берега моря, такой процент указывает на активное участие поселения в торговле.

На поселении обнаружено большое число изделий из металлов (рис.2, 12-23; 3-4). В большинстве своем это типичные для Азака предметы костюма, украшения и бытовые предметы: серьги (рис.4, 13), зеркала (рис.4, 10-11), свинцовые пуговицы (рис.2, 12-17), медный бубенчик (рис.4, 9), детали ременной гарнитуры (рис.4, 12, 14, 15), наперстки (рис.2, 20-21), перстни (рис.3, 2-9). Причем среди перстней помимо медных перстней обычных для Азака типов встречен серебряный перстень (рис.3, 2), а также перстень со щитком в форме цветка с эмалевыми вставками (рис.3, 5). Вероятно, после утраты части эмали для перстня была изготовлена серебряная накладка (рис.3, 4). Встречен также бытовой инвентарь: ножи, гвозди, мелкий железный инструмент, чугунные котлы.

Отмечены вещи, указывающие на наличие ремесленных производств на территории Платоно-Петровского поселения. Это обрезки меди от производства или ремонта медных котелков (рис.2, 19), которые были найдены на небольшой площади, где встречены также другие изделия из свинца (рис.2, 18). Свинцовые ампулы (рис.2, 22-23) по предположению И.В. Волкова могли использоваться в качестве тары для упоминаемого в письменных источниках благовония из корней аира местного производства. Также на поселении найдены фрагменты железных криц и шлаков.

Особое место занимает бронзовая печать-матрица с именем Бартоломея де Пичинаса (рис.3, 1), обнаруженная на Калмыцком бугре, который для обитателей Платоно-Петровского поселения выступал, вероятно, в качестве места рыбного промысла. Эта находка указывает на присутствие на поселении европейских купцов и более того на участие купеческого капитала в организации рыбного промысла.

На поселении поднято большое количество монетного материала, который только частично попал в распоряжение ученых. По непроверенным данным среди находок есть западноевропейские монеты.

Отдельно остановимся на двух категориях предметов. Во-первых, это предметы вооружения и снаряжения верхового коня. К числу последних, относится конский ледоходный шип (рис.4, 7). Встречены наконечники стрел (рис.4, 5-6), среди которых специализированные бронебойные (рис.4, 6), фрагмент булавы (рис.4, 8). Известно о находках наконечников копий и боевого топора. Такой набор указывает на присутствие на поселении воинов, причем не кочевников, которые очевидно имели более высокий общественный статус по сравнению с основной массой населения.

Во-вторых, с поселения происходят предметы культа. Это нательные кресты, вырезанные из листа (рис.4, 2-3), фрагментированная двусторонняя иконка (рис.4, 1) и фрагмент энколпиона (рис.4, 4). Если нательные кресты принадлежали обычным жителям, то последние две находки принадлежность священнослужителей. Это наряду с фрагментами кашинных изразцов и плинфы указывает на вероятное наличие на поселении культовых зданий.

В пользу городского статуса поселения Платоно-Петровка свидетельствуют: значительные размеры памятника, факт нахождения на его территории ряда ремесленных производств, продукция которых фиксируется на других памятниках, вероятное наличие фундаментальных зданий, факт присутствия на нем представителей знати и иностранных купцов, развитое монетное обращение. Данный памятник, по всей вероятности, был административным центром всего оседлого населения долины р. Кагальник. Мнение о том, что Платоно-Петровское поселение является малым городом, было высказано достаточно давно [11, с.154-155], но, к сожалению, изучение памятника отстает от темпов его разграбления.

Донской 1. Поселение расположено на территории современного хутора Донской и занимает прирусловый вал, вытянутый вдоль правого берега Дона к востоку от Церковного ерика. В настоящее время площадь памятника составляет менее 10 га. Значительная часть поселения была размыта рекой за последние десятилетия, поэтому первоначальную площадь поселения сейчас установить трудно. Памятник известен по неоднократно делавшимся сборам. Материалы сборов опубликованы частично [12, с.166, 168, 170, рис.13]. В сборах представлены материалы XII, XIII и XIV в. Известно о большом числе находок золотоордынских монет, которые, к сожалению, за единичными исключениями попали в руки частных коллекционеров.

Вполне возможно, что поселение Донское без потрясений пережило монгольское завоевание. В таком случае оно является единственным значительным золотоордынским памятником округа Азака, которое существовал с домонгольского времени. Вероятно, с ним следует связывать топоним, встречающийся на итальянских портоланах -Casaleli Rossi, CasalDelirosy, CasardiRossi. Это название переводится как «поселок русских». В пользу этого определения говорит тот факт, что только на этом памятнике в заметном количестве встречена древнерусская керамика и то, что это самый заметный населенный пункт на пути от устья реки к Азаку. Возможно, с этим же поселением связано свидетельство В. Рубрика: «...приставая к вышеупомянутому городу Матрике, посылают [оттуда] свои лодки (barcas) до реки Танаида, чтобы закупить сушеной рыбы, именно осетров, чебаков (hosasbarbatas) и других рыб в беспредельном количестве» [13, с.88]. Хотя речь наверняка шла не только об одном этом пункте, но и до недавнего времени х.

Донской был одним из самых значимых пунктов рыбного промысла и именно он лучше всего подходит под географическую привязку указанную В. Рубруком.

В пользу отнесения поселения Донской к числу малых городов говорит достаточно развитое денежное обращение, находки образцов редких и дорогих керамических импортов (рис.5, 28, 33), очень вероятное участие в крупной международной торговле рыбой. Противоречит этому относительно небольшой размер поселения, но как указывалось выше его первоначальные размеры установить в настоящее время затруднительно. Сам использованный термин *casale* переводится именно как поселение не городского типа. Так же маловероятно существование на поселении ремесленных производств, в том числе развитого гончарства, за исключением тех, которые были связаны с рыбным промыслом. С поселением Донской связаны поселения Петровский и Узьяк I и возможно некоторые ещё не обнаруженные памятники. Но всё же маловероятно предположение, что поселение Донской было административным или хозяйственным центром, какой либо округи.

Кагальницкое поселение занимает мыс, которым заканчивается коренной берег Дона и разделяет его пойму и долину р. Кагальник. Этот мыс является хорошим ориентиром для навигации при входе в гирло Дона и вероятно отмечен на итальянских портоланах под названием *Magromixi*. Кроме того в случае низкого уровня воды в Дону, что случалось нередко и в новое время, здесь могла осуществляться разгрузка и выгрузка морских судов. Поселение известно достаточно давно, однако до настоящего времени в руки археологов попали только единичные монетные находки и очень небольшая коллекция керамики. Эта коллекция указывает на значительный процент импортной керамики, в том числе поливной в составе керамического комплекса Кагальницкого поселения. Анализ керамических находок с поселений Донское, Новомаргаритовское, Узьяк-3-4 и самого Азака указывает на существование значительного гончарного центра к западу от Азака и наиболее вероятным его местоположением является именно Кагальницкое поселение. Само его местоположение указывает на развитие здесь рыболовного промысла. Площадь памятника неизвестна даже приблизительно. С поселением, вероятно, связаны поселения Узьяк -5, у Кагальницкого карьера, на территории х. Береговой и несколько мелких поселений к юго-востоку вдоль правого берега р. Кагальник

На городской статус Кагальницкого поселения указывает вероятное участие в крупной международной торговле, косвенные данные о существовании развитого гончарного производства, наличие керамических импортов. Малоизученность данного памятника мешает выдвинуть возражения против этой точки зрения, но также и затрудняет её доказательство.

Поселение Пешково I-V расположено на территории современного села Пешково, на краю надпойменной террасы левого берега р. Кагальник в том месте, где она образует выступ. В этом месте ширина поймы р. Кагальник сильно сужается. Именно поэтому здесь в настоящее время проложена шоссейная дорога с мостом. Хотя не совсем ясна южная граница памятника, площадь поселения явно превышает 40 га. Поселение возникает в XIII в. Причем, в это время его территория превышает площадь синхронного ему Азака и, возможно, вообще всех других поселений в Низовьях Дона. С поселения происходит большое число монетных находок. Найден также клад начала XV в. Здесь существовало своё гончарное производство (рис.5, 25, 27). С поселением Пешково вероятно связан ряд более мелких памятников: Сельхозучилище III, Головатовка-Луговое, Пешково XII, возможно Зеленый I и II, Петровка.

На городской статус поселения указывает его весьма значительная площадь, развитое монетное обращение, существование своего гончарного производства, значительный процент керамических импортов (рис.5. 25, 27, 30-32), в том числе поливной керамики. Причем в XIII в. данное поселение по имеющимся в настоящее время данным является вообще самым крупным в Низовьях Дона.

Поселение Ново-Николаевка расположено вдоль края надпойменной террасы правого берега р. Кагальник на западной окраине современного с. Новониколаевка. Известно только по сборам. Площадь памятника точно не известна, но не менее 30-40 га. На поселении существовало свое гончарное производство. О монетном обращении информация отсутствует. К Ново-Николаевскому поселению тяготеет несколько более мелких памятников. Заметную долю в керамическом комплексе составляют импорты, в том числе поливные сосуды.

В пользу городского статуса поселения говорит его значительная площадь, наличие собственного гончарного производства, присутствие керамических импортов. Однако малая изученность памятника не позволяет сделать окончательные выводы.

Новомаргаритовское поселение расположено на берегу моря в долине р. Чубурки. Оно протянулось поперек всей долины от одного коренного берега до другого. В настоящее время поселение большей частью разрушено наступающим морем. Особенно сильно пострадала его северо-восточная часть. Хотя определить точные размеры в настоящее время затруднительно площадь памятника составляла минимально 40-50 га. С достаточной долей уверенности можно говорить о том, что это поселение обозначено на итальянских портоланах под названием *Zacagia*. Это предположение высказал И.В. Волков [14, с.109]. Помимо многолетних сборов на поселении производились незначительные по площади шурфовочные работы. Полученные материалы опубликованы частично [12, с.178-182]. На поселении существовало своё собственное гончарное производство. Причем вероятно одновременно работали две группы мастеров (рис.5, 2-5, 7-9, 12-16, 23, 24). Отдельные образцы этой продукции достигали Азака. Среди продукции присутствует такая специфическая форма как дигирный сосуд (рис.5, 5). Вместе с тем, в отличие от Платоно-Петровского поселения, большую часть керамики на поселении составляли сосуды производства Азака (рис.5, 1). В большом количестве представлены керамические импорты, как привезенные из-за моря (рис.5, 20), так и поступавшие из небольших гончарных центров (рис.5, 6, 10, 11, 21, 22), что указывает на развитые связи Новомаргаритовского поселения с сельской округой. Известно о развитом монетном обращении на поселении, хотя большинство монетных находок осело в руках частных коллекционеров. Судя по имеющимся данным, монетное обращение началось здесь ещё в XIII в. Другой бытовой инвентарь встречен в небольшом количестве (рис.5, 17-19).

В пользу городского статуса Новомаргаритовского поселения говорит его значительная площадь, наличие собственного гончарного производства, присутствие большого числа керамических импортов. И главное указание пункта в портоланах, в том числе словесных в качестве малого порта свидетельствует о концентрации здесь экспортных товаров, что и является одной из функций города.

Имеющаяся в настоящее время информация о малых городах округа Азака в Северо-Восточном Приазовье недостаточна для того, чтобы делать далеко идущие выводы. Однако можно констатировать, что сеть поселений была очень развита и дифференцирована по размерам. В дальнейшем список и сельских поселений и малых городов округа Азака, несомненно, будет только пополняться и уточняться. Подобное бурное развитие за очень короткий исторический отрезок не могло произойти без активной поддержки государства, но смуты внутри Золотой Орды послужили и причиной гибели всей округа Азака, и в том числе малых городов. Очевидно, решительный удар округе был нанесен во время нашествия Тимура в 1395 г. Свидетельства этого были обнаружены на Платоно-Петровском поселении. Следы жизни в XV в. отмечены для поселений Пешково, Платоно-Петровка, а возможно и для Донского, но в отличие от Азака, города его округа исчезли, не дожив до настоящего времени.

Библиографический список и примечания

1. Масловский А.Н. О сельской округе Азака (к постановке проблемы). В сб.: Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV Международной конференции, посвящённой памяти профессора МГУ Г.А. Фёдорова-Давыдова. 30 сентября-3 октября 2008 года. Донские древности. Вып.10. Азов, 2009. с.321-339
2. Масловский А.Н. Северо-Восточное Приазовье в VIII-XV вв. В сб.: Большой Ромбит. Ейск. 2010. С.11-18
3. Масловский А.Н. Золотоордынский Азак и его округа. Краткий очерк. В сб.: Археология Евразийских степей. Вып.17. Средневековая Евразия: симбиоз городов и степи. Материалы II Международного Болгарского форума. 21-23 мая 2011 г., Казань. Казань, 2013. С.110-121.
4. Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII - середина XIII вв. М., 2001. 344 с.
5. Флёров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. Москва, Иерусалим, 2011. 264 с.
6. Большаков О.Г., Якобсон В.А. Об определении понятия «город». В сб.: История и культура народов Востока (древность и средневековье). Л., 1983. С.4-21
7. Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985.432 с.
8. Недашковский Л.Ф. Социальный облик золотоордынских городов Нижнего Поволжья и поселений его округа. В сб.: Форум «Идель - Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации, I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Казань, 2009. С.163-164
9. Афанасьев Г.Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М., 1993. 184 с.
10. Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Нижнего Поволжья и его округа. В сб.: Средневековая Евразия: симбиоз городов и степи. Материалы II Международного Болгарского форума. Археология Евразийских степей. Вып.17. Казань, 2013. С.166-177.
11. Масловский А.Н. Раскопки в Азове в 2003 году. В сб.: Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2003 г. Вып.20. Азов, 2004. С.142-155.
12. Масловский А.Н. Исследования в Азове, Азовском районе и Ростове в 2006 году. В сб.: Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2006 г. Вып.23. Азов, 2008. С.144-188.
13. Путешествия в восточные страны ПланоКарпини и Рубрука. М., 1957. 270 с.
14. Волков И.В. Поселения Приазовья в XII-XIII веках. В сб.: Русь в XIII веке. Древности тёмного времени. М., 2003. С.108-130.

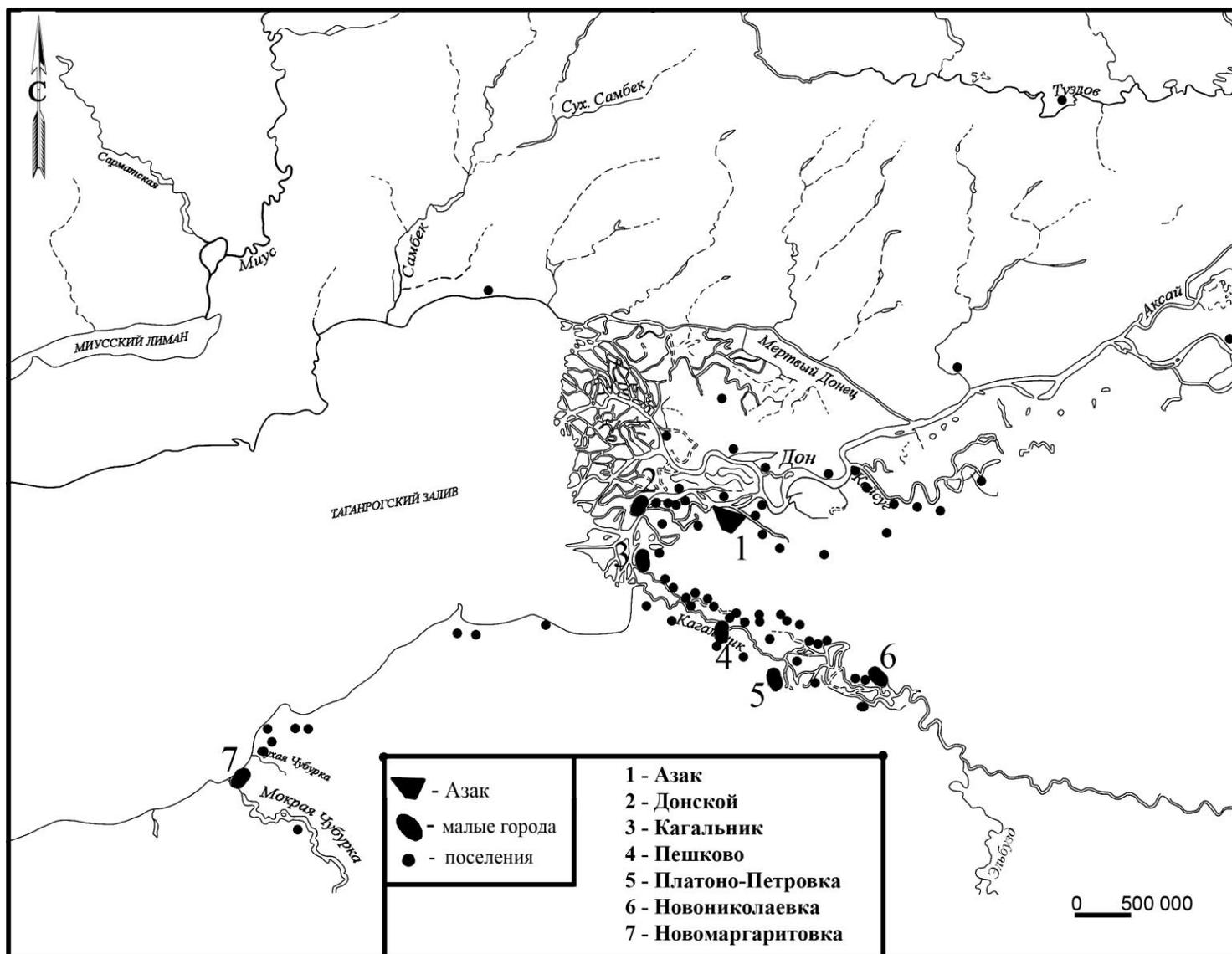

Рис. 1. Схема расположения малых городов северо-восточного Приазовья XIII-XIV вв.

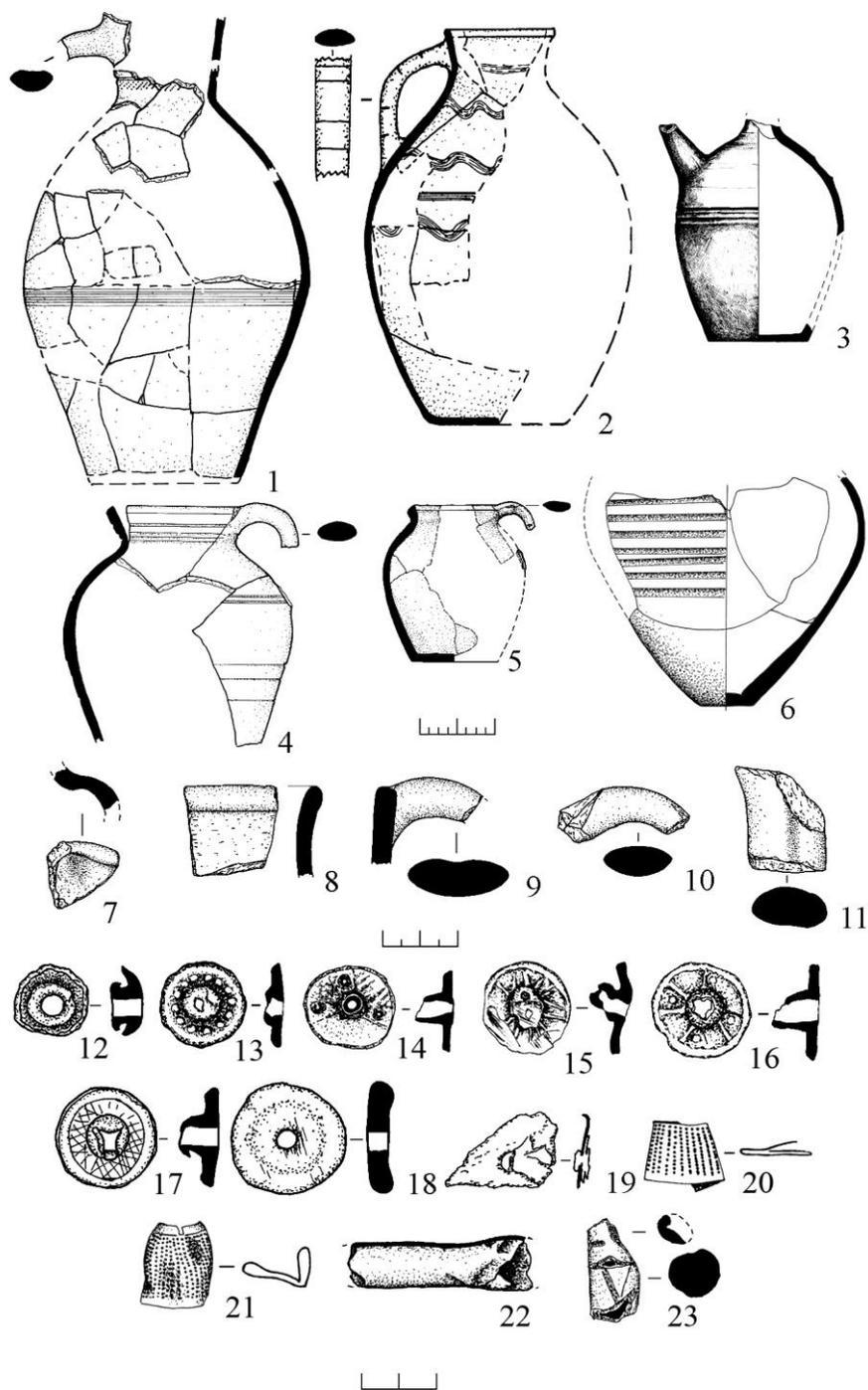

Рис. 2. Поселение Платоно-Петровка
 1, 2, 7-11 – кувшины; 3 – афтоба; 4, 5 – горшки; 6 – амфора; 12-17 – свинцовые пуговицы; 18 – свинцовый грузик; 19 – фрагмент медного сосуда с заклёпкой; 20-21 – медные наперстки; 22-23 – свинцовые ампулы

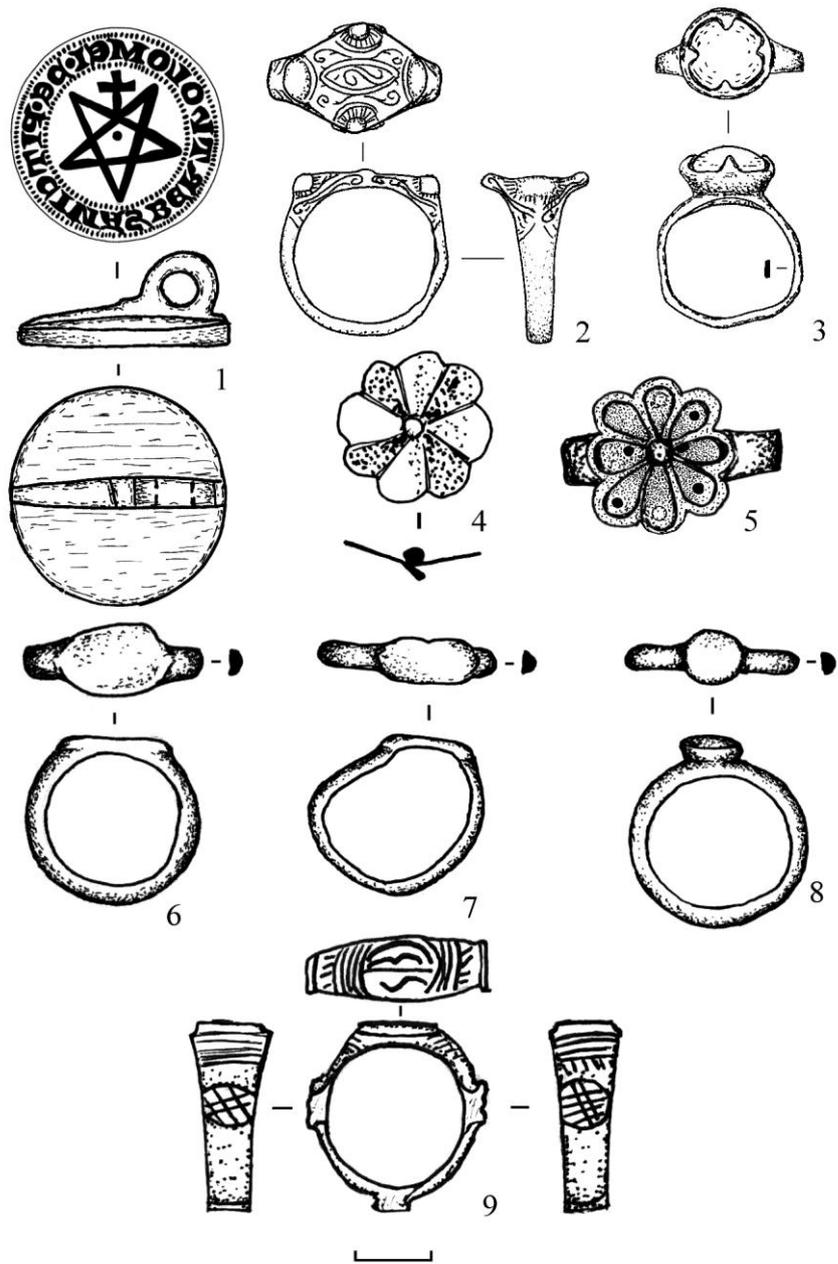

Рис. 3. Поселение Платоно-Петровка
 1 – печать; 2, 3 – перстни; 4 – серебряная накладка на щиток перстня;
 5 – бронзовый перстень с росписью эмалями; 6-9 – бронзовые перстни.

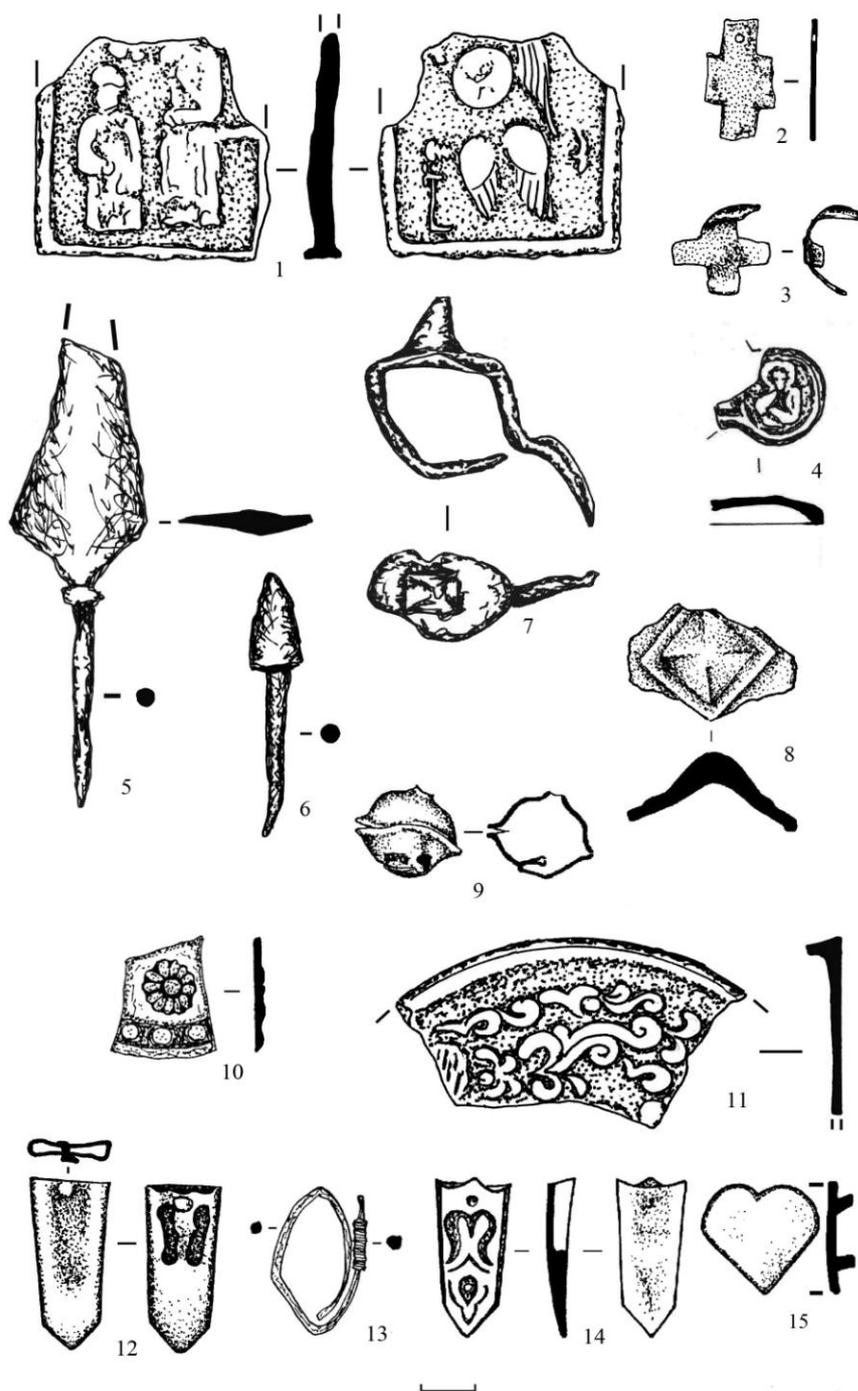

Рис. 4. Поселение Платоно-Петровка

- 1 – бронзовая иконка; 2-3 – медные нательные кресты; 4 - фрагмент бронзового креста-энколпиона; 5-6 – железные наконечники стрел; 7 – железный ледоходный шип; 8-бронзовое навершие булавы; 9 – медный бубенчик; 10-11 – фрагменты бронзовых зеркал; 12,14 – медные ременные наконечники; 13 – серебряная серьга; 15 – бронзовая ременная бляшка

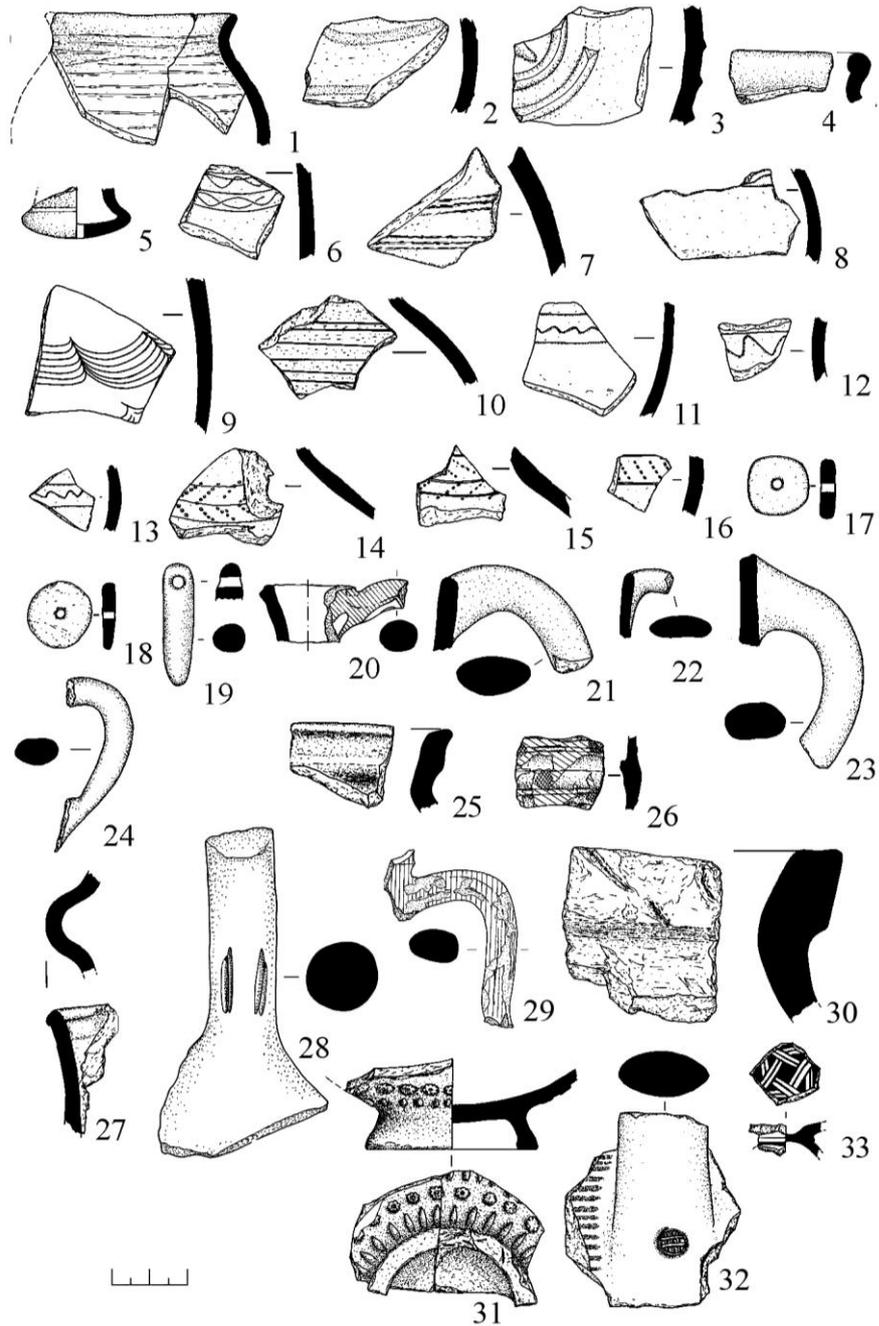

Рис. 5. Поселение Новомаргаритовка

1, 4 – горшки; 2, 3, 6-16- стенки с орнаментом; 5 – дигир; 17, 18 – пряслица; 19 – каменный оселок; 20 – поливной кувшин; 21, 22 – кувшины; 23, 24 – корчаги.

2-5, 7-9, 12, 23 – I группа местного производства; 13-16, 24 – II группа местного производства;

Поселение Пешково I.

25 - корчага (местное производство); 27 – кувшин (местное производство); 26, 31 – штампованные поливные кувшины (ЮВ Крым); 30 – венчик пифоса (неизвестный центр); 32 – ручка амфоры с клеймом (Трапезунд).

Поселение Донской I.

28, 29 – кувшины; 33 - донце поливной чаши (Византия).

ТАГАНРОГСКИЙ МЫС В СРЕДНИЕ ВЕКА. О НАХОДКАХ РОССИЙСКО-НЕМЕЦКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В г.ТАГАНРОГЕ 2004-2010 гг.

Историю Таганрогского мыса, да и всего Приазовья, можно разделить на два больших периода, которые можно образно назвать обретение суши и обретение моря.

Обретение суши

Геологическое прошлое Приазовья это история морских бассейнов. Заселение Приазовья человеком в древности связано с тем, что около 40 тыс. лет назад море отступило и речная долина р. Дон соединилась с чашей Черного моря через нынешний Керченский пролив. Дон принял в себя как притоки с севера, реки, текущие со склонов Донецкого кряжа, с востока, реки Приазовской низменности и Кубань, стекающую с Кавказского хребта.

Как была заселена человеком эта гигантская долина Дона? Мы можем строить только предположения. Ни одно древнее поселение на дне современного Азовского моря пока не обнаружено. Следы поселений и стоянок каменного века прослеживаются в погребенных почвах лессовидных суглинков, образовавшихся в ледниковый период. Но местом обитания человека этого времени были не морские берега, а террасы рек бассейна древней речной системы. На северном побережье Азовского моря часть этих памятников открыта в береговых обрывах. Большой вклад в изучение этих памятников внес Н.Д. Праслов.

Дальнейшая история развития Приазовья связана с наступлением вод на сушу. Первые письменные свидетельства о новорожденном водоеме оставляют древние греки, называвшие его Меотийское болото, Скифские пруды. Однако вряд ли эволюция этого водоема происходила по линейным закономерностям. Формирование современного побережья, видимо, определялось разнонаправленными тектоническими процессами. В длительном промежутке между Скифскими прудами древних греков и эпохой, когда палеодон впадал непосредственно в Черное море, территория суши неоднократно изменяла свои очертания. Одним из мощнейших факторов этих изменений являлись колебания уровня Мирового океана. Так, топография поселений и стоянок неолита, значительная часть которых расположена на современных заливаемых паводками поймах рек, позволяют говорить о периоде регрессии. А топография поселений позднего бронзового века на аккумулятивных формах рельефа, таких как Обиточная коса, свидетельствуют о том, что, по крайней мере, в эпоху бронзы уже формировались отдельные элементы рельефа, позже вошедшие в структуру рельефа современного Азовского моря.

VII в. до н.э. – время появления древних греков в Северо-Восточном Приазовье совпадает с фанагорийской регрессией Азово-Черноморского бассейна. В районе современного Таганрога местом обитания древних греков был берег донского лимана, а не морского залива. И поселение заняло участок террасы, сформировавшейся в эпоху палеолита, в основании которого лежали древние пески. Остатки (реликты) подобной террасы мы еще можем наблюдать в западной части современной дельты Дона – так называемые песчаные бугры.

Последовавшая около 2 тыс. лет назад нимфейская трансгрессия положила начало современным Азовскому морю и Таганрогскому заливу, хотя размеры и конфигурация их не совсем соответствовали нынешним.

История средних веков в Приазовье совпадает с очередным циклом регрессии, максимум которой, видимо, приходится на IX-X вв. Но не только колебания уровня Мирового океана изменяли очертания береговой линии. В процессе заполнения

котловины Азовского моря развивались два взаимоисключающих процесса – размыв волнам и течениями коренных береговых откосов (обрывов) и переотложение грубозернистых фракций на смежных участках. Позже на этих участках постепенно возникали аккумулятивные формы разного типа – косы, пересыпи и др. Отметим, что ориентация наносных форм совпадает с направлением господствующих ветров – северо-восточных, восточных и юго-западных, западных. В пределах некоторых аккумулятивных форм обнаружены следы средневековых поселений, как, например, на Чумбурской косе.

Участок суши с северной стороны Таганрогского мыса, на котором в раннее средневековье возникает поселение, это оползневая терраса, по нашему предположению, прикрытая со стороны залива косой. Реликтом этой косы в наше время является остров Черепаша. Оползневая терраса сформировалась к IV в. до н.э. Требуется своего объяснения, каким образом могла сохраниться оползневая терраса на участке залива достаточно далеко удаленном от дельты р. Дон.

Процесс формирования оползневой террасы на северном побережье Таганрогского залива идет и сейчас. Зарождение террасы, этого молодого образования, возникшего в результате абразии и оползней берегового обрыва, мы наблюдаем на отрезке с. Морской Чулек до станции Морской. Западнее этой зоны сгонно-нагонные течения успевают размывать и убрать обвалы берега. Сохранность молодой оползневой террасы на линии Морской Чулек – Морская обеспечивается близостью дельты р. Дон. Твердый сток этой реки и острова гасят разрушительную силу нагонных течений и не дают волнам моря уничтожить новообразование. Отметим, что процессы абразии берега и образования кос имеют характерный рисунок рельефа: глубоко вдающиеся в коренной берег дугообразные уступы – участки разрушения, абразии, на концах этих уступов – аккумулятивные формы, косы, как уже говорилось, ориентированные по направлению господствующих ветров. Процесс этот циклический, на каком-то этапе разрушение берега меняет свое направление и начинается разрушение концов береговой дуги, размывание кос и новое дугообразное продвижение вглубь берега, образование новых кос. Но молодая оползневая терраса малоприспособна для поселения. Грунты рыхлые, не улежавшиеся, с трещинами между оползневыми блоками, пронизаны многочисленными родниками.

По правобережью донской дельты прослеживается рисунок древнего морского побережья в виде дугообразных уступов, в подножии которых располагается оползневая терраса. Это дуги берега от ст. Синявского до Танаиса, от с. Недвиговка до Морского Чулека. Здесь оползневая терраса обжита еще с меднокаменного века. Мы считаем, что как только оползневое образование получает прикрытие в виде островов дельты Дона, происходит закрепление грунтов и эти площадки становятся пригодными для поселений [1].

Но оползневая терраса с северной стороны Таганрогского мыса сохранилась не в результате прикрытия островами дельты, а благодаря тому, что здесь был период существования косы. Таким образом, можно представить внешний вид этой террасы в начале средневековья как выположенную площадку шириной около 50-100 м., обрывом высотой 4-5 м, возвышающуюся над песчаной косой, глубоко вдающейся в оды залива.

Открытие на оползневой террасе в Таганроге следов средневекового поселения уникально. В настоящее время это единственный памятник на побережье Таганрогского залива, расположенный в такой топографической позиции. На остальной части залива ветер и море разрушили значительную часть береговой линии. На береговых обрывах мы уже не можем найти культурные слои поселений бронзового века. В с. Ново-Золтовка разрушается последний участок поселения IV-начала III вв. до н.э. Береговая абразия сейчас уничтожает не только средневековые памятники, но и крепости, и поселения XVII - начала XX вв.

Конструкция печи

Раскопанная экспедицией печь была врезана в обрыв оползневой террасы. К сожалению, мы не можем говорить о пространстве перед печью. В ходе раскопок эта

конструкция была вскрыта сверху, после разборки стерильной прослойки светло-коричневого суглинка (условного материка). Открытым остается вопрос, где была устроена печь – в помещении, типа землянки? Или же это была надворная конструкция?

В плане Таганрогская печь – овальная, с купольным сводом. Топочное отверстие с севера одновременно являлась и дымоходом. Видимо, выпечка хлеба или других продуктов (мяса, рыбы) производилась после того, когда необходимый объем топлива прогорал и тепло долго сохраняли стенки, свод печи и угли на ее дне.

Аналогичные печи, когда основу конструкции составляет полость, выбранная в материковой основе, известны в Приазовье. В 1975 г. аналогичная печь была исследована нами на городище Самбек в полуземляночном жилище, часть которого была разрушена обвалами берега. Дата самбекской конструкции XII-XIII вв.

В 1966 г. в с. Ново-Золотовка была раскопана частично разрушенная береговой абразией гончарная мастерская первой половины – середины XIV в. Печи для обжига керамики были вырублены в материковом массиве вдоль стен землянки так, внутри помещения открывались топочные отверстия трех печей [2].

Подобные печи фиксируются М.А. Миллером при описании крестьянских построек Приазовья XIX – начала XX вв. [3]

Обретение моря 1

Если обретение суши это преимущественно природные процессы, сформировавшие пригодные для обитания человека земли у Азовского моря, то обретение моря – это установление международных контрактов через морские пути сообщения. Були ли древние греки первыми, кто прибыл морем к устью Дона? Или же были предшественники, указавшие эллинам этот путь?

Последнее предположение нам кажется более предпочтительным. В финале бронзового века, к рубежу II-I тысячелетий до нашей эры, в результате изменения природных условий и демографических сдвигов исчезают многочисленные поселения, сложившиеся начиная со времени многоваликовой и срубной культур. Считается, что основная часть населения степи переходит к номадизму. Но в дельте Дона появляются четыре поселения, основанные выходцами с Северо-Западного Кавказа. Этот феномен получил название «Кобяковская археологическая культура». Ведущую роль в хозяйстве «кобьяковцев» играло рыболовство, культурные слои поселений насыщены костями рыб, рыбьей чешуей, часты находки рыболовных грузил оригинальной формы; в отличие от хозяйства поселений «срубников», в культурных слоях которых редкой находкой являются кости рыб. На наш взгляд, переселение «кобцев» в устье Дона произошло морским путем и связи с кавказской прародиной поддерживались.

Древние греки именно на Северо-Западном Кавказе получили информацию о Приазовье и Доне и морском пути к этим землям. Таким образом было положено начало многовековой традиции, когда в устьевой части Дона располагались крупные торгово-экономические центры, основанные не туземным населением, а иноязычным и культурным по отношению к жителям степи. Это таганрогское поселение, Елизаветовское городище, Танаис, а в эпоху Золотой орды итальянская колония Тана, на территории эмирского города Азак.

Но в эпоху Хазарского каганата мы видим парадоксальную ситуацию – в дельте Дона нет крупного аналогичного центра. Раскопанный в Таганроге небольшой участок раннесредневекового поселения – это одно из звеньев для понимания этого явления.

Обратимся к истории этого региона в раннее средневековье. Одним из краеугольных камней для понимания прошлого, основой большинства современных теорий и заблуждений является сообщения хазарского кагана Иосифа: «У меня записано, что когда мои предки были еще малочисленны, Всесвятой, - благословен ОН, - дал им силу, мощь и крепость. Они вели войну за войной со многими народами, которые

были могущественнее и сильнее их. С помощью Божией они прогнали их и заняли их страну, а некоторых из них заставили платить дань до настоящего дня. В стране, в которой я живу, жил прежде всего В-н-н-тры. Наши предки, хазары, воевали с ними. В-н-н-тры были более многочисленны, как песок у моря, но не могли устоять перед хазарами. Они оставили свою страну и бежали, а те преследовали их, пока не настигли их, до реки по имени «Дуна». До настоящего дня они расположены на реке «Дауна» и поблизости от Кустандины, а хазары заняли их страну до настоящего дня» [4]

Благодаря этому отрывку из пространной редакции ответного письма кагана Иосифа Хасдбаю ибн Шафруту, в современных исследованиях о народах степей Северного при черноморья и Приазовья утвердилось мнение, что основным населением были болгары (или праболгары) «многочисленные как песок у моря».

Труды С.А. Плетневой и ее последователей представляют историю болгар в Причерноморье, Приазовье в эпоху хазарского каганата как путь развития «от кочевий к городам», как необратимый процесс оседания кочевников. Авторы этой теории исходили из прогрессивности оседлого земледельческого образа жизни, по сравнению с кочевыми способами ведения хозяйства [5]. Это породило отдельные фантастические реконструкции хозяйственной жизни в ранней истории болгар, как циркумазовская система кочевания с ежегодной переправой масс кочевников через керченский пролив [6].

Во многом питательной средой этих теорий стало представление о том, что в эпоху великого переселения народов гунны уничтожили оседлые поселения в степях Причерноморья и вся история возникновения хазарской империи - это история кочевников. Однако жестокость и разрушительные действия гуннов, красочно описанные Аммианом Марцелином, касаются территорий пограничья Римской империи в Дунавье. Гунны не тронули Танаис и поселения на Тамани (Фонталовский полуостров). Эти разрушения происходят много позднее и связаны с другими кочевниками эпохи образования Тюркского каганата.

Раскопки западного участка Танаиса [7], поселение Терновое 3 в Миллеровском районе Ростовской области и ряда других памятников позволяют говорить о том, что в конце VI-VII вв. в Северо-Восточном Приазовье были очаги оседлой жизни. К цепочке этих памятников относится и поселение в Таганроге.

Мы предполагаем, что Таганрогское поселение и поселение в западной части Танаиса связаны между собой и это памятники не оседающих кочевников. К концу VI в. сложились условия, позволившие части населения с территории бывшего Боспора царства возобновить торговые поселения в Приазовье и дельте реки Дон. Возникновению подобных поселений способствовало изменение политической ситуации в регионе – распад Западного тюркского каганата и возвращение Византией в конце VI в. городов на побережье Керченского пролива [8]. Это произошло до подчинения северо-причерноморских степей хазарами и связано с другим объединением кочевников, названное византийскими авторами «Великой Болгарией» [9]. Не исключено, что поселения на Таганрогском мысе и на окраине Танаиса возникли как часть опорных пунктов на Великом шелковом пути, так как к середине VI. Возник кризис в торговле шелком. Войны Византии и Персии перекрыли традиционные «южные» маршруты из Азии на Ближний Восток и далее в Средиземноморье [10].

Обретение моря 2

В начале работ российско-немецкой экспедиции в Таганроге в 2004 г. в шурфе «А», в песчаных отложениях пляжа была собрана представительная серия находок XIII-XIV вв. Это фрагменты транспортных амфор групп «Трапезунд» и «Триллия» и лощенная красноглиняная столовая посуда. Кухонная гончарная керамика представлена фрагментами горшков древнерусского облика с низким горлом, округлым, отогнутым наружу венчиком, на части фрагментов с закраиной для крышки, орнаментированные по

плечу прочерченными горизонтальными линиями в сочетании с прерывистой волной. Подобная посуда хорошо известна на северном побережье Таганрогского залива: поселения в устье реки Самбек (городище Самбек и поселение Куричи), на Миусском лимане – поселение Натальевка и поселение на левом берегу в устье балки Носовой в одноименном с балкой современном селе у свинофермы. А также на южном берегу Миусского полуострова – Семеновская крепость, у села Комаровка, поселение на территории села Петрушина коса.

Уникальность Таганрогских находок – это единственный памятник, сохранившийся на участке средневекового пляжа. Очевидно, что эти находки можно рассматривать как иллюстрацию к сообщениям средневековых западноевропейских авторов об особенностях торговли на Азовском море.

Гильом де Рубрук: «В восточной же части этой области есть город, именуемый Матрика, где река Танаид впадает в море Понта, имея в устье 12 миль в ширину. Именно эта река, прежде чем впасть в море Понта, образует на севере как бы некое море, имеющее в ширину и длину 700 миль, но нигде не имеющее глубины свыше шести шагов...; поэтому большие корабли не входят в него, а купцы из Константинополя, приставая к вышеупомянутому городу Матрике, посылают оттуда свои... лодки до Танаида, чтобы закупить сушеной рыбы, именно осетров, чебаков... и других рыб в беспредельном количестве» [11].

Дополняет информацию об этих торговых операциях Франческо Пеголотти. Трактат Пеголотти дает возможность представить себе, как был организован вывоз зерна... из степей Приазовья. ... Ближайшим портом от Таны в сторону Крыма был Порто Пизано..., где корабли, вместительностью в две тысячи модиев..., останавливались на расстоянии пяти миль от берега, а меньшие суда..., подходили ближе, в зависимости от их величины [12].

Раскопанный российско-немецкой экспедицией участок – это разгрузочно-погрузочная площадка для товаров, доставляемых кораблями, и для товаров, предназначенных для погрузки на эти корабли. Отметим одну стратиграфическую особенность таганрогского позднесредневекового комплекса – мощность песчаных наслоений, содержащих обломки керамики и костей животных, составляет более 1 метра. Эта ситуация связана с сезонным характером отложения археологических материалов. Во время сильных сгонных ветров, пик активности которых приходится чаще всего на конец зимы – весну, обнажаются значительные участки дна залива и ветер переносит массы песка на берег. Ежегодно песок перекрывал отложения бытовых отходов, образовавшихся за время работы разгрузочно-погрузочной площадки в предыдущую навигацию.

Библиографический список и примечания

1. Симов В.Г. Гидрология устьев рек Азовского моря. М. Гидрометеиздат, 1989. Ларенок П.А. Археология и география. Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тезисы докладов областного научно-практического семинара. Донецк, 1987.
2. Ларенок П.А. Кочевники и ремесленники (Новые данные о гончарстве в Подонье-Приазовье в эпоху степных империй) // История и культура народов Предкавказья и Северного Кавказа: проблемы межэтнических отношений. Ростов-на-Дону. Изд-во Рост. гос. консерватории им С.М. Рахманинова. 1999. С. 35-47. Красильникова Л.И. Постройки салтово-маяцкой культуры степного Подонья // Автореф. дис. на соискание уч. степ. кандидата исторических наук. Киев, 2005. С. 11-12.
3. Миллер М.А. Очерк крестьянских построек в Приазовье // Записки Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы. Т. 1. Ростов-на-Дону. 1913.
4. Цитировано: Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка // Открытие Хазарии. М., ДИ-ДИК, 1966 (серия альманахов «Мир Гумилева» вып. 6), С. 590-591.

5. Плетнева С.А. От кочевий к городам. М., 1967. Плетнева С. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982. Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М.: Мосты культуры – Иерусалим «Гешарим», 1999. Красильников. К.И. Возникновение оседлости у праболгар Среднедонечья // СА, 1981. № 3.
6. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья... Киев. Наукова думка. 1990. С. 15.: «до разгрома Приазовской конфедерации хазарами в середине VII в. тюркские роды традиционно кочевали по кольцевому маршруту, который начинался на зимних становищах в Северном Приазовье, шел через Тамань и Ильичевский брод Керченского пролива в Крым. После кратковременной перекочевки по степям Крымского полуострова кочевники перегоняли свои стада через Перекопский вал в степи Северной Таврики, откуда вдоль северного побережья Приазовья они поздней осенью возвращались к зимникам». Майко В.В. Проблемы этнокультурных связей Крыма с Поднепровьем во второй половине VII в. // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Тезисы докладов VII Донской археологической конференции. Ростов-на-Дону, 1998. С. 130-131.
7. Нидзельницкая Л.Ю., Ильяшенко С.М. Раннесредневековое поселение на территории Танаиса // Средневековые древности Дона. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 2. Москва-Иерусалим, 2007.
8. Чхаидзе В.Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., ТАУС, 2008. С. 260-261.
9. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993. С. 152.
10. Иерусалимская А.А. О северокавказском шелковом пути в раннем средневековье // СА, 1967, № 2. Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового материала из раннесредневековых памятников Евразии. Вып. 2. Стекланные бусы и поясные наборы. М., 2000. С. 210. Манягин В.Г. Хазары. Таинственный след в русской истории. М., Алгоритм, ЭКСМО, 2010. С. 201.
11. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М., 1957. С. 88.
12. Скржинская Е.Ч. Между Газарией и Персией. История венецианской колонии в России // Альманах «Арабески истории». Вып. 5-6. «Каспийский транзит». Т. 2. М., «ДИ-ДИК». 1996. С. 224.

Освоение Россией новых земель в Приазовье. Фортификационное строительство

Ю.В. Приймак

«ДЛЯ ОПАСЕНИЯ КУБАНЦОВ И КАЗАЦКИХ ВОРОВСКИХ ПРИХОДОВ...»: МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ПОХОДА ВОЙСК КАЗАНСКОГО И АСТРАХАНСКОГО ГУБЕРНАТОРА, БЛИЖНЕГО БОЯРИНА П.М. АПРАКСИНА НА КУБАНЬ В 1711 ГОДУ

Первое в XVIII веке военно-политическое столкновение России с Османской империей, вылившееся в войны 1710 - 1713 гг., вошло в историю османо-российского противоборства с одной стороны, доблестью петровских полков, проявленной ими на Пруте, а с другой, по словам самого Петра I, «бедственными» и «печальными» последствиями похода в целом [1]. Условия договора заключенного при реке Прут 12 июля 1711 года, на первый взгляд, действительно имели катастрофическое значение для всей петровской политики, нацеленной на прорыв России к Южным морям.

Особенно тяжелыми последствиями прутская неудача грозила обернуться в отношении судьбы российских завоеваний в Приазовье и политики России на Северном Кавказе. Так, в первой статье Прутского договора Россия обязалась «туркам завоеванные их города отдать, а новопостроенные разорить», причем запись с турецкой стороны детально регламентировала, что «город Азов, как был когда взят со всеми его первыми вещами и со всем припасом, отдать назад Великому Царствию; и Таган и Каменку и на реке Самаре новый город весьма разорить» [2]. Относительно османского видения кавказских дел красноречиво свидетельствует другая цитата из турецкой приписки к договору 1711 года. «И отсель впредь – отмечено в записи с турецкой стороны – в именуемых местах, с обеих сторон больше впредь города не строить, и Поляков и Черкас и Запорожцев, которые суть в их подданстве, и казаков, которых Хан Крымский Сиятельнейший Девлет-Гирей Хан, имеет в своем покорении, со стороны Царской чтобы никак их не замать...» [3]. Таким образом, Порта не только закрепляла приоритет своего влияния в Черкесии, но и провозглашала бежавших в кубанские владения Крымского ханства некрасовцев своими подданными, признавая законность владения беглыми казаками их «благодетеля» Девлет-Гирея II, являвшегося вассалом султана и дважды владевшего престолом в Крыму (1698-1702 и 1707-1713 гг.) [4]. Однако мрачным перспективам крушения петровской политики в Северо-Восточном Причерноморье, нашедшим свое отражение в условиях Прутского мира, так и не суждено было сбыться в реалиях 1711 года.

К сожалению, история похода петровских войск на Кубань, предпринятого в мае – сентябре 1711 года под командованием героя Азовских походов и Северной войны, ближнего боярина, а с 1710 года графа, астраханского и казанского губернатора Петра Матвеевича Апраксина, не нашла должного отражения в отечественной историографии.

Военный поход войск П.М. Апраксина 1711 года большинство специалистов оценивает как вспомогательный, отвлекающий удар, «поиск» или даже «набег», призванный отвлечь на себя, а точнее сковать на Кубани, значительные силы кочевников не допустив участия ногайской конницы в боях крымско-османских сил против армии Петра Первого на основном Прутско-Дунайском или «западном» театре военных действий. Так, в работе П.М. Андрианова «Военное искусство Петра Великого», в разделе посвященном истории Прутского похода, содержится упоминание о сосредоточении на Нижнем Дону 30-тысячного корпуса «генерал-адмирала графа Апраксина», состоявшего «главным образом из калмыков и яицких казаков». Однако, по мнению автора, «образуемое ядро главных сил, конечно, было недостаточно сильно для выполнения наступательных задач» [5]. Мы же отметим, что в свете успешного завершения

Кубанского похода трудно согласится с мнением П.М. Андрианова о неспособности корпуса Апраксина к наступательным действиям. Следует обратить внимание и на то, что П.М. Апраксин никогда не являлся генерал-адмиралом, а автор работы спутал его с братом Ф.М. Апраксиным, будущим героем Гангута, который во время описываемых событий находился в Прибалтике. В коллективных работах конца 70-х – 90-х гг. XX века события Кубанского похода 1711 года либо не рассматриваются, либо отражаются при не критическом отношении к источникам, с массой погрешностей и нестыковок в оценке действий войск П.М. Апраксина. Так, в первой части работы «Дон и степное Предкавказье XVIII- первая половина XIX в.» в кратком упоминании о Кубанском походе неверно указано имя Петра Матвеевича Апраксина, титул нуреддин-султана – второго наследника крымского престола, являвшегося кубанским сераскером, выдано за имя собственное, да еще с ханским достоинством, отчего получается, что россияне и их союзники разгромили войска «хана Нурадына», захватив в плен ни много ни мало «20 тыс. татар» [6]. Не совсем верной представляется трактовка целей Кубанского похода 1711 года и в коллективном труде «Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г.», где упомянуто лишь то, что «по приказу правительства астраханский губернатор П.М. Апраксин совершил с войсками карательную экспедицию на Кубань и разорил селения некрасовцев» [7].

Однако цели и задачи, поставленные перед войсками П.М. Апраксина, схожие в стратегии и тактике с Прутским походом Петра, позволяют иначе оценить роль и значение Кубанского похода 1711 г. По нашему мнению, поход на Кубань должен был открыть самостоятельный «восточный», а не второстепенный, фронт наступательной кампании против Порты, который по своему замыслу и задачам можно приравнять к основному «западному» Прутско-Дунайскому направлению. Во-первых, и замысел Кубанского похода и операция на Пруте, были разработаны самим Петром I, что уже говорит о значимости «восточного» направления в общей стратегии войны с Османской империей.

Во-вторых, экспедиция на Кубань, как и поход к Дунаю, задумывались в рамках единой стратегии, поэтому и к Пруту и в Прикубанье основные силы российских войск выступили одновременно в мае 1711 года. Здесь, правда, следует обратить внимание на то, что синхронное выступление российских войск в поход по двум направлениям не привело к одновременному началу боевых действий, так как бои на Пруте начались 7-9 июля 1711 года [8], а на Кубани лишь 24-29 августа того же года [9]. Таким образом, Кубанский поход войск П.М. Апраксина нельзя считать «отвлекающим» маневром или набегом «с целью сковать татаро-ногайскую конницу и не допустить ее участия в походе на Дунай» [10]. А случись так, что «отвлекающий удар» в Прикубанье был бы нанесен почти на два месяца позже начала боев на «основном» Прутском театре военных действий, царь Петр вряд ли отметил бы в своей грамоте от 29 ноября 1711 г., что «жалует и милостиво похваляет» П.М. Апраксина за итоги Кубанского похода [11].

В-третьих, говорить о «второстепенности» Кубанского направления османороссийских войн 1710-1713 гг. не верно еще и потому, что походу войск П.М. Апраксина, в отличие от рейда или набега, предшествовала серьезная политико-дипломатическая подготовка. Если в Подунавье Петр I возлагал надежды на поддержку молдавского и валашского населения, то на Кубани, в результате дипломатических усилий России, войска П.М. Апраксина могли полагаться на помощь калмыцко-кабардинских союзников и даже части ногайской знати.

В-четвертых, трудно назвать «отвлекающим» и «второстепенным» наступление на Кубанском театре военных действий российских регулярных войск в количестве более 13 тысяч человек, опиравшихся на поддержку 20 тысячной калмыцкой конницы, в то время как на Пруте у Петра I было всего 40 тысяч воинов.

Таким образом, рассматривая события, связанные с историей Кубанского похода 1711 года, нами выдвигается тезис о том, что экспедиция войск П.М. Апраксина представляла собой не набег, с целью отвлечения сил Кубанской орды от основного Дунайского театра военных действий, а самостоятельную военную операцию, имевшую

свой стратегический замысел, серьезную подготовку, тактические планы реализации поставленных целей и значительные по своим масштабам последствия.

О целях Кубанского похода мы можем получить четкое и однозначное представление из строк именного указа Петра I к казанскому и астраханскому губернатору, ближнему боярину П.М. Апраксину, а так же из переписки последнего с братом генерал-адмиралом Ф.М. Апраксиным и калмыцким ханом Аюкой. Указом Петра I, войскам П.М. Апраксина, совместно с Аюкою, ханом калмыцким, повелевалось «идти на Кубань, на магометанские татарские жилища для воинского промыслу, и с Божьей помощью велено Кубань Его Царскому Величеству покорить или разорить» [12]. В письме к брату П.М. Апраксин несколько конкретизирует цель похода на Кубань, объясняя ее необходимостью защиты от «татарев крымских и кубанских воровских казаков» [13]. Та же цель похода на «крымцев» и «кубанских татар» «для опасения кубанцов и казацких воровских приходов» указана в письмах Апраксина к калмыцкому хану, совместно с конницей которого надлежало организовать вторжение на Кубань [14].

Итак, если критически проанализировать цели похода войск П.М. Апраксина, то за исключением амбициозного, но прозорливого стремления Петра «покорить» Кубань в 1711 году, все они реалистичны и актуальны. Поставленные Петром I задачи, конкретизированные П.М. Апраксиным с учетом ситуации на Дону, в Приазовье и Прикубанье, подразумевали организацию массированного вторжения российско-калмыцких сил в пределы Крымского ханства, уничтожение в зоне боевых действий крымско-татарских укреплений и поселений, разорение мест обитания казаков-некрасовцев и кочевьев ногайских союзников Крыма. В конечном итоге все мероприятия военно-политического характера, осуществление которых возлагалось на П.М. Апраксина, призваны были обезопасить южные рубежи петровской державы от вторжений обитавших на Кубани союзников Порты и Крыма, включив в зону влияния России обширные территории Приазовья и Северо-Западного Кавказа.

Судьба Кубанской кампании 1711 года во многом зависела от успешности политических и дипломатических усилий России направленных на привлечение к союзу против Крыма и Порты воинственных калмыков, кабардинцев и ногайцев, кочевавших в степях Западного Предкавказья. Еще в 1708 году между российскими представителями и калмыцким ханом Аюкой был заключен союзный договор, по которому калмыки обязались нести пограничную службу на южных окраинах России [15]. В 1710 году, при активном участии П.М. Апраксина, был заключен новый договор с Аюкой, который не только подтверждал старые вассально-союзнические отношения калмыцкого хана с Россией, но и содержал конкретные обязательства сторон [16]. Так в «списке» с «договорных статей с Аюкою ханом Калмыцким», состоящим из шести пунктов, Аюке, как подданному царя, вменялось в обязанность врагам России «чинить казнь и разорение» [17]. В итоге, в походе П.М. Апраксина на Кубань приняло участие многотысячное калмыцкое войско во главе с сыном и внуками хана Аюки.

Не менее успешно была решена задача привлечения к боевым операциям на Верхней Кубани кабардинских союзников России. Здесь в отличие от «калмыцких дел», где главную роль играл сам П.М. Апраксин, задача представлялась более сложной. Во-первых, Кабарда являлась территорией, входившей в состав Крымского ханства, а во-вторых, среди кабардинских владельцев наряду с пророссийски настроенной частью знати были и представители феодальных группировок, ориентированных на Порту и Крым. Поэтому Петр I в грамоте от 4 марта 1711 г. к кабардинским владельцам, одновременно с согласием принять кабардинский народ в подданство России и защитить от внешних врагов, повел тонкую игру, направленную на вовлечение кабардинской знати в антиосманскую коалицию и, возможно, к готовившимся боевым действиям на Кубани. Желая, дабы кабардинцы показали «свою службу и верность против салтана турецкого и хана крымского» Петр, упоминая о заслугах калмыцкого Аюки-хана, обращаясь к горским владельцам, отмечал, что в случае признания ими подданства «укажем вам вспомогать

ему, Аюке хану, с калмыки и донским и яицким и гребенским казаком, о чем о всем ссылаемся пространнее на словесный приказ, от нас данной брату вашему, которому в том верьте» [18]. Безусловно, что в упомянутой грамоте Петр I, в целях сохранения секретности, не раскрывал весь план готовившейся операции на Западном Кавказе, в противном случае в перечне сил определенных к совместным действиям с кабардинцами были бы упомянуты еще и регулярные войска П.М. Апраксина. Однако не только соображениями секретности руководствовался Петр I, не сообщив в своей грамоте кабардинцам о подготовке П.М. Апраксина к походу на Кубань. Стратегия военной операции на Кубани требовала сохранения у честолюбивой и не определившейся во внешнеполитической ориентации горской знати «иллюзии» того, что вторжение из Кабарды будет главным, а не вспомогательным ударом.

О трудности секретной миссии посланного царем на Терек «брата» кабардинских владельцев Александра Бековича Черкасского кроме окружения Петра и самого князя был осведомлен П.М. Апраксин. Это следует из содержания письма государственного канцлера Г.И. Головкина к казанскому и астраханскому губернатору Апраксину от 4 марта 1711 г., в котором отмечалось, что «по указу его царского величества послан для некоторых нужнейших дел (о которых вашей милости известно) на Терек князь Александр Черкасской» [19].

Выполняя поручение царя, А.Б. Черкасский в своем обращении к кабардинским владельцам, составленном не ранее апреля и не позднее августа 1711 г., писал: «...вам надлежит, видя к себе таковую его царского величества милость, вначале показати к нему, великому государю, свою службу, и, собрав войска свои, итти на Крым или на Кубань и на иные татарские места и чинить над ними поиск. А царское величество, усмотря ту вашу к нему службу и верность, немедленно укажет вам вспомогать донским и еицким и гребенским казаком и калмыком» [20]. Таким образом, благодаря политико-дипломатическим усилиям А.Б. Черкасского [21], до начала боевых действий на Кубани Россия обрела в среде представителей части кабардинской знати новых подданных и верных союзников.

Успехи петровской дипломатии в калмыцких и кабардинских делах в значительной мере облегчали задачи военно-политического характера, стоявшие перед Россией в Приазовье и на Кубани, однако, нерешенным оставался основной – ногайский вопрос. Реально оценивая степень влияния на кочевое население Степного Предкавказья, российское правительство в своих обращениях к мурзам и народу Кубанской Орды накануне похода войск П.М. Апраксина старалось добиться если не союза, то хотя бы нейтралитета ногайцев. «Ежели вы, – говорилось в одной из российских грамот – усмотря нашу правость, с нашими войсками битися не будете, но похочите под оборону нашу поддаться и пришлете для того немедленно к нам, ради договору, от себя знатных людей, и будете обще с нами против турок и протчих подданных турских битися, то мы примем вас, как приятелей, во оборону свою и не велим войскам вас разорять...» [22]. Но ни уговоры, ни угрозы не смогли повлиять на обитателей кубанских степей, сохранивших верность Крыму и продолжавших совершать набеги на южные границы России.

По данным «Послужного списка Кубанского похода 1711 года» начало экспедиции на Кубань было положено выступлением из Казани 13 мая 1711 г. регулярных войск под командованием П.М. Апраксина. В их состав входили: «батальон губернаторский» – 590 человек, «полк казанский» и полк бригадира Афанасия Мамонова – 1197 и 1200 солдат. Кавалерия состояла из «шквдрона» в 600 всадников, полков: драгунского Казанского – 1333 человека, драгунского Свяжского, под командованием иноземца Филиппа Суаса – 892 солдата и 541 драгуна «шквдрона» Уфимского полка [23]. Кавалерия двигалась сухим путем, а пехота «плавным ходом» на судах по реке Волге. К Царицыну войска П.М. Апраксина подошли 30 мая, где соединились с солдатским полком, прибывшим из Астрахани под командованием полковника Рихтера в количестве 1113 человек.

У Царицына войскам П.М. Апраксина пришлось задержаться, ожидая подхода

союзной калмыцкой конницы. В письме к брату Ф.М. Апраксину, датированном 3 июля 1711 года, П.М. Апраксин писал, что калмыками предводительствовал «Чапдыржан хана калмыков сын и внуки его» а сам Аюка, не пошедший в поход «остался для старости» [24]. Численность калмыцкой конницы источники определяют одинаково в 20000 всадников, однако по ведомостям калмыков насчитывалось 20 474 человек и лишь небольшая их часть была «вооружена железными бронями» [25].

Кроме того, в составе войск П.М. Апраксина находилось 1000 яицких казаков, артиллерийская прислуга, донцы, обозные солдаты, командиры и адъютанты, а общая численность регулярных частей и казаков определялась в 13888 человек [26]. Если прибавить к этому количеству 20474 всадника калмыцкой конницы, то численность войск П.М. Апраксина, участвовавших в Кубанском походе, можно определить в 34 тысячи 362 человека.

5 августа 1711 года П.М. Апраксин подошел к Азову и стал лагерем «в версте» за городом с «кубанской стороны» а калмыки расположились у Дона выше и ниже азовской крепости [27]. За Азовским уездом начинались земли Крымского ханства (Кубанской Татари или Кубанского сераскерства) и Османской империи (санджаки Ачу, Таманский и Адахунский), обладавшие к началу боевых действий многочисленным населением и значительными мобилизационными возможностями.

В трактате неизвестного османского автора, датируемом нами 1708-1710 гг., под заглавием «Относительно значения крепостей Озю и Темрюк, о необходимости надлежащего исправления их и починки, а также о способе их восстановления», опубликованном чешской исследовательницей З. Веселой, содержатся важные сведения о военном потенциале Кубани накануне вторжения войск П.М. Апраксина. По данным османского источника турецкие крепости Тамань, Кызылташ и Ачу находились в полуразрушенном состоянии, а крепость Темрюк имела шесть-семь орудий крепостной артиллерии и гарнизон, страдавший от дезертирства, который состоял из 15-20 рядовых янычар и нескольких ямаков [28]. Более подробно источник описывает кочевья разбросанных в Приазовье и на Кубани ногайцев. Племя ямасандак числом от 400 до 500 человек обитало в землях «абазинских и черкесских беев» не имея ни пушек, ни ружей, здесь же размещалось 6000 ногайцев кыпчак, 2000 едисанцев кочевало на острове Минтана в окрестностях крепости Ачу, а племя кытай в количестве 5000 занимало территорию по Кубани от Ачу к Азову [29]. Говоря о некрасовцах и казаках-старообрядцах, поселившихся на Кубани при хане Каплан Гирее I, турецкий автор, отмечает, что их общее число достигает 10000. «А сами они – отмечает источник – живут между реками Анапой и Пучгаз на склоне горы Абаза. Они имеют шесть пушек тимур и три пушки шахи. Они насыпали валы вокруг того места, где проживают» [30]. При этом некрасовцы испытывали на себе постоянное давление со стороны коренного населения Кубани, что отражено в работе П.П. Короленко и «распросных речах» задержанного на Дону «воровского казака» показавшего, что их «кубанские владельцы хотят выслать вон» [31]. Вместе с тем, и ногайцы, и некрасовцы, составляли самую боеспособную часть крымских войск на Кубани, постоянно тревожа российские пределы своими набегами [32]. Достоверных данных о военном потенциале черкесских вассалов Крыма и Порты крайне мало, однако источники интересующего нас периода указывают на участии «черкесов» и «абазинцев» в боях против войск П.М. Апраксина [33].

От Азова к Кубани войска П.М. Апраксина и калмыки Чапдержапа двигались безлюдной степью, в то время как основная дорога, связывавшая Прикубанье с низовьями Дона, пролегла вдоль побережья Азовского моря. Однако устья степных рек Приазовья с их заболоченной местностью делали этот маршрут пригодным лишь для конницы, в то время как пехота, обоз и артиллерия всегда перевозились турками к Азову по морю. Избрав другой путь, П.М. Апраксин не только получил возможность везти за собой обоз и артиллерию, но и сохранил скрытность движения значительной массы войск. В этой связи, трудно согласиться с мнением Н. Бранденбурга о том, что войска Апраксина шли

степью, так как не знали местности и не имели подробных топографических карт [34], ведь степная дорога была хорошо известна не только ногайцам или российским лазутчикам, но и калмыкам, совершавшим этим маршрутом набеги на Кубань.

Дальнейшее подробное описание маршрута движения войск П.М. Апраксина к Кубани дается по сведениям из «Послужного списка кубанского похода 1711 года», опубликованного Н. Бранденбургом. «1-й стан: августа 14-го, от Азова у реки Кагальника, ходу было 11 верст 300 сажен; вода сладкая. 2-й стан: августа 16-го, от того места по той же реке Кагальнику вверх, ходу было 16 верст. 3-й стан: августа 17-го, от реки Кагальника поворотили направо круто и, не дошед Чюнбурских вершин, стояли в степи без воды; ходу было 9 верст. 4-й стан: августа 18-го у реки Еи, ходу было 29 верст, вода горькая. 5-й стан: августа 19-го, от реки Еи, отошед 9 верст, в степи без воды. 6-й стан: августа 20-го, до реки Сасык-Еи, ходу было 24 версты; вода горькая. 7-й стан: августа 21-го, от реки Сасык-Еи, 12 верст 300 сажен, в степи без воды. 8-й стан: августа 22-го, до реки Чалбасу, ходу было 10 верст 200 сажен, вода горькая. 9-й стан: августа 23-го, от реки Чалбасу, ходу 15 верст 200 сажен, в степи без воды. 10-й стан: августа 24-го, от того места до реки Керпели, ходу 15 верст 100 сажен; вода горькая. 11-й стан: августа 25-го, от реки Керпели до реки Бисуги, ходу было 4 версты 100 сажен, вода горькая» [35]. Здесь следует обратить внимание на то, что составитель «Послужного списка...» допустил ошибку, поместив реку Бисугу (Бейсуг) южнее реки Керпели (Кирпили), а не наоборот.

В междуречье верховьев Бейсуга и Кирпили произошли первые столкновения россиян и их союзников с кубанскими ногайцами, что отражено в списках потерь Кубанского похода, фиксируемых с 24 августа 1711 г. [36]. Первые бои авангарда П.М. Апраксина с ногайскими разъездами нарушили скрытность продвижения русских войск, вынудив командуящего 26 августа, находясь от «Кубану за 100 верст», направить в Прикубанье 1500 донских и яицких казаков, азовский «шквадрон» в количестве 600 всадников и отряд регулярной кавалерии, увеличивший общее число партии до 3400 человек. Кроме того на Кубань были направлены 14000 калмыков во главе с тремя внуками и зятем Аюки-хана [37].

С остальными силами и калмыками Чапдержапа Апраксин подошел к Кубани только 28 августа, выйдя на берег реки в ее среднем течении. Первые крупные сражения войск П.М. Апраксина с «кубанцами» произошли 29 августа 1711 года, о чем «Послужной список...» содержит следующие сведения: «И в тот день, салтаны кубанские по разным местам по Кубану во многих собраниях были, но противнаго собранием бою дать не могли, но с великим страхом как могли по Кубану в крепкие места и за Кубань с женами и детьми бежали, топясь, с многим страхом, где их в тот день побито и в полон побрано, и в реке Кубани потонуло многия тысячи» [38]. Приведенное свидетельство указывает на то, что появление в сердце Кубанской Татарии столь многочисленного противника оказалось неожиданным для ногайцев, вызвав панику у населения Прикубанья. Ослабленные отсылкой значительных сил в Подунавье, к войску Девлет-Гирея II, в верховья Кубани с нуреддин-султаном и отсутствием ушедших в набег на южные уезды России воинов Чан-Арслана [39], ногайцы Кубани не смогли собрать силы для организованной защиты своих кочевий.

По официальным данным с 24 по 29 августа 1711 г., потери кубанских татар составили убитыми 11460, утонувшими в Кубани 5000, взятых «в полон»: мужчин 700 человек, «жен и детей» 21400. Войсками П.М. Апраксина и калмыками Чапдержапа было захвачено: верблюдов 2000, лошадей 39200, «скотин рогатых» 190000, овец 227000. За этот же период войска П.М. Апраксина понесли следующие потери: были убиты 1 вахмистр, 1 каптенармус, 50 драгун, 4 солдата саратовского и самарского полков, 50 донских казаков, 13 яицких и 251 калмык. Ранения получили: 1 драгун, 4 саратовца и 290 калмыков. Кроме того, ногайцами были захвачены в плен: 1 прапорщик, 18 драгун и солдат, других нижних чинов 6 человек [40]. В течение двух дней Апраксин простоял на Кубани, ожидая подхода войск, направленных ранее разорить низовья Кубани, где

находились ногайские кочевья, резиденция сераскера (столица Кубанской Татарии город Копыл) и селения некрасовцев. Однако данных о том, что Копыл был захвачен, в используемых нами источниках нет. 31 августа Апраксин выступил в поход по направлению к верховьям Кубани, пройдя за 4 дня 86 верст. Двигаясь вверх по Кубани, П.М. Апраксин получил известие об успешных действиях кабардинских союзников России в Закубанье. В Указе Правительствующего сената Посольскому приказу от 10 ноября 1711 года упоминалось о бое между «кубанцами» и «горскими черкесами», который закончился победой кабардинцев, уничтоживших 359 татар и 40 взяв в плен [41]. Однако 4 сентября Апраксин прекратил поход и отправился с войсками в обратный путь к Дону.

Такое решение вызвало неудовольствие кабардинских союзников, надеявшихся на соединение с войсками Апраксина. «По обещанию нашему намерение было такое, – писали кабардинские владельцы Петру I – чтоб Апраксину приходить на Кубань с Азовской стороны, а нам черкеским войскам, итти горскою стороною; и главной над войски боярин ваш, не дав нам ведомости и не исполня обещания, возвратился назад. И о том мы зело опечалились, для того, что будто мы стали ему ненадежны, и в том на него пеняли»[42]. Жаждавшие военных подвигов кабардинские владельцы, надеявшиеся на помощь русских штыков, конечно, не могли быть осведомлены о тонкостях российской внешней и внутренней политики. Поэтому уход с Кубани войск П.М. Апраксина вызвал у них определенное разочарование. Однако сам П.М. Апраксин имел массу оснований для прекращения Кубанского похода.

Во-первых, мир на Пруте, завершивший первую из османо-российских войн 1710-1713 гг., был заключен еще 12 июля 1711 г., а из этого следует, что почти два месяца российские войска в Приазовье и Прикубанье вели бои в нарушение договора. Поэтому, возможно, именно в первых числах сентября 1711 года Апраксин мог получить приказ о прекращении похода.

Во-вторых, после завершения событий на Пруте, в Прикубанье могли быть переброшены значительные силы татарской конницы и войска Апраксина могли быть окружены или отрезаны от российского Приазовья.

В третьих, цели похода были достигнуты и превращать Кубанский поход в Кабардинский Апраксин просто не имел «высочайшего повеления», тем более что кабардинское направление изначально считалось вспомогательным.

По завершении боев в Приазовье, войска П.М. Апраксина стали отходить к Дону через верховья степных рек, то есть тем же маршрутом, что и шли на Кубань. Отойдя от Кубани на 50 верст, к реке Чале (р. Сал?), П.М. Апраксин от пленных татар получил сведения, что из набега на Саратовский и Пензенский уезды «с русским полоном» возвращается 3000 ногайцев китайкипчаков и 20 кубанских мурз во главе с Чан-Арсланом. Навстречу врагу была направлена калмыцкая конница, которая, истребив ногайцев, освободила от двух до пяти тысяч русских пленных [43]. В архивных материалах и иных источниках о поголовном истреблении ногайцев близ реки Чалы говорится, что калмыками было пленено 120 ногайцев, а спастись бегством удалось лишь одному раненому мурзе да двум «черным» кубанцам [44].

В то время как войска Апраксина находились у реки Чалы (р. Сал?), а калмыками были разбиты китайкипчаки Чан-Арслана, за отходившими к Дону россиянами и их союзниками с Кубани была организована погоня. Раненый в бою с кабардинцами нуреддин-султан по возвращении на Кубань собрал значительные силы ногайцев, черкесов и «воровских» казаков в количестве 7000 человек, из которых 3000 составляли некрасовцы [45]. 6 сентября 1711 г., недалеко от реки Чалы, произошел ещё один бой войск П.М. Апраксина с конницей нуреддин-султана, силы которого были разбиты [46]. «Тех татар – отмечается в источнике – побили и кололи до самой реки Кубани; побито 1400, живы взято 470» [47].

В дальнейшем при возвращении российских войск от реки Чалы (р. Сал?) на Дон

никаких боевых действий с крымцами не велось. «Итак милостию божию, – писал П.М. Апраксин брату – и счастием царского Величества оружия Кубань вконец разорена» [48].

Оценивая итоги Кубанского похода 1711 г., следует отметить, что по своим результатам это событие имело куда более важное значение, чем простая демонстрация военной и политической мощи России эпохи Петра.

Во-первых, в политическом отношении впервые со времен Крымских походов В.В. Голицына российские войска осуществили успешное вторжение вглубь одной из богатейших провинций Крымского ханства. Тем самым, воинственным ногайцам, некрасовцам, горским вассалам Крыма и Порты была продемонстрирована их уязвимость, а союзным и дружественно настроенным народам Центрального и Западного Кавказа – возможность обрести в России как политическую, так и военную силу, способную сдерживать крымско-османскую экспансию в регионе.

Во-вторых, как справедливо отмечали В.Б. Виноградов и Т.С. Магомадова, успешно осуществленные совместно с войсками П.М. Апраксина «поиски» кабардинцев на Кубань, открыли новое, опасное для Крыма и эффективно использованное в последующих османско-российских войнах XVIII в. направление походов в восточные пределы Крымского ханства с Терека и Кабарды [49]. В-третьих, победоносное завершение Кубанского похода позволило России не только, пусть и на время, обезопасить от татарских набегов свое приграничье в Северо-Восточном Причерноморье, но и отчасти восстановить пошатнувшееся после неудачи на Пруте равновесие сил во взаимоотношениях с Османской империей и Крымским ханством.

Библиографический список и примечания

1. Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Первого. М.: Международные отношения. 1984. С.282.
2. Договоры России с Востоком, политические и торговые. /Сост. Юзефович Т. СПб., 1869. С.11-13; Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года (далее ПСЗРИ). Т.IV (1700-1712). СПб., 1830. №2398. С.716.
3. Договоры России с Востоком... С.13.
4. [Миньот]. История Турецкая начиная временами как она составила, до замирения между султаном Магометом Пятым, и Римским императором Карлом Шестым в 1740 году. Сочиненная аббатом Миньотом. Часть четвертая. СПб.: Типография горного училища, 1790. С.120; Стенли Лэн-Пуль. Мусульманские династии. (Пер. с англ. Бартольд В.В.). М.: Вост. лит.: «Муравей», 2004. С.169.
5. Андрианов П.М. Военное искусство Петра Великого. // История русской армии от зарождения Руси до войны 1812 г. СПб.: ООО Издательство Полигон, 2003. С.207.
6. Дон и степное Предкавказье XVIII - первая половина XIX. Ч.1. Заселение и хозяйство. Ростов-на-Д.: Издательство Ростовского университета, 1977. С.65.
7. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / Под ред. В.Н. Ратушняка Краснодар: Советская Кубань, 1996. С.149.
8. Андрианов П.М. Указ. соч. с.211; Молчанов Н.Н. Указ соч. с.275-276.
9. Бранденбург Н. Кубанский поход 1711 года. // Военный сборник. LIV. №3. СПб: Типография департамента уделов, 1867. С.36-37; Короленко П.П. Некрасовские казаки. Исторический очерк, составленный по печатным и архивным источникам. // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Выпуск II. Екатеринодар, 1900. С. 22; Российский Государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф.233. Канцелярия генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. Оп.1. Д.16. л.81.
10. Соловьев В.А. Суворов на Кубани 1778-1793. 2-е изд. Краснодар: Тип. ул. Бабушкина, 244, 1992. С.30.
11. Цит. по: Бранденбург Н. Указ соч. С.42.

12. Бранденбург Н. Указ соч. С.30.
13. РГА ВМФ. Ф.233. Канцелярия генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. Оп.1. Д.16. Л.8.
14. Там же. Л.14, 18.
15. ПСЗРИ. Т.IV (1700-1712). СПб., 1830. №2207.
16. Там же. №2291.
17. РГА ВМФ. Ф.233. Канцелярия генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. Оп.1. Д.16. Л.33.
18. Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Документы и материалы (далее КРО). М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. II. №1. С.3.
19. Там же. С.4
20. КРО. Т. II. №4. С.5.
21. Виноградов В.Б., Магомадова Т.С. Первая русская карта Северного Кавказа. // Вопросы истории. М., 1976. №6. С.201.
22. Кочекаев Б. А.-Б. Ногайско-русские отношения в XV-XVIII вв. Алма-Ата.: АН Каз. ССР. 1988. С.131; Письма и бумаги императора Петра Великого. Вып.1. Т.11. М., 1962. С.401.
23. Бранденбург Н. Указ. соч. С.30.
24. РГА ВМФ. Ф.233. Канцелярия генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. Оп.1. Д.16. Л.70.
25. Бранденбург Н. Указ. соч. С.32.
26. Там же.
27. Там же. С.35.
28. Весела З. Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII в. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Ч.II. М.: Наука, 1969. С.124.
29. Там же. С.124-125, 130.
30. Там же. С.124-125.
31. Короленко П.П. Некрасовские казаки... С.18; РГА ВМФ. Ф.233. Канцелярия генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. Оп.1. Д.16. Л.24.
32. РГА ВМФ. Ф.233. Канцелярия генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. Оп.1. Д.28. Л.2-3, 16.
33. РГА ВМФ. Там же. Оп.1. Д.16. Л.84; Бранденбург Н. Указ соч. С.39.
34. Бранденбург Н. Указ соч. С.35.
35. Там же. С.35-36.
36. РГА ВМФ. Ф.233. Канцелярия генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. Оп.1. Д.16. Л.81.
37. Бранденбург Н. Указ соч. С.36.
38. Там же. С.37.
39. КРО. Т. II. №5. С.6; Короленко П.П. Некрасовские казаки... С.22; Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т.1. От древнейших времен до Ермолова. Вып. II. Издание второе. СПб.: Издание книжного склада В.А. Березовского, 1887. С.19.
40. РГА ВМФ. Ф.233. Канцелярия генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. Оп.1. Д.16. Л.81-83; Бранденбург Н. Указ соч. С.38, 40.
41. КРО. Т. II. №6. С.6.
42. Там же. №9. С.9.
43. РГА ВМФ. Ф.233. Канцелярия генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. Оп.1. Д.16. Л. 83; Бранденбург Н. Указ соч. С.39; Потто В. Указ. соч. С.19; Дон и степное Предкавказье XVIII - первая половина XIX... С.65; Соловьев В.А. Указ. соч. С.30.
44. РГА ВМФ. Ф.233. Канцелярия генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. Оп.1. Д.16. Л. 84; Бранденбург Н. Указ соч. С.39.
45. Там же.
46. РГА ВМФ. Ф.233. Канцелярия генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. Оп.1. Д.16. Л. 84; Бранденбург Н. Указ соч. С.39-40; Потто В. Указ. соч. С.18.

47. РГА ВМФ. Ф.233. Канцелярия генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. Оп.1. Д.16. Л. 84.
48. Там же.
49. Довгань А.Н. Кубанские эпизоды российско-османской войны 1710-1711 гг. // Археология, этнография и краеведение Кубани. Материалы 14 всероссийской межвузовской конференции. Армавир, 2006. С.201.

ЕЙСКИЙ ПРИСТАВ И.Ф. ЛЕШКЕВИЧ

Иван Федорович Лешкевич (1731–1790) относится к числу заметных фигур времени завоевания Российской империей Крыма и степного Прикубанья. Особенное значение для истории данного региона имеет его деятельность как представителя российской власти в ногайских ордах и начальника Ейского укрепления – важнейшего опорного пункта продвижения России в южном направлении. Тем не менее, оставаясь в тени славы своих знаменитых современников – П.А. Румянцева, А.В. Суворова и Г.А. Потемкина, – он не пользовался большим вниманием историков, хотя иногда и получал от них весьма лестные отзывы. Так, И.Ф. Александров писал: “Вообще, о Лешкевиче, судя по тем архивным материалам, которые после него остались, нужно сказать, что это был верный страж русских интересов, с величайшим вниманием наблюдавший и изучавший быт и нравы вверенных его попечению кочующих ногайцев и никогда не упускавший даже кажущихся на первый взгляд мелочей” [8, с. 7]. Его деятельность, как помощника Суворова, положительно представлена в краеведческих очерках В.А. Соловьева [22].

О начальном периоде жизни персоналии данного исследования известно мало. В комментариях к сборнику документов о Суворове датой его рождения назван 1731 год и отмечено, что он был подполковником Молдавского гусарского полка [7, С. 621]. Принадлежность к тому же подразделению подтверждается архивными документами [4, л. 1], хотя состоянием на 21 августа 1774 г. он был подполковником Луганского пикинерного полка [17, с. 434]. Оба эти полка были сформированы в Славяносербии и пополнялись из среды смешанного населения, кроме украинцев и русских – сербских, молдавских и других переселенцев. Полное обозначение его имени – “Иван Михайлов сын Дробинка-Лешкевич” [1, л. 16], в другом документе – Ляшкевич [17, с. 157]), – указывает на его польское или белорусское происхождение. Архивные данные свидетельствуют, что он был несколько раз женат, от раннего брака имел сына Федора, к 1790 г. – отставного майора; последней его законной женой была Феодосия Романовна, вступившая после смерти супруга в судебную тяжбу с пасынком из-за имущества [1, л. 8]. Назначение на пост руководителя пограничной службы в низовье р. Ея и, вместе с тем, пристава ногайских орд Лешкевич получил 1 августа 1774 г. [4, л. 1].

Должность пристава была введена за три года до его назначения и в течение длительного времени не имела устойчивых функций. В августе 1770 г., во время российско-турецкой войны 1769–1774 гг., ногайцы Едисанской и Буджацкой орд, кочевавшие в Северном Причерноморье и находившиеся в подданстве крымского хана, заключили союз с российским командованием. К осени 1771 г. они, вместе с едичкульскими и джембуйлуцкими ногайцами, были переселены на правобережье р. Кубань [11]. Правительство Екатерины II рассматривало “союзных ногайцев” как средство воздействия на крымские элиты с целью отколоть их от Турции и установить протекторат России над Крымским ханством. Исходя из этого намерения, Едисанская, Буджацкая, Едичкульская и Джембуйлуцкая ногайские орды были переселены с причерноморских степей, где располагался основной театр военных действий, на его периферию – в степи Прикубанья, которые юридически оставались владением Крымского ханства, но к тому времени уже контролировались Россией [10, с. 28–29]. Предполагалось, что переселенные из Причерноморья ногайцы на Кубани станут буфером, который будет принимать на себя нападения горских народов и кубанских ногайцев, враждебно настроенных к России [9, с. 47, 53].

Дипломатическое обеспечение “отложения Крыма от Порты” (иначе: ведение “татарской негоциации”) было поручено слободско-украинского губернатору Е.А. Щербинину. 4 апреля 1771 г. Екатерина II обязала его “содержать при татарах

нарочного способного человека, которой бы в состоянии был о всем, у них происходящем, не только вас уведомлять, но, по востребованию обстоятельств, и протчих пограничных командиров, а между тем и произволениями татар руководствовать”. В силу этого распоряжения в Крым прибыл “резидующий министр” П.П. Веселицкий. К “союзным ногайцам” отправили отдельного представителя с теми же функциями. Это произошло в тот момент, когда готовилась их переправа на левый берег Дона, по пути следования на правый берег Кубани. Императрица писала: “ежели они, перешед Дон, отлучатся на те места, которые принадлежащими к турецкому владению почитаются, не меньше бытность у них здешняго офицера может споспешествовать” [9, с. 35–36]. Ногайским приставом назначили подполковника Стремоухова. Находясь на правом берегу Дона с июля по сентябрь 1771 г., он руководил их переправой, на левом берегу ногайцев принимал подполковник Шелекхейч [23, с. 69]. Ранее Стремоухову уже приходилось выполнять подобные поручения. В июне 1770 г., он, будучи подполковником Борисоглебского драгунского полка, сопровождал 1000 вооруженных калмыков на Северном Приазовье и отвечал за их переправу через Южный Буг. Позднее Стремоухов командовал отрядом, в составе которого находились запорожцы, участвовал в боях с турками и крымскими татарами в районе Очакова и Хаджибея [12, с. 355, 357, 359]. После завершения переселения ногайцев, Стремоухов расположил свою резиденцию возле устья реки Ея, которая отделяла владения России и Крымского ханства.

Название должности и полномочия российского представителя у ногайцев постоянно менялись. Состоянием на 27 августа 1771 г. Стремоухов упоминается как “эдисанский начальник”, в марте 1772 г. документы упоминают его без уточнения функций – “обретающимся при экспедиции переселения татарских орд на кубанскую степь”. В его подчинении находились “и прочие в других ордах офицеры”, командированные для постоянного наблюдения за ногайцами, а также переводчик из Коллегии иностранных дел России. Стремоухов был подотчетен Щербинину и, в случае необходимости присылки войск или другой помощи для выполнения своих задач, напрямую сносился с астраханским губернатором, командующим Кавказским корпусом и атаманом Войска Донского [9, с. 64–65, 95]. В частности, 30 марта 1772 г. в его распоряжение отправили пятисотенную команду донских казаков, ранее назначенную для подкрепления Кавказского корпуса [9, с. 95–96]. И все же, военная сила применялась в крайних случаях: излишнее насилие приводило к массовым миграциям ногайских кочевников в турецкие владения на левом берегу Кубани, а это существенно сокращало возможности Петербурга реализовать свои планы в Крыму при помощи ногайцев. В виду этого, руководитель внешнеполитического ведомства России Н.И. Панин писал Е.А. Щербинину: “лучше, кажется, дать татарам волю, где сами, в бытность их на Кубанской стороне, располагаться похотят, но только без утеснения здешних (российских подданных. – *В. Г.*) пограничных жителей”. Непосредственный надзор за поведением ногайцев следовало производить следующим образом: “имея безприметное за их поступками примечание, дабы инако не возчувствовали принуждения., искусным образом иногда при случаях им советовать не весьма от границ здешних удаляться” [9, с. 57].

Впрочем, далеко не всегда Стремоухову приходилось полагаться на силу своего совета. Куда более надежный результат достигался благодаря тому, что сыновья знатных ногайских мурз брались им в заложники (аманаты). Чтобы прикрыть этот нелicenseприятный факт (дача аманатов подразумевала подчиненное положение побежденного, а не состояние “союза”, задекларированное в 1770 г.), Стремоухов, используя ногайскую традицию, выступил в роли “наставника” (аталыка), бравшего ногайских мальчиков “на воспитание” [9, с. 141–142]. Вопреки упомянутой выше инструкции, ему приходилось вмешиваться во внутреннее управление ногайцев; в частности, весной 1773 г. он добивался от едичкульцев избрания в их начальники Узун-Али-мурзы, сына умершего главного едичкульского мурзы Мамет-бея. Эта настойчивость возмутила едичкульцев, они перешли на турецкую сторону; в начале мая они,

соединившись с некрасовцами, черкесами, абазинцами и адалинцами, намеревались, “сесть на коня”, “захватить ... подполковника Стремоухова и прочих во всех ордах находящихся российских офицеров”, а затем напасть на донских казаков. Однако Стремоухову удалось удержать ногайцев от выступления и принудить их к послушанию Узун-Али [12, с. 538, 542, 546].

К августу 1773 г. влияние России в Крыму резко сократилось. Крымский калга-султан Шагин-Гирей, вернувшийся из Петербурга в Бахчисарай, не нашел здесь поддержки и удалился в Полтаву. Поскольку правобережье Кубани оставалось под российским контролем, в Петербурге приняли решение о провозглашении Шагин-Гирея правителем ногайцев, что позволило бы ему, по примеру Крым-Гирея в 1758 г., претендовать на крымский престол. В связи с этим Щербинин (вероятно, по настоятельной просьбе Шагин-Гирея) предложил императрице отозвать Стремоухова, на что получил категорический отказ: “отлучение его и ныне и во всякое время не может не оставить по себе худых следствий и толкований” [9, с. 162]. В итоге, на междуречье Еи и Кубани возникло своеобразное “троевластие”, представленное приставской администрацией Стремоухова, чиновниками Шагин-Гирея и ногайскими мурзами во главе с едисанцем Джан-Мамбет-бием [9, с. 70].

С подписанием мира в Кючук-Кайнарджи Крымское ханство стало независимым от Турции, в Керчи и Еникале разместились российские гарнизоны. Однако Петербургу не удалось реализовать план с возведением на бахчисарайский престол своего ставленника Шагин-Гирея. Весной 1775 г. крымским ханом стал протурецки настроенный Девлет-Гирей, который, ссылаясь на мирный договор, считал правобережье Кубани территорией своего государства. Однако Россия не считала Девлета законно избранным ханом, указывая на то, что в акте его избрания не участвовали ногайцы. Для противодействия турецкому влиянию в Крыму Екатерина II решила “составить из ногайцев самостоятельную область, которая бы могла противовесить во всем области Крымской” [17, с. 129]. Во главе этого государства был поставлен Шагин-Гирей, который все еще сохранял за собой второй, после хана, титул калги-султана и, таким образом, считался первым претендентом на власть в Крыму. Его временную столицу, Шагин-Гирейский городок, расположили вблизи Ейского укрепления, “в российских границах в устье Еи, впадающей в Ейский лиман”. 30 марта 1776 г. был составлен план этого городка [соловьев] и вскоре началось его строительство. Этот городок с самого начала стал местным торговым центром и упоминается в других документах как “Ейский татарский базар” [17, с. 317]. Однако основную часть средств Шагин-Гирей получал не от местной, медленно налаживаемой торговли, и не от сборов налогов с ногайцев, а, конечно-же, от России. Состоянием на 9 марта 1777 г. Е. Щербинин ежемесячно отправлял из средств Острогжской провинциальной канцелярии по 1 тыс. руб. в месяц на личные нужды Шагин-Гирея и 400 руб. “на выдачу оставленным от него на Еи чиновникам ... жалования” [17, с. 429]. Первоначально штат Шагин-Гирея состоял из 24 российских служащих, среди которых находился смотрящий за обозом капитан Алымов, предоставленный ему еще в Полтаве, переводчик Андрей Константинов, врач Карл Эбелинг; также были кучера, погонщики, цирюльники, базовый татарин Магмет Асанов и 6 калмык, устанавливавших кибитки Шагина [17, с. 431–433].

Обстоятельства смещения подполковника Стремоухова нам неизвестны. Можно предположить, что Шагин-Гирей, пытаясь освободиться от его цепкого контроля, смог убедить российские власти в целесообразности его отзыва. Последнее известное нам упоминание о Стремоухове датировано июнем 1774 г., когда он приводил ногайцев в покорность их официальному правителю [12, с. 558].

К 1 августа 1774 г., когда произошло назначение Лешкевича на место Стремоухова, в регионе сложилась очень непростая ситуация, связанная с восстанием Е. Пугачова, активностью горских народов и деятельностью турецкой администрации на Северо-Западном Кавказе. По сообщению от 21 августа Лешкевич “оставался при ордах

приставом”, а затем “содержал в зиму и навсегда посты на Чубурах и Еи; к тому был и приставом и бывшему Джан-Мамбет-бею”, то есть осуществлял общий надзор за главным ногайским мурзою (бием) [17, с. 433–434]. Его стараниями обустроивалось Ейское укрепление, ставшее основным административным центром междуречья Еи и Кубани. Согласно приказу от 1 августа 1774 г., в укреплении под его командой находилось 545 разных военных чинов, составлявших низовскую и нижегородскую пехотные роты, 2 гарнизонные команды ростовских низовских батальонов, включая и группу из 28 донских казаков. Артиллерия представлена одним 8-фунтовым единорогом, двумя чугунными городскими 6-фунтовыми орудиями и двумя 3-фунтовыми пушками [2, л. 28]. Позднее численность военных в Ейском укреплении существенно сократилась, в связи с созданием Азово-Моздокской укрепленной линии и сети гарнизонов на Северном Кавказе. Это позволило правительству Екатерины II осуществить мероприятия по достижению стратегического преимущества в регионе, который *de jure* все еще принадлежал “независимому” Крымскому ханству.

Статус ейского пристава в документах представлен неопределенно. Кроме выше указанного случая, когда Лешкевич прямо назвал себя ногайским приставом, в других источниках имеем разную. Так, в ноябре 1776 г. он упоминается просто как “оставленный на устье Еи подполковник Ляшкевич”; весной 1777 г. сообщалось, что он “находится, как и прежде, на Еи у содержания посту” [17, с. 157, 433–434]. 3 ноября 1780 г. его подпись включала такие обозначения: “Кубанской стороны при союзных ногайских татарских ордах пристав в Ейском укреплении, части войск командир и комиссионер” [16, с. 590]. В 1782 г. Лешкевич опять неопределенно писал о себе как о чиновнике, поставленном “при poste Ейского укрепления в последних российских границах” [4, л. 1]; в другом документе того же года его снова называют “пребывающим на Еи пограничным комиссионером” [20, с. 438]. Отмеченное можно объяснить деликатностью его функций, связанных с негласным контролем формально самостоятельного правителя и его подданных-ногайцев. В виду этого, штат пристава, несмотря на выполнение им функций реальной власти в регионе, не был многочисленным. Под его началом состояли отставной вахмистр Дмитрий Иванов, 2 толмача из татар, 4 едисанских “чиновников”; пристав получал на свои нужды всего 100 руб. на годовую треть [17, с. 433–434].

Со дня своего назначения Лешкевич напрямую подчинялся генерал-фельдмаршалу П.А. Румянцеву, командующему всеми российскими войсками, расположенными в Причерноморье. По сообщению Лешкевича 1781 г., “определено от него уже мне быть с пограничною и заграничною порученностию” под руководством азовского губернатора В.А. Черткова. Последний же 8 мая того года уведомил Лешкевича о своем назначении на пост генерал-губернатора Харьковской и Воронежской губерний и просил больше не обращаться к нему по финансовым вопросам [4, л. 1]. После разъяснения данного вопроса ейский пристав стал подотчетен Г.А. Потемкину, всевластному правителю Новороссии.

Пока Шагин-Гирей оставался в Ейском укреплении, основной задачей Лешкевича было негласное поддержание власти этого “правителя Кубани” при помощи военных и материальных средств, отпускаемых российским правительством. В частности, в ноябре 1776 г. он отправил небольшую команду для преследования противников Шагин-Гирея, напавших на верных ему ногайцев [17, с. 157]. Особенно сложная обстановка в данном регионе сложилась осенью 1775 г., после того, как крымский хан Девлет-Гирей назначил сераскером (наместником) своих номинальных владений на Северо-Западном Кавказе Тохтамыш-Гирея, и тот, при помощи турок, закрепился на Таманском полуострове. Турецкие гарнизоны, обосновавшиеся в Ачуеве и Темрюке, наглухо перекрыли ставленнику Екатерины дорогу на Крым [17, с. 461–464, 524, 559–560 и др.]. Поскольку неприкрытое использование российских войск для поддержки похода Шагин-Гирея на Бахчисарай могло привести к нежелательной войне с Турцией, он должен был спешно формировать собственные отряды бешлеев, набранные, по большей части, из ногайцев и

черкесов-жанинцев; их одели в российские мундиры и снабдили старыми ружьями тульского производства [17, с. 79, 135, 141; 24, с. 86–87]. Ейский пристав должен был во всех этих приготовлениях содействовать будущему крымскому хану. В начале января 1777 г. Шагин без боя занял турецкую крепость Капыл, захватил около 30 пушек и назначил сюда своего коменданта Ислям-мурзу [17, с. 237]. Однако 21 января штурм Темрюка был провален: турки успешно отбили атаку и выяснили, что в “армии Шагин-Гирея” находились российские военнослужащие, из-за чего произошел международный скандал. Чтобы не допустить политического осложнения, российской армии пришлось блокировать Крым со стороны Перекопа, 30 января вытеснить турок из Темрюка и 11 марта обеспечить переправу Шагин-Гирея на Крымский полуостров. 22 апреля состоялась официальная церемония присяги крымского общества своему новому хану [17, с. 299–304, 574].

После восшествия Шагин-Гирея на бахчисарайский престол, на правобережье Кубани, считавшемся по Кючук-Кайнарджийскому миру частью Крымского ханства, в Ейском укреплении продолжала оставаться ханская администрация [17, с. 651]. Лешкевич по-прежнему должен был оказывать ей всяческую помощь и даже непосредственно направлять ее действия. Когда в январе 1778 г. мурзы левого поколения едисанцев во главе с Кадырша-мурзою по призыву турок снялись с зимних кочевий и двинулись за Кубань, Лешкевич послал им вдогонку ханских чиновников Шагин-Гирея [7, с. 19–20; 18, с. 135, 207–208]. Летом 1781 г. вспыхнуло мощное восстание ногайцев против Шагин-Гирея, показавшее полную беспомощность его администрации. В письме Веселицкому от 20 июня 1781 г. Лешкевич сетовал, что ему едва удавалось сдерживать начавшиеся волнения ногайцев – “неусыпным моим с неограниченными хлопотами разнообразными трудными подвигами”. Он вызвал войска с Дона, известие о приближении которых остановило едичкульцев; также активно применял подкуп, на который издержал более 3 тыс. руб., включая и свои собственные. После некоторого умиротворения ногайцев Шагин-Гирей снова направил к ним своих сборщиков податей, и это вызвало их еще большее недовольство [20, с. 112–113]. 3 июля российский посланник в Крыму Веселицкий рекомендовал Лешкевичу: если “его светлости увещание у ногайцев не подействует, пожалуйста, ускорите уведомлением” [20, с. 128]. Но увещевания хана не действовали. Отчаявшись сохранить свою власть над ногайцами, Шагин-Гирей предложил Потемкину выселить ногайцев с Кубани, разделить их на две части и поселить одну часть к северу от Перекопа, другую – внутри Крымского полуострова; однако Потемкин не пошел на этот опрометчивый шаг [24, с. 145]. Единственной силой, которая еще могла принудить ногайцев к подданству Шагин-Гирея, была российская военная администрация, представленная, в первую очередь, ейским приставом. Лешкевич, в очередной раз вызвав военную команду, обратился к едичкульским мурзам с призывом оставаться послушными крымскому хану, и это возымело действие [20, с. 96]. Шагин-Гирею, потерявшему всякое влияние на события, оставалось только, в растерянности, написать благодарственное письмо Лешкевичу [20, с. 125].

Характер действий приставской администрации в отношении ногайцев хорошо передает инструкция, данная Лешкевичем в июле 1781 г. поручику Бузовлеву, командированному на левый берег Еи: “По прибытии в ногайские орды, – писал Лешкевич, – обществу, засвидетельствуя от меня, по соседственному дружеству, обычайное почтение с благовидною ласкавостью и приятным обозрением”, следовало без лишнего порицания выразить сожаление о последовавших у ногайцев волнений, приведших их к “чувствительным разорениям”, и мягко сказать “от всех разумеющих нацию татар (т. е. признающих подданство Крымского ханства, – В. Г.)... нарекательность” за мятеж, и упование на милость их государя Шагин-Гирея. Если Осман-ага-каймакан, назначенный к ногайцам ханский чиновник, им неугоден, то рекомендовать они должны милостиво просить своего правителя о его замене. Кроме

того, Бузовлев должен был, “когда случай не препятствует”, побывать “у благоразумных мужей и доверенных к стороне ханской” [20, с. 133–134].

Как видим, деятельность ханской администрации на Кубани была крайне плохо организована, что отчасти можно объяснить постоянным вмешательством российских представителей в вопросы внутреннего управления Крымского ханства. Например, в ноябре 1781 г. российский представитель в Бахчисарае П. Веселицкий требовал от Шагин-Гирея отставки Осман-аги, но хан упрямо настаивал на том, чтобы тот оставался в Ейском городке при своих полномочиях [20, с. 302–303]. По большому счету, ханские чиновники ограничивались лишь сбором налогов с населения междуречья Кубани и Еи. Полицейские функции они также перекладывали на Лешкевича. Так, 2 апреля 1779 г. он был крайне удивлен сообщению ханских чиновников о том, что Шагин-Гирей приказал им тайно арестовывать “нагайских орд мурз, ефендиев, мулов и аггов”, приводящих “чернь в смятение”, и передавать их приставу для отправки под конвоем в близлежащие российские крепости. Получив от Лешкевича рапорт об этом ханском приказе, нарушающем международные нормы, А. Суворов просил российского посланника в Крыму А. Константинова подтвердить существование такого и, в случае подтверждения, все же исполнять его [7, с. 194–195]. Подобные действия, конечно, не прибавляли любви ногайцев к Шагин-Гирею, как и, собственно, к приставу. Лешкевич 1 июля 1781 г. сообщил Румянцеву, что причиной недовольства ногайцев крымским ханом есть “безпорядочные поступки определенных от него чиновников” [20, с. 151–155]. Но и Шагин-Гирей, со своей стороны, в письме Веселицкому от 19 июля 1781 г., переложил вину на Лешкевича, утверждая, что в течение 3 лет ногайцы жаловались на него “в причинении им некоторых неудовольств явным вмешательством в обычные распоряжения их, под видом несообразность в себе замыкающим”. Хан считал это одной из причин возникших у ногаев “неустройств” и заключал, что “пребывание на Еи г[осподина] подполковника Лешкевича не предвидится надобным” и что если России для общей с Крымом пользы нужен свой представитель, то надобно заменить его на другого, “тонкость с татарами обращения сведущего” [20, с. 147–148].

В условиях слабости власти и низкой популярности Шагин-Гирея у ногайцев не происходило консолидации на основе осознания общности своих интересов и выработки общей цели. Необходимость выбирать между российским и турецким подданством привела к расколу ногайского общества на множество противоборствующих групп. В итоге, вся полнота внутреннего управления ногайцев постепенно оказывалась в руках ейского пристава, включая вопросы землепользования, регуляции перекочевков и отношений между кочевыми коллективами [20, с. 339]. Примечателен случай, произошедший в ноябре 1779 г., когда ногайцы, кочуя по правому берегу р. Еи, зашли вглубь российской территории. В виду этого, Азовская комендантская канцелярия потребовала взять с них “поземельные деньги” и немедленно выселить их на левый берег. При этом данное требование адресовалось не ханским чиновникам и не ногайским мурзам, а приставу. Он, обратившись к своему руководству, получил распоряжение: денег с ногайцев не брать, дабы не настроить их против России; это было особенно важным из-за того, что Порта проявляла к ним всякие “ласкательства” [19, с. 433–434]. Подобные случаи повторялись регулярно; появились жалобы российских подданных на незаконный покос ногайцами травы, побитие их скотом хлеба, занятие ими земли под посев зерна в районе Кагальника и др. [19, с. 435–436]. В феврале 1782 г. ногайцы снова стали кочевать между реками Ея и Кагальник, заявляя, что эта степь была “подарена” Россией Шагин-Гирею. Более того, ханские чиновники стали брать пошлины с российских подданных за пользование этой землей. Азовский губернатор В. Чертков вынужден был давать юридические разъяснения, что часть занятой ногайцами территории принадлежит России с 1704 г., другая же – получена Россией по 20-й статье последнего мирного договора с Портой, и обе эти части входят в состав Азовской губернии. С момента же переселения на Прикубанье, ногайцы, по утверждению Черткова, “ближе Чумбур кочевьем к российским

границам не располагались”. Но, несмотря на протест российского посла в Крыму Веселицкого, Шагин-Гирей отказался выводить ногайцев с данной территории [3, л. 5]. Судя по всему, их все же выселили на левый берег Еи, вопреки воле хана.

Из-за той же слабости ханской власти, ейскому приставу приходилось брать на себя функции защиты ногайцев от угроз и претензий, исходящих извне. В июле 1781 г. он категорически отказал кабардинскому владельцу Девлет-мурзе Касаеву, который просил разрешения “нагаев всех разбить, имущество и скот, детей и жен с собою угнать”, в отместку за прежнее разграбление ногайцами кабардинцев [20, с. 162]. Также Лешкевич добивался запрещения донским казакам, стоящим на форпостах на р. Кагальник, отгонять скот у ногайцев [20, с. 213]. Пропуск ногайцев на российскую территорию также производился сугубо с ведома Лешкевича, которого они должны были просить о выдаче билетов для проезда в российские владения для покупки хлеба или отправляясь на заработки [7, с. 250].

Быстро меняющиеся задачи и фактические полномочия ейского пристава не могла предусмотреть никакая должностная инструкция. Когда в 1782 г. Потемкин потребовал от Лешкевича общий отчет о работе, рассматривая вопрос о его переподчинении и финансировании, в ответ получил следующее: “К кубанской стороне обращаясь посреди своенравной и лехкомысленной нагаиской необузданности, с порученостию в глубине пустой степи при poste Еискаго укрепления, в последних росииских границах вникло обозревая, на случаи во всем кубанском краю тож, черкеских горах и во всех тут пределах възстановляя сеи ветренной род в благовидности от всех неудобств на степень общего покоя, тишины, отъвлекая нередко бываемые черкеские злодеиские набеги з защитою росииских пограничных жителей” [4, л. 1]. То есть, судя по документу, главной функцией Лешкевича, как и ранее у Стремоухова, было отслеживание состояния лояльности ногайцев и противодействие их переходу на сторону Турции. Для выполнения этой задачи требовалось организация систематического сбора информации в ногайских кочевьях, Крыму и на левобережье Кубани [20, с. 10, 11, 15].

Среди информаторов пристава были армянские и греческие купцы, которые торговали в Ейском укреплении. Одним из них таких был житель Керчи грек Янисавельев, торгующий в “Ейском татарском Шагин-Гирейском базаре”. 24 мая 1782 г. он получил от своего партнера, еникольского купца армянина Якуба Исврекова, сообщение о мятеже на Тамани братьев Шагин-Гирея, Арслана и Батыра, которое содержало рекомендацию: “если есть в нагаиских ордах какие розданные товаром долги, старайтесь как можно скорей собрать да и впред заимообразно ни по каким усилным их, ногаев, прозбам не давайте... За лутчеи способ я считаю, хотя товар и лежать будет, да цел и накладу не почувствуешь” [2, л. 3 об.–4.]. Это письмо, оказавшееся у Лешкевича, послужило надежным индикатором опасности. 24 июля 1782 г. Неслучайно Веселицкий так характеризовал Лешкевича своему руководству: “его донесения о ногайцах по здешнему посту на всегдашнее время нужны”; самого же ейского пристава он назвал “исправным пограничным комиссионером” [20, с. 687–688].

Всех информаторов, а также других лиц, приезжавших из-за границы, Лешкевич допрашивал под присягой, с протоколом и переводом на русский язык. Значительная часть полученных им сведений была уникальной и не дублировалась другими источниками. Таковой, в частности, была информация о деятельности и учении шейха Мансура (Ушурмы), систематически собираемая в 1785 г. (хотя исследователи отмечали погрешности перевода, подготовленного служащими приставской канцелярии, не обладавшими высокой квалификацией) [8, с. 7–8, 32]. Полученные в Ейском укреплении данные отправлялись региональным представителям российской власти, компетенции которых конкретный вопрос касался. Впрочем, сбор секретной информации за границей, ведение допроса въезжающих лиц под присягой, протоколирование и осуществление перевода на месте составляли обычную практику пограничных служб Российской империи, хорошо налаженную еще в XVII в. [14, с. 114, 118 и др.]. И потому деятельность

ейского пристава не составляла исключения в системе организации пограничной службы Российской империи. Исключительными были лишь его полномочия напрямую обращаться к таким крупным военным и дипломатическим чинам, как малороссийский генерал-губернатор Румянцев, донской атаман Иловайский, российские послы в Крыму Константинов и Веселицкий, новороссийский генерал-губернатор Потемкин, генерал-поручик Суворов, генерал-майор Пиль и др.

Тем не менее, штат ейского пристава едва выдерживал нагрузку, связанную с возложенными на него обязанностями. 1 июля 1781 г., накануне очередного восстания ногайцев, в распоряжении Лешкевича находилось всего 35 казаков, пребывающих “в нужнейших отрядах”; также была гарнизонная команда подпоручика Бузовлева и прибывшая на подкрепление рота Низовского пехотного полка с одним орудием – “и то одна пехота, коею с нужностию закрываю укрепление и орудия”, – сетовал Лешкевич. С этими силами он смог остановить подошедших к Шагин-Гирейскому городку вооруженных ногайцев, но вынужден был в срочном порядке просить командующего Кубанским корпусом генерал-майора Пиля закрыть границу по р. Ея, расположив на бродах и переправах посты и форпосты [20, с. 151–155]. Осенью того года значительная часть ногайцев начала активные боевые действия против россиян, совершила нападение на Ейское укрепление и отогнала пятисотенный конский табун, принадлежавший Шагин-Гирею. 25 ноября Лешкевич призвал вооружаться и садиться на лошадей всех торговцев “Татарского базара”, преимущественно греков и армян. Сформированные таким образом отряды самообороны пристав укрепил своими 8 казаками, разделил их на 3 группы и отправил их вверх по р. Ея на броды. Сам же, взяв до 30 гарнизонных солдат с 1 орудием, стал на мосту, находящемся в 7 верстах от укрепления, и в момент приближения ногайских всадников произвел холостой выстрел из пушки, приведший нападающих в замешательство. Ногайцы отступили; отряд почти небоеспособных бешлеев Шагин-Гирея во главе с Али-агою, по всей видимости, воздерживавшийся от участия в обороне Ейского укрепления, после этого отправился в безуспешную погоню за похитителями ханского табуна [20, с. 336–337].

Весной 1782 г. ногайцев снова охватили волнения. По сообщению от 3 мая Лешкевич присутствовал на “великом собрании” в Едисанской и Джембуйлуцкой ордах, убеждая мурз не слушать призывов Батыр-Гирея, выступившего против Шагин-Гирея и поддерживаемого Портой, просил их не отходить от р. Еи, “хотя с теснотой, расположиться в последних границах наших, и то исполнив, начали уже с прилежанием хлебопашествовать” [20, с. 513–514]. Удержало ногайцев в послушании известие о том, что генерал-майор Пиль по сообщению от 11 июня 1782 г. переправился со своими войсками через Дон, истребовал у атамана Иловайского еще два полка и с ними движется к Ее [4, л. 1.]. В распоряжении ейского пристава на тот момент было всего 35 донских казаков, которые использовались на почтовой службе и “в разных посылках”. Потому Лешкевич просил у генерал-майора Шульца с Моздокской линии 100 донских казаков [2, л. 1 об.]

Ситуация все более накалялась; в Крыму вспыхнуло мощное восстание против Шагин-Гирея, который давно уже стал олицетворением власти Петербурга на полуострове. После бегства Шагина в Керчь под защиту российского гарнизона, на Кубани активизировался Батыр-Гирей-султан, которого крымская знать избрала новым ханом; ногайцев снова охватили волнения. По сообщению от 4 августа 1782 г., в ногайских кочевьях свирепствовал голод, как следствие того, что в прошлом году они, из-за сумятицы, не смогли засеять поля хлебом, смешались их кочевые маршруты, что привело к падежу скота. Еще больше углубилась трещина размежевания на две враждующие группировки: сторонники Шагин-Гирея подтягивались к границам России на р. Ея, а признавшие ханом Богадыр-Гирея откочевывали поближе к Кубани. “Обе стороны, – писал Лешкевич, – стараясь одна другую превозмочь и привлечь к себе большее число, имеют между собою ссоры и драки”. Но многие, не желая участвовать в

усобице, стали мигрировать на левобережье Кубани. Первыми бежали обедневшие кочевники, за ними потянулись и те, которым еще удавалось сохранить скот. Центром притяжения ногайцев стала турецкая крепость Суджук-кале (современный г. Новороссийск), откуда некоторые мурзы на судах стали выезжать на “Бендерскую степь”, т. е. в Приднестровье [2, л. 3–4]. Ногайцы объясняли Лешкевичу причину своего бегства тем, что, спасаясь от голода, они ехали в Россию для покупки хлеба и на заработки, но были вынуждены 6 недель находиться в Кагальницком карантине, что приводило их в еще более бедственное положение [2, л. 3–3 об.].

Подытоживая длительную борьбу за обладание черноморским побережьем, 8 апреля 1783 г. Екатерина II подписала манифест “О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны, под Российскую Державу” [15, с. 897–898], тем самым, ликвидировав “независимое” Крымское ханство. Ранее принадлежавшее ему междуречье Кубани и Еи переходило под прямое управление российской военной администрацией, возглавляемой Суворовым. Главной его задачей стало проведение сложной процедуры включения ногайских орд в состав Российской империи. Значительная часть ногайцев, не принимая для себя такой перспективы, стала откочевывать к р. Кубань, к турецкой границе. Это подтвердили армянские купцы, регулярно бывавшие в ногайских кочевьях и снабжавшие Лешкевича подробной информацией [7, с. 255–256]. Пристав в спешном порядке выехал вслед за ними и остановил их в районе Капыла, предотвратив их переправу через Кубань; едичкульцы почти в полном составе вернулись на свои прежние кочевья [6, с. 86]. Пока Лешкевич отсутствовал, состоянием на 25 апреля 1783 г., его функции в Ейском укреплении выполнял премьер-майор Полторацкий, запросивший у атамана Иловайского полк донских казаков в подкрепление. В том же качестве Полторацкий упоминается и в событиях 6 июля 1783 г. [7, с. 256, 270].

Лешкевич постоянно консультировал представителей российского командования, проводивших мероприятия по включению междуречья Кубани и Еи в состав России. Важнейшей их составной частью была подготовка принятия ногайцами присяги о вступлении в российское подданство. В связи с этим, Суворов поручил генерал-майору Фелисову, которому предстояло привести в верность едичкульцев, взять сведения у Лешкевича “о их состоянии, нравах и различных свойствах”. После активной подготовительной работы, 28 июня 1783 г. в Ейском укреплении состоялась торжественная церемония принятия от едисанцев и джембуйлуковцев присяги о российском подданстве, которой руководил Лешкевич в присутствии Суворова. Фелисов успешно провел ту же церемонию с едичкульцами в Копыле, Елагин – на Таманском полуострове [13, с. 229–230]. В тот же день Суворов подал представление Потемкину о том, что “труды г[осподина] Лешкевича должны ему при конце заслужить Владимирский орден” [7, с. 268], тем самым подытоживая его вклад в укрепление российских позиций в регионе.

Тем не менее, до полной стабилизации ситуации было еще далеко. Сразу же после принятия присяги, российские власти занялись подготовкой переселения ногайцев на уральские степи. Это намерение натолкнулось на их упорное нежелание покидать обжитую территорию, имеющую естественные границы – реки Кубань и Ею, и переходить в открытую степь, на которой время от времени располагались кочевья башкир и казахов, что, в перспективе, грозило столкновениями с ними. Кроме того, в памяти ногайцев хорошо отложилось переселение из Причерноморья в Прикубанье в 1770–1771 гг., в ходе которого они несли большой материальный ущерб. Внутренние усобицы и хаотические миграции, с большим трудом остановленные российскими властями в июне 1783 г., возобновились с новой силой, как и участились случаи набегов ногайцев (часто – вместе с черкесами) на поселения Моздокской линии.

31 июля джембуйлуковцы совершили крупное нападение на ногайцев, подчинявшихся распоряжениям Лешкевича. Пристав отправил отряды под командою полковников Телегина и Павлова, которые смогли рассеять нападавших. В разных местах

против ногайцев было использовано 4 эскадрона драгун, 4 пехотные роты, 3 пушки и полторы сотни казаков. В общей сложности погибло около 3 тыс. ногайцев и 14 российских военнослужащих, в т. ч. и секунд-майоры Масленицкий и Пряжевский, ранее бывшие приставами в отдельных группах ногайцев. Однако противостояние усиливалось. 23 августа вышедшие из российского подчинения ногайцы вместе с черкесами напали на Ейское укрепление, смяли пикеты, нарушили коммуникацию и начали штурм, который был отбит со значительными потерями для обеих сторон. Попытки новой атаки безуспешно повторялись и в последующие два дня. Подозревая причастность к провоцированию этого нападения Шагин-Гирея, Суворов поручил Лешкевичу выявлять подозрительных лиц среди бывших ханских чиновников, а также принял меры по усилению Ейского укрепления. 28 августа по его приказу сюда прибыл полк донских казаков; в то же время Лешкевич призвал верных России ногайцев вооружаться против бунтовщиков [7, с. 273, 274, 276, 279, 280, 285].

К началу сентября положение несколько стабилизировалось, в связи с чем Суворов, как командующий Кубанским корпусом, подписал приказ “ежевременно вводить в войсках обычай с татарами обращаться как с истинными братьями” [7, с. 281]. 12 сентября он отрапортовал Потемкину о восстановлении контроля правобережья Кубани, отмечая, что в военных действиях против ногайцев участвовало 15 эскадронов драгун при 8 орудиях, до 15 пехотных рот при 8 орудиях и все “подлежащие здесь казаки”. Тем не менее, основные силы восставших были рассеяны, но не побеждены. Поэтому Суворов принял решение атаковать ногайские аулы, расположенные на левом берегу Кубани и привлек Лешкевича к участию в этой операции, поручив ему командовать отрядом драгун. До 20 сентября он прибыл к Суворову, оставив вместо себя в Ейском укреплении секунд-майора Куприна с правом напрямую обращаться к Потемкину. 1 октября на правобережье р. Лаба в урочище Керменчик ногайцы потерпели сокрушительное поражение, потеряв многих “почетных мурз и главных ... наездников”. В сражении отличились и драгуны Лешкевича, выступавшие в авангарде [7, с. 282–283, 285, 288].

После этой, роковой для ногайцев, военной кампании Лешкевич вернулся в Ейское укрепление и продолжил исполнение своих прежних функций, с тем отличием, что действовал уже напрямую от имени российской монархии, а не от лица зависимого от него крымского хана. Хотя в Шагин-Гирейском городке продолжали находиться ханские чиновники. С декабря 1779 г. их возглавлял Халил-ага-эфенди, которому формально подчинялось “все собрание ногайских мурз, кочующих по здешней стороне Кубани с своими ордами” [19, с. 466, 467]. После ликвидации Крымского ханства он смог сохранить за собой звание марахаса (начальника) ногайцев, принимая активное участие в приведении их к присяге и организации их переселения на уральские степи. За это он получил штаб-офицерский чин и 500 руб. годового жалования [7, с. 257–258, 260–261], позднее его возвели в надворные советники [21, с. 15–16]. В силу скудости данных, невозможно установить, как именно распределялись полномочия пристава и марахаса. Однако вполне понятно, что с апреля 1783 и до августа 1790 гг. в ногайских ордах Лешкевич продолжал осуществлять функции контроля передвижения, надзора за состоянием политической лояльности и взаимодействия с общероссийской и региональной властью. Халил-аге оставались вопросы внутреннего управления: суд, сборы средств на общественные нужды (налоги в российскую казну с данной группы ногайцев не взимались), представительские органы.

Зимой 1783–1784 гг. к приставу стали являться ногайцы, уцелевшие в перипетиях событий минувшего лета и осени, с прошением разрешить кочевание в определенных местах [7, с. 296]. По запросу Суворова, Лешкевич собирал сведения об убыли и остатке ногайского населения, однако не смог установить точное количество оставшихся, отмечая лишь “малое число” таковых [7, с. 297–298]. Еще с лета особенно остро стояла проблема голода в ногайских кочевьях, побудившая Суворова дать распоряжение о передаче обедневших ногайцев (байгушей) Лешкевичу для переселения их в Войско Донское, а

также указание атаману Иловайскому “чинить [им] самодолжное вспоможение, соглашать благовидно их волю” [7, с. 266, 267]. Количественный состав ногайского населения в междуречье Кубани и Еи не был постоянным как из-за нестабильного положения в их хозяйстве, так и в силу внешних причин, побуждавших их к миграции. Последнее крупное волнение охватило подвластных Лешкевичу ногайцев с мая 1785 г., когда стал распространять свои воззвания шейх Мансур, который до 1791 г. выступал во главе антироссийского движения народов Северного Кавказа [8, с. 10, 14]. Всего к 1790 г. под управлением Лешкевича и Халил-аги находилось 3 тыс. ногайских семей [5, л. 60–61 об.] или до 20 тыс. чел.

Неспокойное положение на границе не мешало Лешкевичу завести собственный хутор “в тех безлесых местах”, с винокуренным заводом и садом, которые в 1791 г. оценивались в 2817 руб. Кроме того, он владел 152 лошадьми, 97 ездовыми волами, 203 коровами, 2025 овцами. В этом хозяйстве находились и купленные им крепостные россияне, а также подаренные ему в 1779 г. “от ногайского общества на вечное и потомственное владение” три черкеса с женами и детьми, двое мужчин и одна женщина из калмык. В 1786 г. количество крепостных приставов пополнилось за счет ногайцев, попавших в плен (их численность в документе не указана) [1, л. 11–11 об., 12, 21]. Будучи обычным помещиком-крепостником и офицером-служакою, он не проявлял особо теплого отношения к ногайцам, вверенным его попечению. Это исчерпывающе характеризует написанная им фраза, передающая его почти эсхатологическое настроение: “...обращаясь посреди своенравной и лехкомысленной нагайской необузданности...” [4, л. 1].

Тем не менее, Иван Федорович Дробинка-Лешкевич был исправным российским служащим, стоящим на страже интересов своего государства и участвовавший в большинстве крупных событиях, связанных с завоеванием Россией Крыма и Правобережья Кубани. Он умер 13 августа 1790 г. в чине бригадира [1, л. 8]. После его смерти единственным начальником ногайского населения, оставшегося от некогда многочисленных Едисанской, Едичкульской и Джембуйлуцкой орд, становится Халил-ага. В конце 1790 г. по распоряжению Потемкина все ногайцы междуречья Кубани и Еи были переселены в Северное Приазовье, на левый берег р. Молочная [21, с. 15–16]. Вскоре на ранее занимаемые ими земли пришло Черноморское казачье войско, открывшее новый период в истории региона.

Библиографический список и примечания

1. Государственный архив Украины в Автономной Республике Крым. – Ф. 799. – Оп. 3. – Д. 197.
2. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф. 52. – Оп. 1/194. Д. 261. – Ч. 2.
3. РГВИА. – Ф. 52. – Оп. 1/194. – Д. 265. Ч. 1.
4. РГВИА. – Ф. 52. – Оп. 1/194. – Д. 265. Ч. 2.
5. Российский государственный исторический архив. – Ф. 383. – Оп. 29. – Д. 916.
6. А.В. Суворов. Письма / сост. В.С. Лопатин. – М.: Наука, 1986.
7. А.В. Суворов. Русские полководцы. Сб. док. / под ред. А.В. Сухомлина и В.Д. Стырова. – Т. 2 / под ред. Г.П. Мещерякова. – М.: Военное издательство, 1951.
8. Александров И.Ф. Шейх имам Мансур, проповедник газавата на Кавказе в конце XVIII в. (По архивным материалам Таврического губернского архива) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – Симферополь: тип. В. И. Якубовича, 1919. – № 56.
9. Всевысочайшие рескрипты императрицы Екатерины II и министерская переписка по делам крымским из семейного архива графа В.Н. Панина. – Т. I. – М., 1872.

10. Грибовский В.В. “Ногайский вопрос” в период “независимости” Крымского ханства. 1774 – 1783 гг. // Кавказский сборник. – Т. 5 (37) / под ред. В. В. Дегоева. – М.: Русская панорама, 2008.
11. Грибовский В.В. К вопросу о принятии причерноморскими ногайцами подданства России и переселении их на Кубань в 1770 – 1771 гг. // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2006 г. Дикаревские чтения (13). – Краснодар: ООО РИЦ “Мир Кубани”, 2007. – С. 446–473.
12. Записки генерал-фельдмаршала князя А.А. Прозоровского / сост. и ком. А.К. Афанасьев и др. 1756–1776. – М.: Рос. Архив, 2004.
13. Кочекаев Б.-А.Б. Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. – Алма-Ата: Наука, 1988.
14. Новохатко О. Разряд в 185 году. – М.: Памятники исторической мысли, 2007.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. – СПб., 1830. – Т. XXI.
16. Пределы кочевья кубанцев с российскими владениями в 1780 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. – Т. 3. – Одесса, 1853.
17. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции, донесения / сост. Н.Ф. Дубровин. – Т. 1. – СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1885.
18. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции, донесения / сост. Н. Ф. Дубровин. – Т. 2. – СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1885.
19. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции, донесения / сост. Н. Ф. Дубровин. – Т. 3. – СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1887.
20. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции, донесения / сост. Н. Ф. Дубровин. – Т. 4. – СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1889.
21. Сергеев А. Ногайцы на Молочных водах (1790–1832 г.) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – № 48 / Под ред. А.И. Маркевича. – Симферополь, 1912.
22. Соловьёв В.А. Суворов на Кубани, 1778–1793. – Краснодар: Кн. изд-во, 1986 // <http://www.nw-kuban.narod.ru/suvorov/>
23. Ханьков И.И. Подлинная записка о донской экспедиции // Записки Одесского общества истории и древностей. – Т. 14. – Одесса, 1888. – С. 66–90.
24. Fisher Alan W. The Russian Annexation of the Crimea. 1772–1783. – Cambridge: at the University Press, 1970.

ТРОИЦКАЯ КРЕПОСТЬ НА МЫСУ ТАГАН-РОГ И УКРЕПЛЕНИЯ МИУССКОГО ПОЛУОСТРОВА

С XVII в. достижение выхода к открытому морю становится насущной потребностью Российского государства. Осада и взятие Азова показали, какую важнейшую роль в войнах с сильной морской державой, каковой являлась Турция, играет военно-морской флот.

После присоединения Приазовья необходимо было построить военные корабли, гавань для стоянки военно-морского флота и крепость, охраняющую ее. Уже 27 июля 1696 г. в поисках места для стоянки флота Петр возглавил экспедицию по обследованию присоединенного побережья Азовского моря. В эту экспедицию, включавшую многих инженеров и генералов, вошел П. Гордон. Он подробно рассказал в своем дневнике о том, как было найдено место для сооружения Таганрога [1]. Царь повелел строить здесь гавань и крепость. Выбор определялся тем, что море в этом месте было достаточно глубоким и подходило для стоянки морских судов. Нашлось просторное место для гавани, с крепким каменным грунтом. Руководителем строительства был назначен француз, генерал-инженер А. де Лаваль. Для работ было назначено из малороссийского населения 20 тысяч человек, присмотр над которыми осуществлял думный дворянин Щепкин [2].

Только в середине июля 1697 г. де Лаваль прибыл на Таган-Рог, но крепость заложил не на мысу, а на Петрушинской косе, в пяти верстах к западу от Таганрога, предполагая здесь же устроить и гавань. Новая крепость получила название «Павловская». Боярин А.С. Шеин, начальник Пушкарского приказа, в ведении которого находились крепостные постройки, находился тогда в Азове. Он утвердил это решение, так как «...на Таганроге город не заложен для того, что пресных вод не явилось» [3]. В октябре того же года Пушкарский приказ окончательно разрешил постройку Павловской крепости и гавани.

В силу разных, в том и числе и объективных причин строительство двигалось медленно. Поэтому «за медлительность и неуспешный ход работ» де Лаваль был отстранен, а в июле 1698 г., обвиненный по доносу «в злых умыслах» против правительства, он был арестован и в кандалах отправлен в Москву. Помощник де Лавалья, шведский инженер Рюэль, сделал промеры у устья Миуса, вдоль северного берега моря до Кривой косы и заявил о возможности устроить гавань на Миусе. В конце марта Пушкарский приказ решил прекратить работы в Павловской крепости, а вместо этого строить гавань и крепость на Миусе, «удобнее Гавану быть на оном Миусе, как для пресных вод и лесов и протчих угодий» [4]. В конце концов, и Петр одобрил выбор места для крепости и гавани: «... изволил подтвердить о гаване... что лучше на Миусе и работы меньше» [5].

Гавань и крепость на Миусе приказано было выстроить в течение лета 1698 г. Руководителем строительства гавани был назначен итальянский инженер, капитан М. Симонт (с участием Рюэля), а к городским и крепостным работам – австрийские инженеры Э. фон Боргсдорф, Р. Трузин и датчанин Ю. Франк. Азовскому воеводе было предписано отправить к этим работам полк солдат. Из Азова было велено брать и строительные материалы [6]. Вскоре выяснилось, что для гавани глубина моря была явно недостаточной. По замерам капитана М. Симонта она не превышала 4-х футов (менее 1,2 м) у берега и не возрастала в море, на протяжении пяти верст. Проведенные новые изыскания указали опять на Таганрог, как лучшее и, пожалуй, единственное место для гавани. Строительство гавани было перенесено с Миуса на мыс Таган-Рог. 12 (22)

сентября 1698 г. Пушкарский приказ принял окончательное постановление о строительстве гавани и крепости на мысу Таган-Рог: «Пристани морского каравана судам по осмотру и по чертежу, каков прислал за рукою итальянской земли капитана Матвея Симунта, быть у Таган-Рога и сделать тое пристань в море на 300 сажен, поперек и землей вышиной как у моря бывает прибыльная вода, чтобы через те сваи морская вода не переходила, а для бережения той пристани на берегу сделать шанец, чтоб в том шанце работным людям зимовать было мочно...» [7]. Этот день, 12 сентября, в Таганроге считается днем основания города.

Началась масштабная и напряженная архитектурно-строительная деятельность, в ходе которой можно выделить три этапа в строительстве Таганрога. Первый этап (1698-1700 гг.) – сооружение временных укреплений «с поля», под прикрытием которых строились молы гавани, склады и самые необходимые жилые строения. Второй этап (1700-1705 гг.) – устройство земляной крепости, совершенствование построенных молов и строительство новых, развитие казенного каменного строительства, создание слобод и всех деревянных построек. Третий этап (1706-1711 гг.) – продолжение работ по укреплению крепостных ограждений, облицовка молов и волнорезов камнем и доделка различных строений.

Необходимо отметить, что строительство на захваченной (спорной) территории разворачивалось в условиях продолжавшейся русско-турецкой войны. В первую очередь надо было обезопасить стройку на Таган-Роге со стороны «поля», т.е. от татарских набегов. В трех верстах восточнее Троицкой крепости, у моря был построен редут «Черепаша» и от него на северо-запад проведена укрепленная Линия до Миуса. Здесь была возведена Павловская крепость (не путать с Павловской крепостью на Петрушиной косе) (рис. 1). Защитная Линия состояла из земляного вала в девять футов высоты, перед ним был вырыт сухой ров. Линия тянулась от Миуса до берега моря на семь верст. Для ее прикрытия вдоль вала были выдвинуты небольшие бастионы, на расстоянии двух ружейных выстрелов один от другого [8].

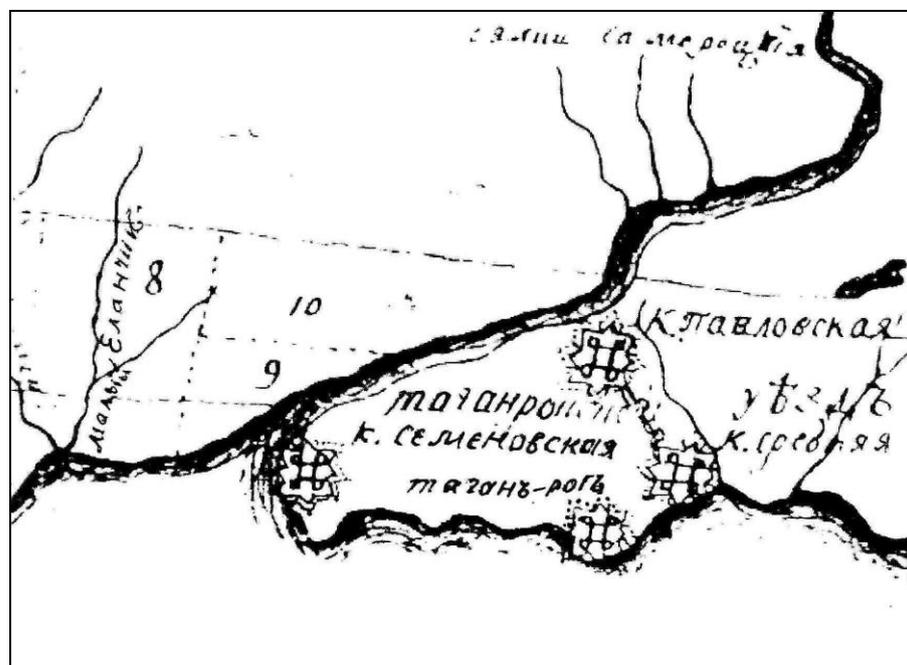

Рис. 1. Расположение укреплений на пространстве между мысом Таган-Рог и рекой Миус, по карте 1778 г.

В октябре 1702 г. Ф.М. Апраксин докладывал Петру: «На Миусе город четверугольный и у моря треугольник, между ними линия сделана изрядно» [9].

Павловская крепость, имевшая форму четырехугольника, протяженностью около 200 шагов, была поставлена на возвышенном восточном берегу реки Миус. Черепяхинский редут имел треугольную форму и располагался в полуверсте от берега моря, на западном берегу балки Большая Черепеха. Река Миус, являвшаяся естественной преградой для кочевников, от Павловской крепости течет еще «верст тридцать» до моря. На восточном берегу устья реки была поставлена Семеновская крепость. Будучи самой крупной после Троицкой крепости на мысе Таган-Рог, она прикрывала строящуюся гавань с самого опасного, западного направления.

Крепость в устье Миуса была построена первой, уже в 1698 г. Первоначальное ее название – «Миус», позже – «Семеновская» (рис. 2). Она имела форму неправильного многоугольника с четырьмя бастионами и двумя полубастионами. Высота земляного вала достигала 3,5 м, ширина более 6 м. Глубина рва, окружавшего крепость, около 2 м. Крепость имела одни ворота, защищенные со стороны степи небольшим полубастионом. Со стороны моря вала не было, т.к. высокий обрывистый берег служил естественной защитой. Крепость была значительных размеров, с севера на юг около 600 м, а с востока на запад – 500 м. К сожалению, расположение и количество построек внутри Семеновской (как Павловской и Черепяхинской) крепости неизвестно [10]. Количество солдат в Семеновской крепости было непостоянным, например, в 1699 г. «...копейщиков и рейтар и солдат 421 человек» [11], а в 1709 г. лишь «...185 казаков» [12].

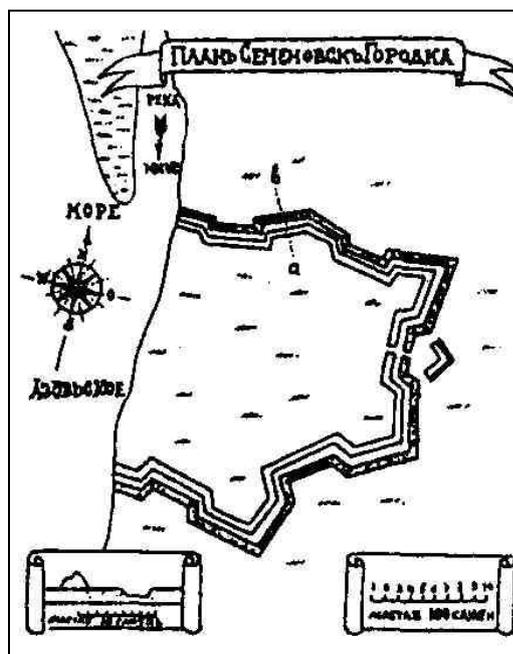

Рис. 2. План Семеновской крепости (городка), по карте 1709 г.

Сооружение крепостей и Линии на Миусском полуострове проходило в тяжелейших условиях. Так, только в 1699 г. от стычек с татарами погибло 124 человека в крепостях Миус и Паловская [13]. Гарнизонам крепостей приходилось и вести строительные работы, и отражать постоянные набеги татарской конницы. Большая смертность среди солдат гарнизона, пленение татарами и непрерывающиеся побег «ратных людей» стали причиной того, что в конце 1699 г. солдатские гарнизоны крепостей заменили переселенными сюда казаками. Так, по крепости Миус: «Новостроенный город над морем на реке Миусе и что в нем строения...отдать казакам Исаю Соболеву с товарищи, а ратных людей и пушки и зелье и свинец и всякие пушечные припасы...из того города вывести на Таганрог» [14].

Казаки – это не солдаты, они привыкли к вольности. Уже в начале весны 1700 г. объективно неизбежные задержки продовольственного снабжения привели к тому, что в

крепостях Миус и особенно Павловской начался «крик велик» (бунт). Казаки Павловской крепости вообще собирались идти на Троицкую крепость. Волнения прекратились лишь после того, как казакам «для утешения» выдали 20 четвертей муки и сверх того по три рубля и по три четверти муки «человеку на год». Миусским казакам было выдано на 200 человек, а Павловским на 300 человек [15]. Вскоре, 3 июля 1700 г., был заключен Константинопольский мир с Турцией, русское правительство тут же вспомнило про весенний бунт казаков. Особенно дорого он обошелся гарнизону Павловской крепости: «...куренного атамана...казнить смертью повесить, а из казаков, которые явятся в том воровстве человек двадцать или двадцать пять, а буде в том воровстве объявятся они все и было у них все заодно и из них всех казнить смертью повесить с жеребья из пяти человек по человеку, чтоб им их братье впредь так неповадно было воровать»[16].

После бунта 1700 г. казакам уже не доверяли и их одних уже в Семеновской крепости старались не оставлять. По указу Петра: «Впредь посылать на Миус из Азова начальных людей, а с ними солдат, которые в Азове годуют по сту человек и жить им в том городе переменяясь помесечно, и в том городе разгородить пополам и жить им солдатам с ними казаками порознь» [17]. После заключения Константинопольского мира жизнь на Миусском полуострове ненамного стала спокойней: захват пленных, угон скота, кровопролитные стычки не прекратились. Только теперь они происходили с турками и татарами в меньшей степени, а больше – с «дружественными» России калмыками, улусы которых кочевали тогда между Миусом и Азовом.

Таганрог строила вся Россия. Необычайными были масштабы строительства, потребовавшие громадной концентрации духовных и материальных сил всего государства. Петр распорядился присылать сюда людей для «городового, гаванного и магазейного дела» по специальным нарядам. Тяжелую трудовую повинность на стройке города-крепости ежегодно отбывало 16-20 тысяч человек [18]. Первыми строителями были солдаты. В 1698-1700 гг. на службу в Троицк на Таган-Роге было отправлено 15 полков [19]. Рабочая сила рекрутировалась также за счет каторжан, ссыльнопоселенцев и военнопленных (турки, татары, шведы, прибалты и др.). Работа велась на основе детально разработанного плана и оригинальных инженерных решений. Основой планировки Таганрога послужил чертеж барона Эрнста-Фридриха фон Боргсдорфа, разработанного 1698 г. Его преемник Рейнгольд Трузин уже выполнил детальные проектные работы и стал автором «исправленного чертежа и размера строения нового города, что на Таган-Роге на Азовском море строят...» [20]. Крепость на Таган-Роге была названа Троицкой, по первой Таганрогской церкви во имя святой Живоначальной Троицы, освященной 1 сентября 1699 г. в присутствии царя Петра [21].

По проекту Боргсдорфа и Трузина крепостная ограда состояла из пяти бастионов с напольной стороны, двух бастионов со стороны моря и двух полубастионов, фланги которых упирались в края обрыва и там смыкались с молами гавани, так что вся крепостная территория охватывалась непрерывной линией оборонительных сооружений и на суше, и в море, составляя таким образом единую систему. Крепость окружал главный вал высотой 24 фута и ров глубиной 16 футов, протяженностью 1220 саженей. Артиллерийское оснащение крепости в 1711 г. составляли 293 и 40 гаубиц [22]. Петр, лично следивший за сооружением крепости, в письме от 6 декабря 1702 г. советовал Ф.М. Апраксину: «...также не худо б те фортеции укрепить полисадами, которые зело способны против неприятеля к осторожности» [23]. Основой внутренней планировки крепости являлась центральная, «генералова» площадь, вокруг которой группировались 38 кварталов, объединенные радиально-концентрической системой улиц. У центральной площади находились: царский и воеводский дома, административные здания, дворы офицеров и других начальных людей. К 1711 г. внутри крепости было 206 каменных строений и 162 деревянных [24]. Значительная часть дворов располагалась за крепостной оградой в «регулярно» спланированных слободах. В 1711 г. в шести слободах насчитывалось 1195 дворов [25].

Гордостью отечественной градостроительной техники стала обширная гавань с площадью водной поверхности 774 тысячи квадратных метров [26]. Автором проекта и руководителем строительства был итальянский инженер Матео Симонт (Матвей Симантов). При постройке доков состоял шлюзный мастер Елизарий Крафорт. Таганрогская гавань – первый опыт строительства гавани на открытом морском побережье, с использованием сборной конструкции (вбитые сваи и деревянные, заполненные камнем ящики), и не только в России, но и во всем мире. Погрузка в воду ящиков, положившая начало сооружению молов гавани, началась летом 1700 г. Количество рабочих в гавани в разные годы изменялось от 5 до 10 тысяч человек. Так, например, в 1701 г. в Таганрогской гавани трудились: «рабочих 7569 человек, плотников 714 человек, кузнецов 263 человека, кирпичников 150 человек, конопатчиков 128 человек, каменщиков 115 человек и ломщиков – 65 человек» [27], всего – 8994 человек. В кратчайшие сроки (за 9 лет) гавань, в основном, была построена. Уже в 1709 г. гавань с моря была полностью ограждена молами и волноломами, на которых имелись выступы и уширения для размещения батареи и гарнизона: «На углах гавани по семи пушек, а в стенах башен... бойницы, таковых же башен четыре... Среди гавани, а на них по пяти пушек, в том месте, где обе стороны гавани соприкасаются с берегом... полубастионы о пяти пушках каждый... При сооружении гавани было погружено в воду 199 ящиков камня размером в 3 куб. аршина. В 1705 г. было опущено 22 столба из цельного камня для того, чтобы суда могли отшвартовываться» [28]. Гавань могла вместить до 200 судов.

Таганрогская гавань имела форму неправильного прямоугольника. Длинная сторона гавани, обращенная к морю, равнялась 488 сажням (1029 м). Ее пересекали Главные ворота шириной в 15 сажней (32 м). Боковые стороны гавани, доведенные до берега, были разной длины. Протяженность северного мола, имевшего Боевые ворота, составляла 220 сажней (487 м), южного – 189 сажней (403 м). Средняя ширина молов равнялась 5 сажням (11 м). На уширениях молов были сооружены башни, прикрывавшие огнем своих орудий Главные и Боевые ворота. Всего в 1711 г. насчитывалось 127 орудий [29].

Оборонительным укреплением на подступах к Троицкой крепости с моря являлась «цитадель» (небольшая крепость), построенная на острове, представлявшем в то время природную отмель, расположенную от берега на расстоянии 810 сажней. Этот остров своим названием был обязан отложению на нем множества раковин – «черепашек», по-местному. Петр велел увеличить отмель насыпкой камня, чтобы образовался остров, на котором можно было построить цитадель. Строительство началось в 1701 г. Подводная часть острова была укреплена ящиками, в количестве 30 штук, заполненных камнем, такой же конструкции, как и для молов гавани Троицкой крепости. Вокруг ящиков были забиты дубовые сваи, образовавшиеся «карманы» (пустые места) забивались камнем. Все это придало острову овальную форму. Надводная часть острова была выведена из камня на известковом растворе и возвышалась над уровнем моря на 5 футов (1,52 м).

Камень для строительства, как и для Троицкой крепости, привозился на бударах (грузовые суда) из Самбека и реки Миус (около нынешней Николаевки). Было использовано 12000-15000 куб. метров камня. Длина острова Черепаша после проведения указанных работ стала 27 сажень и 2 аршина (59,2 м), ширина – 17,5 сажней (37,3 м), а площадь – около 2500 кв. метров [30]. В средней части острова для размещения гарнизона построена была «рубленная из толстого леса изба мерою в три сажени» и покрыта камышом.

Строительством цитадели, как и гавани, руководил капитан Матвей Симантов. 8 октября 1702 г. Ф.М. Апраксин докладывал Петру: «Ситадель, государь, перед гаваном офондаментован и из воды вышел футов пять, и возможно на том основании поставить сто пушек, а ныне для охранения поставлено на ситадели двенадцать пушек. Зело было докучно ей не ложно больше четырех тысяч сажень камню пошло и ящиков тех, в которые камень кладен в землю слишком семь футов, и кругом сваями сбили и камень положили, и

учинены крепкие караулы на ситадели» [31]. В основном цитадель на острове Черепаша была построена в 1702 г., но работы продолжались и в последующие годы, в частности вместо деревянных строений были построены каменные.

Таганрогская гавань получила высокую оценку и за рубежом. Христофор-Герман Манштейн, современник этой эпохи, в своих воспоминаниях писал: «Дон недостаточно глубок близ устья для прохода корабля с грузом. Петр устроил на Азовском море, в местности, именуемой Таганрог, прекрасную гавань, названную им Троица, в которой суда, пройдя без груза устьем Дона, под Азовом окончательно вооружались и могли стоять совершенно безопасно. Все, видевшие эту гавань, сознают, что это одна из лучших гаваней Европы» [32].

Естественно, что управляли городом военные. Приказная палата Таганрога в начале XVIII в. состояла из воеводы Егора Якова, товарища (заместителя) воеводы Павла Мухина, капитана Бекгама и командира Фохта [33]. Основное население города в это время также составляли военнотружущие гарнизона крепости и морские чины флота. К сожалению, трудно сказать, какова численность гарнизона Троицкой крепости, солдаты каких полков несли здесь службу. Достоверно известно лишь, что положение крепости было крайне опасным. Несмотря на заключенный мирный договор с турками, крепости грозила постоянная опасность, ибо турки и находившиеся у них в зависимости татары никак не могли смириться с существованием Таганрога. «Сам знаешь, - писал Петр Ф.М. Апраксину, - каков туркам Таганрог, а в особенности теперь» (1702 г.) [34]. Об этом же пишет Петр снова: «Извольте осторожность учинить...в Таганроге, к обороне того места...людей в прибавку, отколь возможно и сколько собрав, пошлем. Также извольте довольное число казаков нанять донских» [35].

По всей видимости, начавшаяся Северная война со шведами отнимала почти все воинские ресурсы России и поэтому военные гарнизоны на юге были небольшими. Основная ставка делалась на ускоренное возведение оборонительных сооружений и на помощь нанятых для этих целей казаков. Лишь во время обострений русско-турецких и русско-татарских отношений сюда спешили регулярные войска и перевозилось тяжелое вооружение. Примечательно, что даже торговцам-туркам Петр запрещал посещать Троицкую крепость. Во время резкого обострения русско-турецких отношений летом 1701 г. царь писал Ф.М. Апраксину 6 июля 1701 г.: «... извольте держать опаску от турецкой стороны и, для Бога, никаких торговых приезжих не пускайте на Таганрог, а торговать велите у Азова, также, чтоб город поспешить к совершению обороны к зиме. Мы послали 1000 драгун для опасения к вам» [36]. В 1702 г., во время нового обострения отношений с турками, Петр направляет на усиление гарнизона Троицка «2000 мушкетонов с сумами...также и батальон Преображенских и Семеновских». Весной 1703 г. из Воронежа для усиления Таганрогских укреплений были направлены «284 орудия разных калибров с нарядами...» [37]. Эти, по всей видимости, разовые усиления не могли иметь решающего значения, к тому же, как думается, регулярные войска присылались на время особых осложнений с турками, а затем отзывались на более важные участки. Это в какой-то мере подтверждает письмо Ф.М. Апраксина царю 1 июля 1703 г.: «О себе, государь, не знаю, что будет; всего у меня солдат 1200 человек, а флот стоит порознь. Боюсь внезапного набега. Изволь послать Указ к Тихону Никитичу (Стремневу Т.Н.), чтоб велел быть прибавку Осипова полку Булгакова, или как твоя государева воля» (против сего рукой Петра на поле отмечено: «К Тихону писать») [38].

Постоянно в Троицкой крепости находились 3-4 пехотных полка, артиллерийская обслуга, офицеры и матросы флота, также в ведении таганрогского воеводы пребывали воинские части, находившиеся в Миусских укреплениях. Имеются относительно полные сведения о гарнизоне крепости лишь за некоторые годы. Например, в 1704 г. в Троицке находилось четыре солдатских полка: первый полк полковника Михаила Жданова, второй – полковника Гаврилы Сухотина, третий – полковника Степана Аверкиева и четвертый – капитана Алферия Броувера. В крепости несли службу три полковника (в четвертом полку

вместо полковника командиром был капитан, «иноземец Броувер»), два подполковника, четыре майора, 40 капитанов, 40 поручиков, 40 прапорщиков, солдат по 800 человек в полку, итого – 3336 человек. Пушкарей в крепости было 203 человека, также у «городового дела» находились: 1 инженер, 2 капитана, 2 подкопщика, 3 поручика и 4 прапорщика, всего 12 человек. В «новопостроенном шанце, что на Миусе» (Павловская крепость), находились два полка: конный и пеший. В их составе числились 1 полковник, 6 ротмистров, 6 поручиков, 6 хорунжих, полковой писарь, рядовых всадников 281 человек и 200 пеших, всего 501 человек. В Семеновской крепости был размещен пеший полк, в котором было около 200 солдат. В редуте Черепахино и на Линии – около сотни, и еще столько же на острове Черепаха, в цитадели [39]. Таким образом, в Троицке и на Форштадте в 1704 г. было 4426 человек, не считая офицеров и матросов флота. Документы донесли до нас имена некоторых офицеров Таганрогского гарнизона: полковник Яков Рагозин, капитаны Антон Бук, Петр Михайлов сын Мясоедов, майоры Григорий Коробовский, Егор Козлов, капитан Лука Стель, поручик Симон Луц, поручик Герасим Артимор, прапорщик Михаил Петров, поручик Рев Петров, поручик Арист Иванов и другие [40]. Во время новой войны с турками, к середине 1711 г., в Троицкой крепости и на Форштадте насчитывалось уже 8 тысяч человек [41].

Артиллерийское оснащение крепости в 1704 г. состояло из медных пищалей «трель» (ядро – 1 пуд 10 фунтов) и «соловей» (15-фунтовое ядро), 38 чугунных пушек (24-фунтовых) и 67 прочих пушек различного калибра, а также два дробовика и 15 мортир различного калибра (бомба от полпуда до 4-х пудов). Полкового «мелкого ружья» было: 526 фузей, 689 мушкетонов и самопалов, 69 карабинов, 41 пара пистолетов. К тому же на руках у солдат гарнизона было 109 алебард, 3200 фузей и 1600 ручных гранат [42]. В крепости хранилось значительное количество и других военных припасов: 106 пудов железной дроби, 86 катров фитиля, 1083 прута (50 пудов) «тянутого железа на дробь», 219 пудов 16 фунтов пушечного и 153 пуда 34 фунта мушкетного пороха, 1615 пудов 6 фунтов свинца, 8 пудов селитры, 2 пуда горючей серы и т.д. [43].

Таганрог зарождался, прежде всего, как военно-морская база Российского флота, поэтому значительная часть населения Троицкой крепости составляли моряки и обслуживающий их береговой персонал; в разные годы – 2-4 тысячи человек. В первое время своего существования Российский флот комплектовался офицерами и солдатами Преображенского и Семеновского полков и нанятыми иностранцами. С основания флота, в морскую, новую для русских службу нанималось множество иностранцев. Однако, делались общие строгие пересмотры всего наличного состава служащих на флоте иностранцев. Из них оставляли на службе только действительно полезных специалистов, прочие же все увольнялись в отставку. Известно, что в Таганроге 1699-1701 гг. «по разбору» были отпущены из Азовского флота в свои страны 589 иностранцев, в их числе 3 капитана, 11 командоров и 22 поручика. На службе в Таганроге в 1702 г. осталось «чужеземных» 18 капитанов и командоров, 7 поручиков и подпоручиков, 10 штурманов и подштурманов, 24 боцмана и боцманмата, 190 матросов, всего 249 иностранцев [44].

Наши корабельные команды до 1700 г. ограничивались только иностранными матросами, в помощь которым, в случае надобности, как, например, в 1699 г. во время Керченского похода, временно назначались российские солдаты. Русские матросы впервые появляются в 1700 г. Из вновь набранных солдат 504 были «переименованы в это звание» и присланы на юг из Москвы. Их определили на корабли «Благое начало» и «Цвет войны», стоявшие в Таганрогской гавани. В течение 1701 г. были набраны из людей разного звания свыше 1300 человек от 15 до 25 лет и посланы служить на флоте [45].

В галерном флоте было иначе. Первые галеры в подражание иностранным флотам были укомплектованы невольниками и осужденными на каторжные работы преступниками. Стрелецкий бунт 1698 г. и его жестокое подавление положили начало этой «профессии» в России. 269 молодых стрельцов начали каторжную службу на галерах «Перинная тягота» и «Заячий бег». Ту же участь разделили и 131 пленных турок и татар

[46]. Зимой 1703 г. большая часть невольников-галерных гребцов была отправлена на Балтику. В скором времени их заменили солдатами.

В подготовке русского морского офицерского корпуса, по замыслу Петра, большую роль должно было сыграть обучение русских дворян за границей. Впоследствии на Азовском флоте служили получившие знания в Европе: князь Федор Урусов – первый русский капитан, ботмакер князь Александр Голицын, корабельный мастер Федор Плещеев и многие другие. Наличие в составе Российского флота большого числа иностранцев, особенно в первые годы его существования, порождало особые сложности. На корабле правила службы и поведения имели одинаковую силу как для иностранцев, так и для русских. Но на берегу между ними положено было различие. Иностранцы матросы и офицеры получали несравненно большее жалование за свою службу. Оно определялось индивидуальными договорами. Поведение иноземцев на берегу регламентировалось так называемым «немецким артикулом», заметно более мягким, чем русские законы. В Таганроге русскими людьми ведал стольник Соловцов, иностранцы находились в ведении капитана Таганрогской гавани Бекгама. Вся флотская жизнь была строго регламентирована. Еще в 1698 г. в нашем флоте был введен краткий морской устав, состоящий из 64 статей, заимствованных вице-адмиралом К. Крюйсом из голландского и датского уставов. Эти статьи, несколько измененные самим Петром, были напечатаны и обнародованы в 1710 г. под названием «Инструкции и артикулы военному Российскому флоту». Постепенно национальный состав нашего флота менялся. К 1711 г. матросы были уже все русские, а из офицеров число русских приближалось к половине всего наличного состава.

Несмотря на успехи в развитии Азовского флота, все эти годы турки сохраняли заметное превосходство на море. Турецкое правительство чрезвычайно болезненно реагировало на свободное плавание русских судов по Азовскому морю, как это было в 1699 г. и всячески этому препятствовало. Не желая обострять русско-турецкие отношения и давать повод к войне (ведь тогда уже шла тяжелая Северная война), наш флот не рисковал плавать по морю дальше Бердянской косы, т.е. фактически был прикован к Таганрогу и Азову.

Кроме солдат гарнизона и флотских экипажей, в состав военного населения крепости входили и казаки, но едва ли их было много. Петр донским казакам не доверял и только в крайности позволял приглашать (нанимать) их на защиту города. Царь писал Б.П. Шереметьеву: «Сам ведаешь какие люди казаки и татары» [47]. В особенности Петр стал их опасаться со времен Булавинского восстания.

Одновременно с сооружением на мысу Таган-Рог крепости и гавани было положено начало образованию за валами крепости и города. В 1702 г. по указу Петра были посланы в Троицк на Таган-Роге «на вечное житье» из разных городов и сел отдельные семьи торговцев, крестьян, ремесленников, которые были поселены в шести слободах за крепостью. Значительная часть их была прислана из Поволжья (Арзамас, Казань, Нижний Новгород, Самара, Саратов, Симбирск, Сызрань). Для крестьян, как и для солдат, пленных и каторжников, за счет казны были построены избы, они же получали хлебное и денежное довольствие. Торговцы строились за свой счет. В 1711 г. было 1195 изб. Между слобод был построен рынок и лавки. Гражданское население города достигло 10 тысяч человек [48].

Строительство крепости-города с гаванью и возникновение слобод вызвало необходимость открытия промышленных заведений и развития сельского хозяйства, так как доставка продуктов была сопряжена со многими трудностями и отражалась на условиях жизни населения. Из промышленных предприятий были построены: мельница для «пилования» леса и молоты хлеба, казенные кузницы, 12 кирпичных «сараев» (заводов), карьеры по добыче камня на реках Самбек и Миус, организована рубка и сплав леса, заготовка соли (в районе Бердянска), медоварение, пивоварение, рыболовство [49].

В крае не было местных носителей земледельческих традиций. Не были сразу решены и многие другие вопросы, связанные с организацией пашни в только что завоеванном крае. В силу этого, русское земледелие в Приазовье не сложилось сразу в четко организованную, ясную систему. Не было оно перенесено механически и из какого-либо другого района страны. Лишь в 1704 г. на Миусском полуострове в районе Петрушиной косы было положено начало земледелию. Число пашенных крестьян доходило до 200 человек. Были заведены и казенные сады. Посетив Таганрог в 1703 г., Петр в своем письме к А.Д. Меншикову отмечал: «Сие место, которое перед десятью годами пустое видели, ныне с помощью божьей изрядный город купно с гаваном обрели и хотя, где долго хозяин не был и не все исправно, однако есть что посмотреть» [50].

Итак, Троицкая крепость с Миусскими укреплениями (Семеновская и Павловская крепости), с редутом Черепахино и Линией, а также с цитаделью на острове Черепаха представляли целый «укрепрайон», весьма внушительную силу. Турки, в новую войну 1710-1712 гг., обладая большим перевесом в силах, так и не отважились на прямые активные действия против Таганрога. Однако Троицкая крепость с Миусскими укреплениями носили второстепенный характер, главное их предназначение было служить надежной охраной военно-морскому флоту.

В Таганрогской гавани в разные годы стояли корабли первого нашего флота: 66-пушечный «Святой Георгий», «Гото Предестинация» - 58 орудий, 52-пушечные «Крепость» («Ситадель») и «Скорпион», «Ластка» - 50 орудий, «Еж» - 40 орудий, 36-пушечные «Апостол Петр», «Апостол Павел», «Безбоязнь», «Благое начало», «Сила», «Отворенные врата», «Цвет войны» и «Разженное железо», «Соединение» - 30 орудий, 14-пушечные «Лизет», «Мункер», «Таймалар», 8-пушечная «Святая Натали» и галеры «Периная тягота», «Заячий бег», «Золотой орел», «Принципиум», каждая имела по 5 орудий [51].

В мае 1709 г., находясь в Таганроге, Петр приказал остановить все корабельные и адмиралтейские работы в Таврове, на Дону, чтобы начать кораблестроение в Таганроге, перенести сюда верфь, даже вместе с уже начатыми кораблями [52]. Правда, осуществить это помешала новая война с Турцией, которая не смогла примириться с потерей Азова, строительством Таганрога и наличием русского флота на Азовском море. Подстрекаемая шведским королем Карлом XII, а также рядом европейских стран Турция 20 ноября 1710 г. объявила войну России. Руководителем обороны Таганрога, Азова и всего Приазовья был назначен адмирал Ф.М. Апраксин, а командиром флота и Троицкой крепости – вице-адмирал К.Крюйс.

В начале июля 1711 г. турецкий флот (18 кораблей, 14 галер и много мелких судов) [53] с десантом на борту подошел к Семеновской крепости. В «Журнале» вице-адмирала К.Крюйса записано: «Июля 14. Господин Великий Адмирал (Ф.М. Апраксин) сам своею особою поехал в Семеновский и приказал разорить там шанцы и избы, которые в оной крепости были сжечь, а гарнизону крепости... велел идти в Троицкий» [54]. 22 июля турки стали высаживать десант на Петрушиной косе. Им навстречу был выслан отряд полковника Бровера (1500 казаков, два батальона пехоты и 4 орудия) [55]. После короткой стычки турки поспешно отступили на свои корабли. Сконцентрировав в Таганроге все сухопутные силы и весь флот, Ф. Апраксину и К. Крюйсу удалось предотвратить попытки прямых атак на Таганрог как с суши, так и с моря.

Однако главные военные действия происходили на реке Прут в Молдавии. Россия потерпела поражение и вынуждена была 12 июля 1711 г. заключить Прутский договор, согласно которому Азов возвращается Турции, а Таганрог подвергался полному разрушению. «Как на свою руку пишу, - сообщил Петр адмиралу Апраксину 19 сентября 1711 г., - нужно турок удовлетворить... Таганрог разрушить, как можно шире, однако не портя фундамента, ибо может быть бог иначе совершит» [56]. Петр не терял надежды на скорое возвращение этой крепости.

2 января 1712 г. Азов был возвращен Турции, Таганрог разрушен, флот частью сожжен, частью отведен по Дону к Черкасску. После того, как все, что было лучшее, вывезли из Таганрога, остатки продали туркам: четыре корабля и оставшуюся артиллерию, порох, якоря и канаты. Гарнизон покинул Троицкую крепость 10 февраля, а 21 мая 1712 г. был снят последний русский караул. После сдачи Таганрога турки продолжали разрушать крепостные и портовые постройки. «Таганрогскую крепость и Ситадель турки до основания разоряют», - докладывал в сентябре 1712 г. Ф.М. Апраксин [57].

Так закончился первый, петровский период существования Таганрога. Когда не стало Таганрогской крепости, т.е. русского военного присутствия в Приазовье, это почувствовала вся страна. Крымские татары, находящиеся в зависимости от Турции, почти безнаказанно совершали набеги на русские земли, грабили и жгли жилища, убивали и уводили в полон русских людей. Быстро набирающая силы Российская империя, естественно не могла долго мириться с таким положением. Вторая попытка пробиться к южным морям и построить здесь военно-морской флот Россия предприняла во время очередной войны с Турцией и Крымским ханством 1735-1739 гг. В июне 1736 г. был взят Азов, при этом активное участие принимала Донская флотилия, состоявшая из 15 галер и 9 прам под командованием контр-адмирала П. Бредаля [58]. Были исследованы остатки фундаментов Троицкой крепости на Таганроге. В Таганрогской гавани разместили флот; на суше и в самой гавани начались восстановительные работы.

Однако, 7 сентября 1739 г. в Белграде был подписан мир с Турцией, согласно которому Приазовье входило в состав России, но военные постройки уничтожались. В присутствии турецких эmissаров все построенное в Таганроге подверглось полному разрушению. Очевидно, русскому правительству не хватило энергии, настойчивости и силы духа, чтобы закрепить военные достижения, достигнутые в этой войне. Так, при императрице Анне Иоанновне вторично был построен и вновь разрушен Таганрог. Нужна была политическая воля, нужен был правитель уровня Петра Великого. России повезло. В 1762 г. на престол вступила Екатерина II. При ней окончательно был решен вопрос выхода России к южным морям и учреждения здесь военно-морского флота.

6 октября 1768 г. началась очередная русско-турецкая война. 6 марта 1769 г. генерал-поручик Вернес занял Азов, 2 апреля отряд бригадира Дежедераса (де Жедерак) занял Таганрог, и уже в сентябре 1769 г. Екатерина II подписала Указ о включении Таганрога в число государственных крепостей, и в городе учреждался воинский гарнизон с артиллерийской и инженерной командами [59]. Для руководства восстановительными работами был назначен контр-адмирал А.Н. Сенявин. В послании к нему Екатерина II писала: «Таганрогскую гавань Мы отдаем со всем в ведомство Ваше, все милостивейши препоручаем Вам поставить оную в такое состояние, чтоб она могла служить как убежище судам, так и для построения оных, а наипаче галер и других судов, для тому месту способным и чтоб в будущей компании 1770 года флотилия в оной уже зимовать могла, на все оное повелеваем выделить Вам на первый случай 200 тысяч рублей» [60]. Высочайшим рескриптом 10 ноября 1769 г. предписывалось и воссоздание береговых построек порта. Для проведения всех портовых работ в Таганрог был послан инженер-полковник И. Збродов.

Таганрогская гавань воссоздавалась на старом петровском основании и с такой же конструкцией. Это был мол, ограждающий гавань от рейда, состоящий из деревянных срубов, заполненных камнем, покоящихся на дне и возвышающихся над водой, над ним находился бруствер. В молу были ворота. Длина мола устанавливалась в 863 сажени, а высота над водой в 10 футов. Для сооружения такого мола пошло 25430 бревен, 3-5 сажень в длину [61]. К ноябрю 1771 г. была построена, правда без забивки камнем, «...вестовая (т.е. западная) линия гавани, от вестового бастиона до самого берега на 176 сажень и от вестового бастиона к зюйдовой (т.е. южной) линии 40 сажень, всего на 216 сажень» [62]. На бастионе поставили флагшток и пушки.

К 1773 г. были восстановлены все основные постройки порта и гавани. Посетивший Таганрог в это время академик И.А. Гильденштедт так описывал Таганрогскую гавань: «Противолежащую крепости часть моря занимает гавань, отведенная деревянным молотом. Мол имеет в окружении шестьсот сажений, в ширину три сажени, а в высоту десять футов. На молу есть приспособления для швартовки судов и их погрузки. Глубина гавани, при восточном ветре, всего два с половиной фута, наибольшая глубина семь футов. Вследствие этого большие военные суда не могут входить в гавань» [63]. При восстановлении гавани строилась верфь, было организовано адмиралтейство, открыта штурманская школа.

План восстановления Таганрогской крепости и города был разработан в 1769 г. инженер-полковником А. Ригельманом. Крепость восстанавливалась также в прежних границах, на старых фундаментах, в полном соответствии с планировкой начала XVIII в. План города состоял из двух фрагментов: крепости и форштадта, причем форштадт получил преобладание над крепостью. Состоял он из 19 кварталов, в крепости было только 16 кварталов [64]. Постройки внутри крепости и на форштадте сооружались под руководством архитектора В. Петрова, прибывшего сюда в 1769 г. Согласно Генеральному плану Таганрогской крепости, она состояла из трех бастионов, двух полубастионов, четырех рavelинов и «...защищалась крепостными валами значительной величины и глубокими рвами. Последние частично укреплены внутренними стенами, через рвы перекинута мосты» [65]. На западе имелись Никольские ворота, на востоке – Архангельские. На территории крепости находились: 2 церкви, лазарет Таганрогского гарнизонного полка, комендантский дом, 2 дома штаб-офицеров, 11 связей (домов) обер-офицеров, 10 солдатских казарм, 10 кухонь, 10 нужных мест, а также «кузница с 20 горнами, слесарная и фонарная мастерские, мачтовые и такелажные сараи, пороховые склады, лесной склад, блоковая и пушкарские мастерские, складские помещения под стройматериалы, ...такелажная и парусные мастерские, караульный дом, провиантские магазины, контора над портом, столярная и резная мастерские, гауптвахта. Помимо этого, на форштадте были колокольный завод, макаронная фабрика, шелкоткацкая фабрика, дубильные мастерские, два водочных завода и мельница» [66].

По описанию академика И.А. Гильденштедта в 1773 г.: «Таганрогская крепость стоит на совершенно ровной возвышенности, поднимающейся на тринадцать сажений над уровнем моря, у которого она с южной стороны обрывается крутым берегом...Длина крепости с востока на запад шестьсот сажений, а ширина с севера на юг четыреста пятьдесят. Она окружена сухим рвом с палисадом и правильным валом с батареями, вал примыкает к крутому морскому берегу, составляющему природное укрепление...Гарнизон крепости состоит из четырех батальонов, или из двух тысяч человек. Дома все бревенчатые и строятся за счет казны. На фундаменты и углы их употребляется плитняк, из которого сооружена также церковь, пороховой магазин и другие подобные здания. Крыты они гонтом. Казармы расположены вдоль вала; они врыты наполовину в землю и одеты камнем, над землей же поднимаются только на четыре бревна» [67].

Что касается внешней линии укреплений по Миусскому полуострову и на острове Черепаха, то они не восстанавливались. Так на острове Черепаха еще в 1743 г. был устроен Таможенный дозор, затем – карантин, который в 1776 г. был переведен на побережье к Кагатовой балке, вблизи Петрушиной Косы. С этого времени остров оставался пустынным [68]. Семеновская крепость по описанию И.А. Гильденштедта: «...есть маленькая крепостица, до пятисот сажений в окружности, обнесенная сухим рвом и валом, и стоящая на возвышенном месте в углу, образуемом морем и впадающем в него устьем Миуса. Вследствие сильного в настоящее время обмеления этой реки, крепость потеряла свое значение, она теперь упразднена» [69].

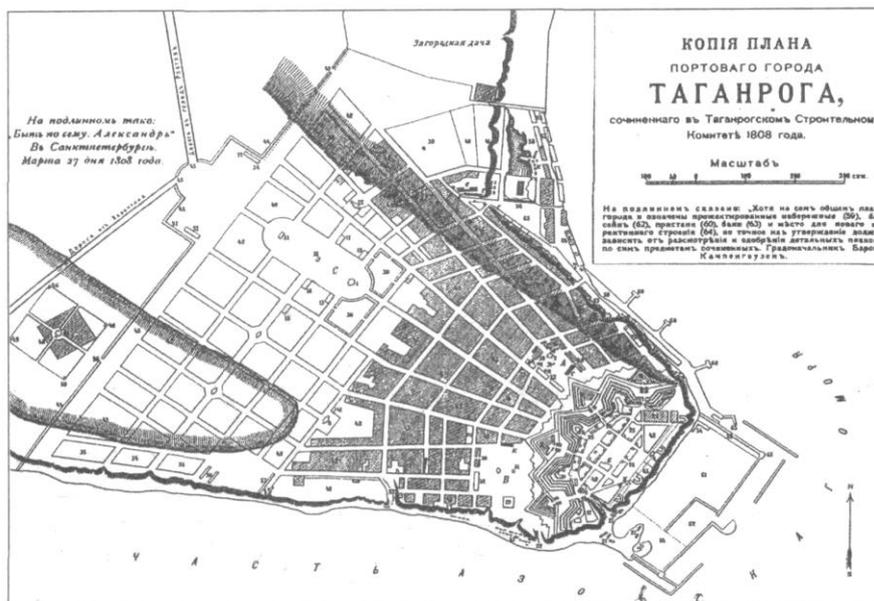

Рис. 3. Таганрогская крепость по состоянию на 1808 г.
(из фонда Таганрогского исторического музея-заповедника)

Не были восстановлены Павловская и Черепахинская крепость, а также Линия между ними. Вместо Миусских крепостей и укреплений, вскоре после занятия Таганрога, на всем протяжении Миусского лимана были поселены 500 семей донских казаков, взятых ото всех станиц. Они составили Таганрогский казачий полк, во главе которого стоял назначаемый полковой командир, и подразделялись на 5 рот, в каждой из которых был назначаемый ротмистр (а не сотник). Таганрогский казачий полк находился в непосредственном подчинении коменданта Таганрогской крепости [70]. Первая рота вместе с полковым командиром стояла у самой Павловской крепости. Остальные вниз по реке в пятиверстном друг от друга расстоянии, до пятой роты, стоящего у самого устья Миуса, возле Семеновской крепости. В обеих этих крепостях казаки содержали пикеты. В 1775 г. Таганрогский казачий полк был расформирован, казаки были возвращены на Дон, а казачьи роты превращены в гражданские деревни с малороссийским населением [71].

Как видно из вышеизложенного, крепость и гавань в Таганроге хотя и начинали восстанавливать по образу и подобию Петровских, но и в реальности все же отличались от них, были меньших размеров, уступали по качеству, Миусских и Черепахинских укреплений не было вовсе. Этому есть свое объяснение. При Петре I Таганрог все время был прифронтовым городом, которому грозила постоянная опасность, при Екатерине II Таганрог по сути дела, очень быстро оказался тыловым городом (наши войска находились на Кубани и в Крыму, а флот стоял у Керчи). Тем не менее, снова, как и в Петровское время, усилиями всей страны, город и порт были построены, был воссоздан и Российский военно-морской флот на Азовском море: весной 1773 г. А.Н. Сенявин вывел в Черное море целую флотилию, состоящих из девяти «новоизобретенных кораблей», двух бомбардирских судов, шести фрегатов, шестнадцати ботов, галиотов и транспортов. Всего Азовская флотилия к концу русско-турецкой войны насчитывала 43 военных корабля (8 фрегатов, 11 плоскодонных судов, 6 ботов, 5 галиотов, 9 транспортных судов, 3 шхуны) [72], среди них – фрегаты «Легкий», «Скорый», «Вестник», «Почталъон», бомбардирский корабль «Хотин» (флагман Азовского флота), боты «Корабуг», «Таганрог» и т.д. Основной базой флота являлся Таганрог: здесь располагался штаб флота, адмиралтейство, здесь корабли, построенные на Донских верфях, дооснащались, довооружались, пополнялись командами и т.д. [73].

Война закончилась, Россия одержала победу и по заключенному 10 июля 1774 г. в Кючук-Кайнарджи мирному договору Турция навсегда отказалась от притязаний на

Таганрог. После войны позиции России в Черноморском бассейне значительно усилились, и Таганрог, хотя и продолжал оставаться еще почти десять лет основной базой Российского флота, но флот фактически уже перестал быть Азовским, а по месту своего действия становится Черноморским: русские корабли крейсировали у берегов Крыма и Кавказа и охраняли Керченский пролив. Надо отметить, что по своему составу Азовский флот значительно отличался от Балтийского. В Азовском флоте в значительном количестве служили греки, которые воевали на стороне России в Архипелагской операции 1776 г., а затем после войны пополнили Азовский флот. Только в 1778 г. в Таганрог прибыло 43 греческих штаб- и обер-офицера, а с унтер-офицерами и рядовыми матросами более тысячи [74].

В истории России, русского влияния на южных морях, и в судьбе города Таганрога в частности, имеет большое значение 1783 г. 7 апреля этого года состоялось присоединение Крыма к России, в результате Таганрог оказался в глубоком тылу и утратил прежнее военно-стратегическое значение. Азовская флотилия становится основой для нового Черноморского флота: военные корабли, базировавшиеся на Таганрогскую гавань, стали переводиться в Севастополь. Наконец, 10 февраля 1784 г. по Указу Екатерины II крепость в Таганроге была упразднена, военный гарнизон выведен из города (хотя комендант крепости с символическим гарнизоном существовал здесь до 1809 г.). Помимо быстрого разоружения города, в 1785 г. из Таганрога было перенесено в Черноморские порты и военное кораблестроение, ликвидированы адмиралтейство и штурманская школа. Военное значение Таганрога было сведено к нулю.

Правда, начавшаяся Русско-турецкая война 1787-1791 гг., возродившая судостроение на Донских верфях, вновь сделала востребованной роль Таганрога как место достройки судов. Здесь во время войны были построены 40-пушечные фрегаты «Святая Троица», «Царь Константин», «Иоанн Златоуст», «Федор Стратилат» и последним – «Поспешный» (32 орудия) [75]. Но окончание войны и постройка последнего фрегата стали концом Таганрога как военно-морского порта. Вскоре возникли проблемы с финансированием и с планами дальнейшего существования города, крепости, гавани. Из Таганрога в Петербург сообщали: «Гавань пришла в такую ветхость, что...имела не только в местах по худости движение, но и во многих местах...повреждение, так что совсем остались полые места, равным образом и крышка на одной от давнего лежания пришла в такую ветхость, что и пройти по одной почти не можно; портовое же береговые строение, а паче то, которое сначала заведения порта построено так ветхо, что и починкой исправимо едва можно, а ежели далее запустить без исправления, то и совсем подвергнется трухлости» [76].

В 1795 г. сильнейший шторм фактически уничтожил старую гавань порта, пришли в крайне неудовлетворительное состояние и крепостные постройки Таганрога. Контр-адмирал П.К. Карцов, инспектировавший Таганрог в 1797 г., сообщал: «...внутри Таганрогской крепости, на горе, казенных адмиралтейских строений находятся: комендантский дом один для конторы над портом и деревянных связей для жилья штаб- и обер-офицерам 15, служительские казармы и 2 магазина, и под горою близ гавани, провиантские, экипажеские и артиллерийские магазины, также разные адмиралтейские мастерские и небольшая госпиталь. Все сии деревянные строения крайне ветхи, а некоторые по гнилости их не употребляются» [77].

Далее Таганрог как военный порт существовал лишь формально, пока в 1816 г. не был окончательно ликвидирован. Крепостные постройки, оказавшись никому не нужными, постоянно и неуклонно разрушались и людьми, и временем. Валы Троицкой (Таганрогской) крепости срывались и в XIX, и в XX веке, последние остатки валов были застроены элитным жильем уже в наши дни. Практически ничего не осталось от Миусских укреплений (Семеновской, Павловской, Черепяхинской крепостей и Линии). Остров Черепаха, оставшись пустынным, разрушался волнами Азовского моря, и уже в конце XIX в. он часто покрывался водой полностью. Ныне здесь при сильном

отступлении моря еще можно обнаружить остатки свай и битый камень. От бывшего военного и военно-морского прошлого ничего не осталось, осталась только память потомков.

Библиографический список и примечания

1. Кузьменко Н.Н. Основание Таганрога. Город в эпоху Петра // Гербовед. 2005. № 1 (79). С. 6.
2. Филевский П.П. История города Таганрога. Таганрог, 1996. С. 40.
3. Елагин С. История Российского флота. Период Азовский. Спб, 1864. С. 103-104.
4. Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. Спб, 1887. С. 677.
5. Там же. С. 682.
6. Филевский П.П. Указ. соч. С. 49.
7. Кузьменко Н.Н. Гарнизон Троицкой крепости в Таганроге // Энциклопедия Таганрога. Ростов-на-Дону, 2003. С. 37.
8. Решетников В.К. К истории градостроительства Таганрога // Вехи Таганрога. 2004. № 21. С. 15.
9. Елагин С. Указ соч. Приложение I. С. 508.
10. Пустынников С.Ф. Семеновская крепость (краткий исторический очерк). 1990-е гг. Рукопись. ТГЛИАМЗ.
11. ЦГА ВМФ. Ф. 177. Д. 5. Л. 94-95.
12. Письма и бумаги Петра Великого. Т. 9. М., 1950. С. 157.
13. ЦГА ВМФ. Ф. 177. Ф. 5. Л. 142-143.
14. Там же. Л. 90-91.
15. ЦГА ВМФ. Ф. 17. Д. 14. Л. 406-415.
16. Там же.
17. Там же.
18. Муравьев А.А. Обзор документальных материалов по истории Таганрога XVII-XVIII вв., хранящихся в ЦГА ВМФ // Краеведческие записки. Вып. 1. Таганрог, 1957. С. 307.
19. Кузьменко Н.Н. Основание Таганрога... Указ соч. С. 7.
20. Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. Спб, 1887. С. 474.
21. Филевский П.П. Указ. соч. С. 59.
22. Кузьменко Н.Н. Гарнизон Троицкой... Указ соч. С. 37.
23. Кузьменко Н.Н. Основание Таганрога... Указ соч. С. 7.
24. ЦГА ВМФ. Ф. 233. Д. 19. Л. 492-498, 510, 514.
25. Решетников В.К. Указ. соч. С. 6.
26. Кузьменко Н.Н. Гарнизон Троицкой крепости в Таганроге // Энциклопедия Таганрога. Ростов- на-Дону, 2003. С. 37.
27. Филевский П.П. Указ. соч. С. 53.
28. Там же. С. 51-52.
29. Там же. С. 52.
30. Карпун П.Д. Остров Черепаха. Рукопись. 1960-е гг. ТГЛИАМЗ.
31. Елагин С. Указ . соч. Приложение I. С. 508.
32. Кузьменко Н.Н. Гарнизон Троицкой крепости в Таганроге // Энциклопедия Таганрога. Ростов-на-Дону, 2003. С. 32.
33. Филевский П.П. Указ. соч. С. 56.
34. Там же. С. 52.
35. Кузьменко Н.Н. Основание Таганрога... Указ. соч. С. 8.
36. Кузьменко Н.Н. Гарнизон Троицкой... Указ. соч. С. 38.
37. Там же. С. 39.
38. Кузьменко Н.Н. Основание Таганрога... Указ соч. С. 9.

39. ЦГА ВМФ. Ф. 177. Д. 36, Ч. 1. Л. 846-871.
40. Там же.
41. Кузьменко Н.Н. Гарнизон Троицкой ... Указ. соч. С. 39.
42. ЦГА ВМФ. Ф. 177. Д. 36, Ч. 1. Л. 846-871.
43. Там же.
44. Кузьменко Н.Н. Основание Таганрога... Указ соч. С. 10.
45. Кузьменко Н.Н. Гарнизон Троицкой... Указ. соч. С. 33.
46. Кузьменко Н.Н. Основание Таганрога... Указ. соч. С. 10.
47. Филевский П.П. Указ. соч. С.57.
48. Кузьменко Н.Н. Основание Таганрога... Указ. соч. С. 12.
49. Там же. С. 12.
50. Решетников В.К. Указ. соч. С. 6.
51. Кузьменко Н.Н. Гарнизон Троицкой... Указ. соч. С. 37.
52. Елагин С. Указ. соч. С. 224-226.
53. Филевский П.П. Указ. соч. С. 68.
54. Елагин С. Указ. соч. Приложение 3. С. 123.
55. Филевский П.П. Указ. соч. С. 68.
56. Там же. С. 71.
57. ЦГА ВМФ. Ф. 168. Д. 14. Л. 140, 147.
58. Крупницкая Г.А. Таганрог в период правления Екатерины Великой 1762-1796 гг. // Энциклопедия Таганрога. Ростов-на-Дону, 2003. С.42.
59. Кузьменко Н.Н. Место Таганрога в Российской империи // Гербовед. 2005. № 1 (79). С. 15.
60. Переписка Екатерины II // Сборник Русского исторического общества. Т. 10. СПб, 1872.
61. Лебедев Н.А. Таганрогский порт во 2-й половине XVIII в.: первая военно-морская база России на южных морях. Рукопись. ТГЛИАМЗ.
62. Там же.
63. Дневник путешествия в южную Россию академика Санкт-Петербургской Академии наук Гильденштедта в 1773-1774 гг. // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. 1. Одесса, 1879. С. 208-216.
64. ЦГ ВИА. Ф. 349. Оп. 39. Д. 80.
65. Паллас П.С. Из дневника путешествия от Георгиевска до Таганрога. 1793 г. ТГЛИАМЗ. ОПИ. Ед. хр. 2334.
66. Крупницкая Г.А. Указ. соч. С. 46.
67. Дневник путешествия в южную Россию академика Санкт-Петербургской Академии наук Гильденштедта в 1773-1774 гг. // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. 1. Одесса, 1879 г., с. 208-216.
68. Карпун П.Д. Указ. соч.
69. Дневник путешествия в южную... Указ соч. С. 208-216.
70. Там же.
71. Крупницкая Г.А. Указ. соч. С. 43.
72. Филевский П.П. Указ. соч. С. 88-89.
73. Кузьменко Н.Н. Место Таганрога... Указ. соч. С. 15.
74. Филевский П.П. Указ. соч. С. 88-89.
75. Лебедев Н.А. Указ. соч.
76. Там же.
77. Там же.

Примечания

Старые меры длины: Верста = 1066,8 м. Аршин = 71,12 см. Сажень = 213,36 см. Фут = 30,48 см
 Старые меры веса: Пуд = 16,38 кг. Фунт = 409,51 г.

КРЕПОСТЬ СВЯТОЙ АННЫ – ФОРТИФИКАЦИОННОЕ СООРУЖЕНИЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. НА ЮГЕ РОССИИ

Во второй половине 20-х годов XVIII в. русское правительство пришло к пониманию того, что при существующей военно-политической обстановке в Приазовье необходима более надежная база для русской армии, чем «Новый Транжемент». В декабре 1725 г. была подыскана подходящая территория, незатопляемая тальми водами – так называемые Васильевские (Василевские) бугры, располагавшиеся примерно в километре от «Нового Транжемента». Последовал указ императрицы Анны Иоанновны о построении новой крепости. Составить проект и смету было поручено директору крепостей инженер-генерал-майору де Кулону. Закладка крепости состоялась в мае 1730 г. Именным указом царицы от 22 января 1731 г. ей присвоили наименование «крепость Святой Анны» [1]. Донские казаки сетовали на эту постройку, но правительство настаивало на ее сооружении. 29 ноября 1733 г. монаршим повелением крепость была присоединена к системе обороны, которую граф Вейсбах и инженер-генерал Тараканов сооружали на границах Новороссии, назвав ее «Украинной», позже стали именовать Украинской засечной линией.

Располагалась крепость на южной оконечности возвышенности, ограниченной р. Дон, оз. Песчаным, ериками Василёв и Гнилой, то есть фактически на острове. Это отражено на специальной карте Ж. Беллина 1764 г., назвавшего ее «Nova – Крепа» (Новая крепость) (рис. 1). Европейцы пристально следили за возведением новых крепостей на юге России, особенно в бассейне р. Дон.

Рис. 1. Крепость Святой Анны на врезке карты Ж. Беллина 1764 г.

Основные сооружения крепости располагались на полигоне с линейными размерами 640 х 700 м и представляли собой профилированный земляной вал, образующий 6 фронтов, состоящих из куртин и соединяемых ими 6 бастионов. Три фронта – Спасский, Павловский и Тамбовский были укреплены рavelинами. По гребню гласиса, с северного до юго-западного сектора, было устроено прикрытие бревенчатым палисадом (частоколом), а далее рогатками. Для передвижения гарнизона от горловин бастионов к центрам куртин были отсыпаны пандусы. Ров крепости заполнять водой не

предусматривалось [2]. Земляные валы крепости были одернованы. В дальнейшем планировалось устроить каменный эскарп, но эти работы так и не были осуществлены. Из-за плохой приживаемости дерна позднее высадили терновник. Лишь со стороны Василёва гласиса позже были устроены деревянные «одежды» из бревен, перекрытых досками. Основные работы по строительству крепости Св. Анны завершили в 1733 г. Северо-западнее крепости возвели солдатские и казачьи слободы (рис. 2).

В период с 1732 по 1733 гг. крымские татары и ногайцы не раз нападали на донские поселения. Весной 1733 г. в плен даже был захвачен атаман Фролов [3]. С введением крепости в строй крымцы стали опасаться, что Азовский полк вместе с гарнизоном смогут отсечь им пути отступления. Нападения прекратились. Помимо обороны южной границы государства, комендантам крепости поручался надзор за состоянием дел в войске Донском и особенно за поведением старшины. Эту задачу поначалу выполнял комендант крепости бригадир Вырубов.

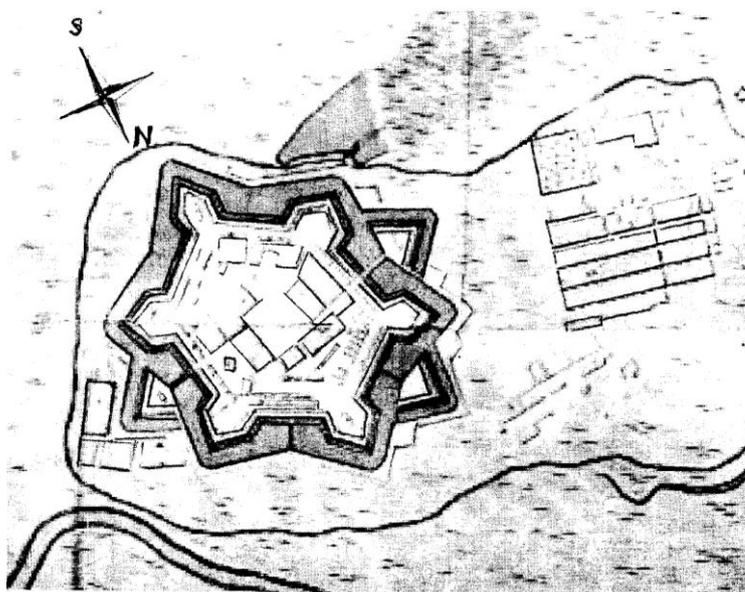

Рис. 2. Плановые очертания крепости Святой Анны
(из фондов Старочеркасского историко-архитектурного музея-заповедника)

Известно, что поводом к началу русско-турецкой войны 1735-1739 гг. послужило нарушение южных границ России войсками крымского хана Каплан-Гирея. Поначалу планировался поход к Перекопу, который должен был возглавлять генерал-фельдмаршал Б.Х. Миних. Но эта осенняя экспедиция окончилась неудачей. Стали готовить поход против Азова. С ноября 1735 г. по конец апреля 1736 г. в крепости Св. Анны были определены зимние квартиры для генерал-фельдмаршала Миниха, генералов Левашова, Дукласа, Дебриньи [4]. Однако эффективно использовать крепость в качестве базы планирования наступления не всегда получалось. Весной 1736 г. из-за сильного разлива Дона в крепость можно было войти лишь на лодках, посадку на которые осуществляли за 10 верст от нее [5]. Тем не менее, именно в крепость генерал-квартирмейстер Дебриньи обеспечивал подвоз и складирование провианта, боеприпасов и материалов для штурма крепости Азов.

К марту в Анненской крепости находились вместо 6 комплектных полков, общей численностью до 9250 чел., только 4 тыс. чел. пехоты и 200 минеров. Остальные военнослужащие заготавливали на Дону и Донце фашины и перевозили припасы. Миних присоединил гарнизон крепости с 10 пушками, 3 мортирами к своим войскам, оставив в крепости, окруженной со всех сторон водой, 6 пушек с нужным количеством снарядов.

В 1749 г. в Черкасске, со стороны крепости Св. Анны, согласно Высочайшего указа 18 августа того же года, была учреждена пограничная таможня. Но казакам это не понравилось и наказной атаман Д. Ефремов вошел с ходатайством об ее отмене. Атаман, предлагая вывести таможню из Черкаска, вовсе не хотел упустить ее из «рук» донских казаков, настаивая на переносе таможни в крепость Св. Анны. Там она не мешала бы казакам, но позволяя получать доход. Сенат ходатайство не уважил и учредил таможенную заставу при впадении Темерника в Дон. В 1750 г. комендантом крепости назначили генерал-майора барона фон Вейделя. Он был жесткий пограничный начальник, ужесточивший правила перевозки товаров и торговли донскими и запорожскими казаками. Казаки стали жаловаться, но вместо этого в крепости Св. Анны был размещен еще и карантин, где торговцы, гонцы и даже дипломатические чиновники должны были выдерживать «обыкновенную обсервацию» [6].

По плану 1760 г. крепость Св. Анны имела Московские и Спасские ворота, а также 4 калитки – Павловскую, Тамбовскую, Коротояцкую и Козловскую. Ко всем им, кроме Козловской калитки, вели мосты, правда ветхие и имелись караульни. В одном из трех рavelинов размещалась гарнизонная школа, в другом кузница, а в бастионах – пороховые погреба. Существовал в крепости и артиллерийский пушечный двор с «магазинами». В центре крепости размещался плац и рядом Соборная церковь, гарнизонная канцелярия, обер-комендантский дом. Тут же находились полковые канцелярии, штаб и обер-офицерские квартиры, солдатские казармы. Часть строений сгорела в результате пожара 10 августа 1760 г. В крепости имелись провиантские магазины, соляной амбар, а на периферии – острог и главная гауптвахта с тюрьмами.

Крепость Св. Анны являлась главным форпостом России в Подонье – Приазовье вплоть до постройки крепости Св. Дмитрия Ростовского, куда после 1763 г. был переведен гарнизон Анненской крепости. В конце XVIII в. ее использовали для хранения пороховых припасов Войска Донского и устаревшей артиллерии. В 1820-1830 гг. в Анненской крепости находилась больница для прокаженных, состоявшая из двух зданий, в которых было помещено до 40 человек больных, собранных со всей территории Войска.

Обследование валов, проведенное в середине первого десятилетия XXI в., показало, что валы, рavelины и бастионы даже по прошествии 270 лет очень хорошо сохранились (рис. 3).

Рис. 3. Общий вид валов и бастиона крепости Св. Анны по состоянию на 2010 г. Фото сотрудников СИАМЗ

Библиографический список и примечания

1. Скальковский А.А. Ростов-на-Дону и торговля Азовского бассейна. 1749-1863 гг. Ростов-на-Дону, 1865-1866. С. 4.
2. РГВИА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 35. Л. 2.
3. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, 1722 по 1803 год. Часть вторая. СПб, 1869. С. 48.
4. Перепечаева Л.Б. Азов – пограничная крепость России конца XVII - начала XIX в. С. 208.
5. Там же. С. 210.
6. Скальковский А.А. Указ соч. С. 9.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КРЕПОСТЕЙ В ГОРОДА ДОНСКОЙ И КУБАНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ В XVIII-XIX вв. ИНЖЕНЕРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СОСТАВЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ ГОРОДОВ И СТАНИЦ

В русской истории крепости (синоним «города») использовались с древности. Их строительство восходит к воинским обычаям и приемам норманнов, греков, арабов. Термин «город» неразрывно связан с глаголом «рубить города» [1]. Он подразумевал создание укрепления в пределах участка земной поверхности, ограниченного по площади, но имеющего важное тактическое, а иногда и стратегическое значение. Часто города имели облик обширного деревянного сруба или замкнутого контура земляных валов. То есть «городок» или «город» являлся населенным пунктом, защищенным деревянными оборонительными стенами, устроенными по верху земляного вала, оконтуренного глубоким рвом. Дерево широко применялось, учитывая наличие обширных лесов и сравнительно ограниченных участков рельефа с выходами прочных пород – известняков, песчаников и др. Помимо термина «город», существовал термин «гуляй (вежа)», то есть перемещаемый на телегах защитный барьер (городок) из деревянных досок с кольями. Он устанавливался в открытом поле, в случае нападения степняков для защиты русской пехоты от стрел. Соответственно, если начальник крепости (городка) назывался «Воевода осадный», то «гуляя» или вежи – «Гуляйный воевода» [2, 3].

Особенности русской фортификации удалось выяснить только после мер, введенных Александром I и принятия Николаем I Указа о сохранении и изучении «остатков» древних монастырей, замков, крепостей и других типов укреплений. Строжайше запрещалось разбирать их на строительный материал, а тем более разрушать. Интереснейшие результаты такого изучения представлены в трудах А. Глаголева, Ф.Ф. Ласковского, И.О. Беляева, Д.И. Багалея и многих других исследователей. Анализ собранных данных о разной степени разрушенности крепостей позволил подтвердить очевидную истину – в первую очередь разрушались те фортификационные объекты, которые чаще всего оказывались на пути продвижения вражеских войск вглубь российской территории. Но была и другая причина – переход защищаемой территории далеко за пределы рубежа обороны, то есть вглубь фронтальной зоны.

Представление о размерах и инженерном обустройстве русских средневековых крепостей дает таблица 1.

Таблица 1

Некоторые параметры русских средневековых крепостей, по [4, 5]

Крепость (К), башня (Б)	Год закладки, завершения	Материал	Стена		Наличие подзем. хода	Глубина рва, саж.	Рельеф участка
			Линейные размеры (периметр – П), саж.	Высота, саж., арш.			
К.Старый Данков	XIII-XIX вв.	камень	500 x 250	нд*	нд	нд	высокий берег Дона
К. Данков	с 1571 г.	камень, земля, дерев. стена	39 x 33	нд	к реке	5-11	мыс р. Дон
К.Пронск	с 1186 г.	дерево	340 x 70	нд	следы	нд	мыс р. Прон
К.Зарайск	с 1531 г.	камень	П - 350	11 арш.	н.д.	> 5	берег р. Осетр
К. Старая	с 1095 г.	камень	389 x 336	> 10	к реке	нд	берег

Рязань							р. Оки
Б. Вязьма	восстановл. в 1837	нд	камень	нд	нд	нд	берег р. Вязьма
К. Смоленск	1596-1600 гг.	камень, кирпич	земляные валы >5 верст	нд	нд	нд	берег р. Днепр
К. Тула	1514-1521 гг.	камень, дерево	145 x 100 П-1071	5 саж.	нд	нд	берег р. Упа
Острог (у г. Усерд)	1643	дерево с надолбами	П-60	нд	нд	5 x 2	р. Сосна
К. Алексе- евская	1733-17442	дерево, зем. вал	43 x 43 П-вала 55	2,5-3	нет	нд	река

*нд – нет данных

Как видно из приведенных данных, максимально использовались защитные элементы рельефа – холмы, мысовидные участки высокого речного берега, излучины русел и др. Крепостное строительство не ограничивалось возведением только каменных или деревянных стен (палисадов). Часто с внешней стороны каменной крепости возводился высокий деревянный палисад на земляном валу, оконтуренный глубоким рвом. В случае выжигания степняками внешнего деревянного обрамления крепости его можно было сравнительно быстро восстановить. Камень для строительства русских крепостей приходилось привозить издалека. Так, например, для устройства каменной стены вокруг Смоленска камень везли из Старицы, за 342 версты (примерно 376 км). Следует отметить одно важное обстоятельство, обычно не учитываемое исследователями. Еще в X-XI вв. не только византийцы, а позже русичи, но и половцы познали секретную составляющую так называемого «греческого огня» – нефть. На Крымском полуострове существовало множество участков естественного высачивания нефти при извержении грязевых вулканов или из обрывов глубоких балок берегов лагун. Татары использовали нефть издавна для обогрева, гудронирования крыш монолитных построек. Они прекрасно знали и о боевых возможностях нефти. Шерсть или сено, вымоченные в нефти, обеспечивали высокую температуру горения своеобразных факелов, выстреливаемых из луков. Именно поэтому столь эффективно татары могли выжигать деревянные остроги, деревни, кустарниково-древесные засеки.

Стоимость строительства зависела от размеров крепости, сложности рельефа местности, удаленности карьеров материала или пригодной для устройства палисада и башен древесины. Имеется в виду, что в основном использовалась сосна, но на ответственных участках чаще применяли дуб. В XV в. при возведении крепостных сооружений работа оплачивалась из расчета 9 руб. за 100 саж. Но уже в XVI в. на строительство крепостей Хотмыжск и Верхний из казны было отпущено немногим более 13 тыс. руб. [6]. То есть стоимость работ возросла примерно в 1,5-1,7 раза. В 1784 г. на капитальный ремонт каменных стен крепости Тула, с линейными размерами 100 x 145 саж. израсходовано 32 тыс. 727 руб., что указывает на еще больший рост цен. В 1837 г. на восстановление небольшой Вяземской башни местный купец потратил 5 тыс. 200 руб. [7]. Эти данные свидетельствуют об инфляции, сильно истощавшей казну и требовавшей изыскивать все новые и новые источники финансирования фортификационных задач.

Деньги требовались не только для строительства новых, но и на ремонт, полное восстановление ранее сожженных, разрушившихся оборонительных сооружений. Ветшание крепостных стен и башен видно на примере Новгородского кремля. Первое основание каменного города заложил Ярослав I, который окружил его стеной и валом [8]. В 1302 г. в Софийской летописи упоминается, что кремль был возобновлен по причине ветхости. Назвали его «Детинцем», вероятно из-за того, что во время вражеских нападений под защиту стен в первую очередь прятали детей (но фактически это была цитадель). Обновление стены закончено было только в 1331 г. В 1364 г. она снова

подновлена, хотя уже к 1400 г. обветшала. Вновь стена была заложена архиепископом Иоанном II в том же году. Но через 90 лет стены опять стали разваливаться, что в условиях военной опасности вынудило великого князя Иоанна Васильевича приказать две части периметра стены перестроить на средства казны, а третью – за счет Новгородской епархии. В очередной раз стены Новгородского кремля стали чинить в начале XVIII в., при Петре I [9]. Затем, в 1820 г. над стеной был устроен навес из теса (досок), а над двумя воротами выведены своды из кирпича. Столь быстрые и масштабные деформации сооружения объясняются, прежде всего, климатическими причинами. Описываемые события относятся к «малому ледниковому периоду» [10]. В жестком климате существовали фазы с очень частой сменой циклов замораживания и оттаивания. В таких условиях плохо «держал» кладку стен крепостей не только глиняный раствор, но и известковый. Были исключения, например, Тульская каменная крепость простояла 300 лет, с 1521 по 1821 гг.

Еще сложнее обеспечивалась сохранность крепостных объектов, построенных из дерева. Оборонительные стены, возведенные из бревен, врытых в земляной вал (палисад), сгнивали в течение 7-10 лет, а то и раньше, если только не использовались дуб или лиственница. Применяли дерево для возведения крепостей из-за меньших затрат и сроков строительства. Так, каменно-деревянная Тульская крепость с линейными размерами 210 x 304,5 м строилась по воле великого князя Василия Иоанновича с 1514 г. по 1521 г. Деревянная стена опоясывала каменную крепость, что потребовало почти вдвое меньшего времени для всего комплекса земляных и плотницких работ. Таким образом, русское фортификационное строительство к концу XVII – началу XVIII вв. накопило солидный опыт, на котором базировалось возведение системы укреплений на Кубани и в предгорьях Кавказа.

На рис. 1 показан принцип организации стрельбы в крепостях «мысового» типа и прямоугольных очертаний (регулярных). На систему фронтального и фланкирующего огня ориентировались при строительстве земляных крепостей на юге России. Крепости Св. Анны и Св. Дмитрие Ростовского (1733 и 1768 гг. соответственно), редут Чебаклея (1777-1779 гг., позже г. Ейск), крепость Фанагория (Тамань) строили западноевропейские фортификаторы в виде многолучевых звезд [11, 12, 13]. Известно, что Петр I после взятия в 1696 г. турецкой крепости Азов попытался самостоятельно воспроизвести западноевропейские приемы при строительстве новой Азовской крепости. Исследователи отмечают, что этот опыт оказался не очень удачным, тем более что строить пришлось спешно, в условиях подготавливаемого турками нападения на Азов [14].

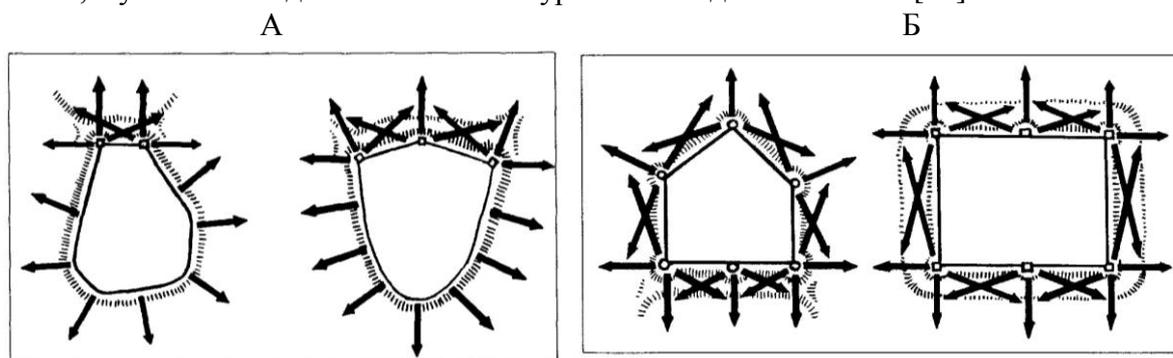

Рис. 1. Схема организации стрельбы в русских крепостях: А – мысового типа XIV – первой половине XV вв., Б – в крепостях прямоугольной или трапециевидной конфигурации (регулярных) XVВ – XVI вв., по [15]

В конце XVIII - начале XIX в. русские инженеры и полководцы предпочитали прямоугольный тип крепостей, который был проще и дешевле в строительстве. Именно такие сооружения в основном возводили в пределах Кавказской, а позже Черноморской

периферийных поселений кремля происходила в направлении обратном излучине ряда рек, к которым поначалу была приурочена тыновая ограда, возведенная до 1156 г. Не только Московский кремль, но и многие другие крепости сооружались либо на возвышенном мысу реки, либо в ее излучине. Поэтому разрастание жилой зоны происходило сначала вдоль берегов излучины, а впоследствии собственно городская территория распространялась по речной долине или по поверхности речных террас (рис. 3). На этом этапе речная сеть уже мешала городской застройке, провоцируя подмывы берегов, просадки земли и подтопление жилой зоны при паводках.

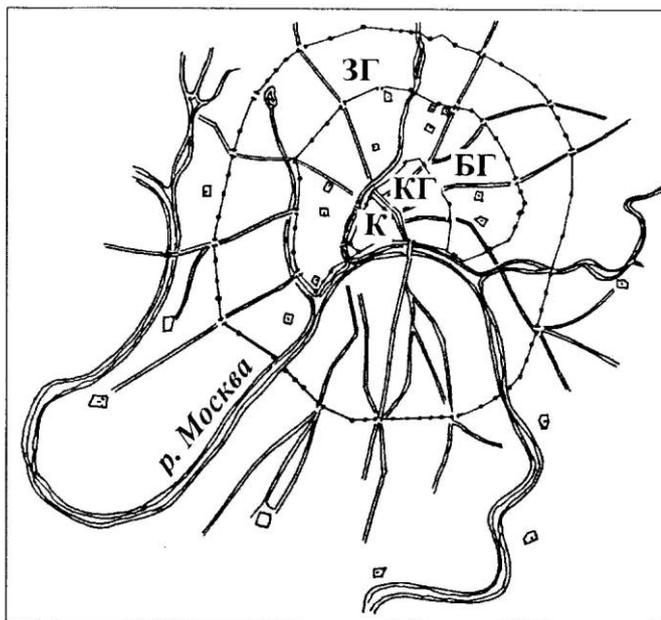

Рис. 3. Эволюция оборонительных сооружений Москвы: Кремль (К); Китай-город (КГ) – низкая кирпичная стена с приземистыми башнями, 1534-1538 гг.; Белый город (БГ) – крепостная ограда 1586-1593 гг.; Земляной город (ЗГ) – дубовая стена с 57 башнями (Скородом), на месте которой после пожара был насыпан земляной вал, по [19]

На рис. 4 показаны разные типы трансформации «городов» (укреплений) в полноценные города. Пример трансформации Московского кремля в Московский посад и в город Москву можно отнести поначалу к простому мысовому типу. С течением времени жилая зона эволюционировала по сложномысовой и сложной схеме, уже независимой от речного русла и рельефа его побережья. По первому, простому мысовому типу развивались форштадты крепости Азов, пространственно зажатой между руслом Старого Дона, небольшими речушками Узьяк и Азовка. Уже в середине XVIII в. кварталы прикрепостного поселения, а позже и города Азова, смещались на юго-восток и юг.

Совершенно иначе развивался Ейск, на первых порах опиравшийся на фортификационную инфраструктуру редута Чебаклея (рис. 5). Редут пространственно был встроен между береговым обрывом Таганрогского залива и отмершим склоном тыльной части Ейской косы, с балкой Чебаклея в качестве основной водной артерии и, возможно, оси потайного выхода. Существует много версий относительно малых сроков сохранности земляных валов редута Чебаклея. Но версии ничем не обоснованы, что подтверждается «Специальной картой Западной части Российской империи», составленной по работам военно-топографического департамента Генштаба в 1826-1840 гг. под руководством генерал-лейтенанта Ф.Ф. Шуберта. На ней у корня Ейской косы вычерчен редут, а на водной поверхности Ейского лимана помещена надпись «редут Чабоклей». Центром застройки Ейска являлось каре гостиного двора, аналогичного тем, которые в XVIII в. были возведены в Павловске, Гатчине и др. Ейск строился на основе регулярной планировки и развивался по очаговой «схеме». Дома первых зажиточных жителей

сосредоточились западнее гостиного двора, а часть позднейшей застройки развивалась на восток и юг от центра.

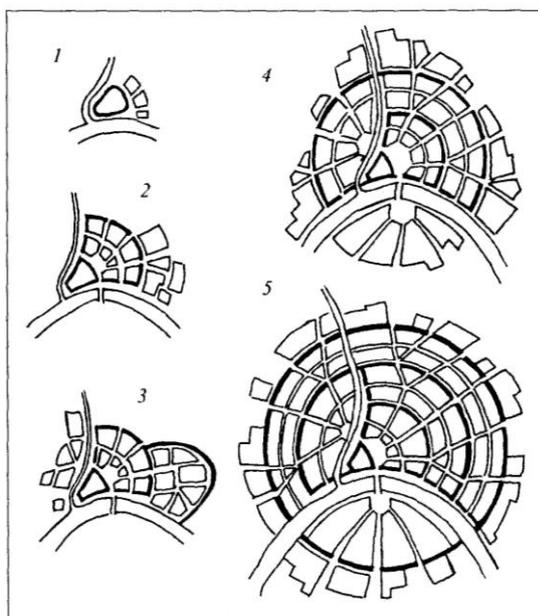

Рис. 4. Типы эволюции крепостей и сочетания фортификационного объекта с прикрепостным форштадтом, а позднее – превращение города-крепости в настоящий город с радиально-концентрической структурой застройки, по [20]
Типы: 1 – простой мысовой; 2 – сложномысовой; 3 – сложный; 4 «Ближнее заречье»;
5 – Дальнее заречье

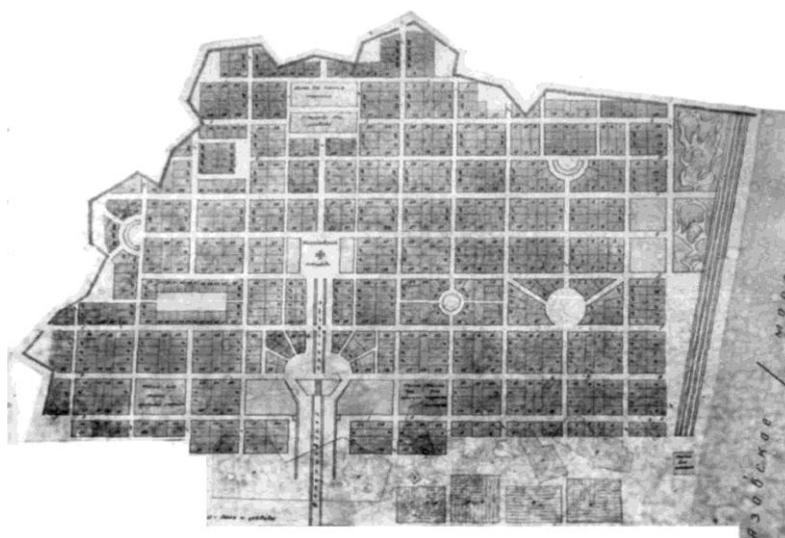

Рис. 5. Генеральный план жилых кварталов г. Ейска, размещенных в пределах контура земляного вала редута Чебаклея (план обнаружен Л.А. Половинкиным в архиве Кавказского наместничества (Тбилиси) и передан в фонд Ейского музея)

По мысовому типу происходила трансформация Троицкой крепости (Таганрог), а также небольшой крепостицы, построенной черноморскими казаками в «Карасунском куту», в излучине реки Кубань (рис. 6). Кварталы Екатеринодара с середины XVIII в. строились в основном на север и северо-запад. Эволюцию жилой застройки в пределах Троицкой крепости восстановить сложно, так как фортификационное сооружение и

соседствующий с ним посад неоднократно взрывались, перепланировались, перестраивались. Но основная городская застройка смещалась на северо-запад от гавани и крепости.

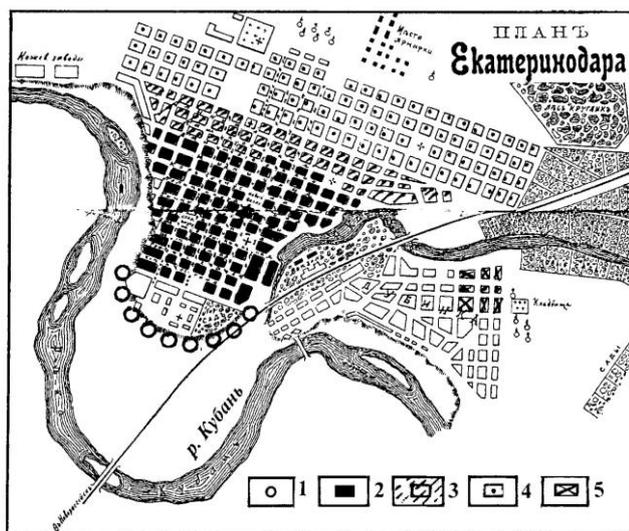
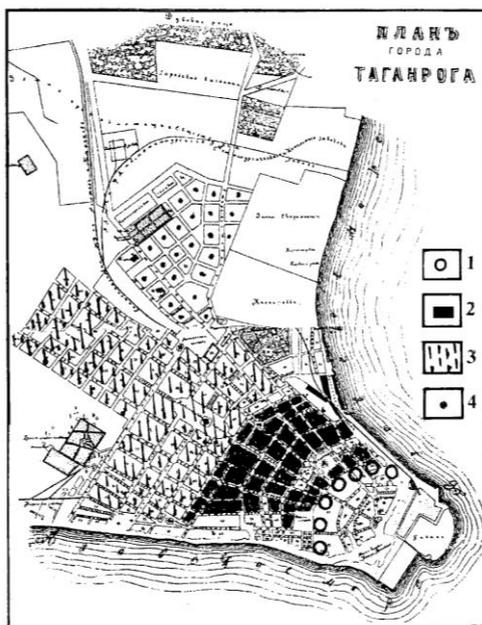

Рис. 6. Эволюция застройки в пределах Троицкой крепости (г. Таганрог) и жилых кварталов в «Карасунском куту» (г. Екатеринодар)

Таганрог: 1 – территория в пределах гавани и крепости. Жилые кварталы, возведенные к:
2 – 1808 г.; 3 – 1880 г.; 4 – 1902 г.

Екатеринодар: 1 – строения в пределах крепостицы Черноморского войска. Кварталы, построенные: 2 – к 1813 г.; 3 – 1814-1867 гг.; 4 – 1870-1880 гг.; 5 – 1880-1900 гг.

Еще отчетливее мысовой тип эволюции проявился в случае крепости Анапа и двух генуэзско-турецких крепостиц (замков) Тамана. Развитие жилых кварталов происходило в обратном направлении от прибрежных мысов Анапской бухты Черного моря и Таманского залива. Что характерно, так называемая Фанагорийская крепость, якобы построенная А.В. Суворовым (хотя он только вычертил план, который никогда не был реализован), не повлияла ни в XVIII в., ни в XIX в. на структуру жилой застройки российского города, позже станицы Тамань. В отличие от перечисленных фортификационных объектов, крепость Св. Дмитрия Ростовского лишь в первой половине XIX в. начала ощущать влияние гражданской застройки, причем по особому типу – с запада кварталами г. Ростова-на-Дону, а с востока – г. Нахичевань (рис. 7). Эти два города

слились в единый к концу XIX в., полностью вытеснив и уничтожив крепостные сооружения Св. Дмитрия Ростовского.

Рис. 7. Тенденция слияния городов Ростова-на-Дону и Нахичевани, приведшая к исчезновению крепостных сооружений Св. Дмитрия Ростовского (располагался между двумя городами)

Трансформация крепостей юга России происходила в условиях чрезвычайной изменчивости военно-политической ситуации. Так, например, турецкая крепость Азак, обустроенная в качестве передового форпоста Османской империи по классическим канонам восточной фортификации, в 1497 г. насчитывала 1510 чел. и военнотружущих гарнизона. Численность гарнизона в разные годы менялась в условиях ожесточенного противоборства донского казачества и Османской империи. Так, в 1637 г. донские казаки захватили крепость и удерживали ее вплоть до 1641 г., несмотря на несколько попыток турецко-татарских войск отбить ее у казаков. В 1642 г. крепость была оставлена казаками, что позволило туркам заново ее отстроить. При этом все окрестные поселения были уничтожены как и торговые кварталы европейцев. В 1696 г. крепость захватили русские войска. Началась ускоренная модернизация фортификационных сооружений не только на левом, но и на правом берегу рукава Старый Дон. Со всей России по приказанию Петра I в Азов посылались войска и работные люди. Так, например, в 1698 г. численность военнотружущих, заключенных, а также мещан, переведенных на постоянное жительство в крепость, составляла 19996 чел. [21].

В 1700 г. Азов получил официальный статус пограничной русской крепости. В 1702 г. численность жителей и гарнизона могла меняться от 1610 до почти 62 тыс. чел. Такие изменения объяснялись тем, что Азов стал опорной крепостью не только для русского присутствия в Приазовье, но и гидротехнического обустройства рукавов Донской дельты. Выступал Азов и в качестве тыловой базы строящейся на мысе Таган-Рог Троицкой крепости. В 1711-1712 гг. из-за поражения русских войска на р. Прут крепость Азов была передана Турции. Вскоре крепость вновь была захвачена русскими войска и по Кючук-Кайнарджийскому миру получила статус пограничной крепости Российской империи. Но активное продвижение России на Кубань, в Крым и в междуречье Днепра и Днестра привело к тому, что крепость стала терять свое значение. Так, в 1782 г. численность жителей, включая военнотружущих крепости, не превышала 500 чел. Сокращение населения произошло не только из-за изменения военно-политической обстановки, но и вследствие изменения функций города. Ранее располагавшиеся в крепости военные и гражданские службы покинули город, что не могло не повлиять на уровень обеспечения продуктами и припасами. В 1810 г. крепость была упразднена и Азов стал развиваться как обычный провинциальный городок. В 1816 г. численность его населения составила 1667 чел. В последующие десятилетия отмечался незначительный прирост населения: 1826 – 2635 чел., 1848 – 5607 чел. Только в 1891 г. население Азова достигло 15640 чел., а в 1912 г. – 30660 чел. Надежды на активизацию экономической

жизни и развитие города связывали с программой строительства глубоководного канала через Донскую дельту, однако им не суждено было сбыться.

Еще сложнее развитие турецкого Тамана – российской Тамани. Уже к концу XVII в. экономическое значение Тамана в османской торговле сократилось до минимальных значений, за счет возрастания роли Темрюка. На стадии включения Таманского полуострова в состав Таврической области – губернии Таман превратился в депрессивный городок. Он служил временной базой оппозиционным ногайским вождям и турецким эмиссарам, так как из него было легко попасть в Анапу и Суджук-кале. С включением в состав России Тамань превратилась в военный плацдарм. Здесь располагалось в разное время до 2-3 батальонов, госпиталь первого отделения Черноморской береговой линии.

С переходом черноморских казаков на Кубань формально Тамань осталась городом, но фактически превратилась в казацкую станицу. Некоторое ее оживление произошло на этапе, когда русское командование стало использовать этот небольшой порт для погрузки боеприпасов и некоторой части войск, отправляемых в крепости Черноморской береговой линии. В 1804 г. в Тамани насчитывалось 524 жителя, в 1848 г. – 698 чел. В 1855 г. англо-французская эскадра обстреливала Тамань, что привело к полному уничтожению гражданских строений. В 1856 г. Тамань потеряла статус города.

Не менее сложна история Анапской крепости. В 1791 г. крепость в очередной раз была взята русскими войсками и разрушена. В 1808 г. Анапа захвачена русскими, но затем отдана Турции и вскоре вновь взята. В 1828 г. численность населения Анапы составляла 8564 чел. В 1855 г. из-за угрозы англо-французского десанта крепость была оставлена русскими войсками, пушки утоплены, а крепостные сооружения взорваны. Статус города упразднили в 1860 г. и вновь восстановили в 1866 г.

В таблице 2 показано изменение численности населения в крепостях Донской и Кубанской областей на стадии их постепенной трансформации в гражданские населенные пункты. При этом надо заметить, что наиболее сложная история выпала на долю Новороссийска. Крепость, заложенная генералом Н.Н. Раевским в 1838 г., просуществовала до 1845 г., после чего вокруг крепости стал возникать посад, численность населения в котором достигала 960 чел. В 1851 г. население увеличилось до 1700 чел. В разгар Крымской войны крепость была взорвана и оставлена русскими войсками после артиллерийской дуэли с кораблями англо-французской эскадры. В 1856 г. статус крепости был упразднен, жители переведены в Темрюк. В 1860 г. отменен и статус города. Новороссийск превратился в станицу, в которой проживало немногим более 360 жителей. Только в 1866 г. Новороссийск вновь получил статус города, в котором проживало всего 434 чел. В период с 1870 по 1882 гг. население увеличилось с 1862 чел. до 7271 чел. (табл. 2). При этом в 1877 г., с появлением известия о начале русско-турецкой войны, население полностью оставило город, но через 1,5 года вернулось.

Таблица 2

Изменение численности населения в городах Донской и Кубанской областей (чел.), развивавшихся в пределах ранее существовавших фортификационных объектов Российской империи (РИ), по [22]

Год	Ростов-на-Дону	Ейск	Екатеринодар	Новороссийск
1821		Дурноселовка	2312	турецкая крепость
1823	6594	”_”		Суджук-кале
1825		”_”	4312	
1830		”_”	7123	
1833	8138	”_”		
1838		”_”		укрепление РИ
1841	9050	”_”		
1842		”_”	7715	
1846		”_”		город 960
1848		город 2432		

1849			7452	
1850	10960			
1851		9043	10554	>1700
1853		11872		960
1855		17905		разрушен
1856	13200	19606	8919	упразднена крепость
1858			9773	
1860	17574	22447		город упразднен
1861		22553	10397	
1862		16747	9504	станция
1864			13554	400
1866	39992			город 434
1867		27000	14167	
1870-1872		29999		2147
1873-1874	47033	28036		
1877	27836			покинут жителями
1882	~ 80000	25193		7271
1890	90577		23000	6393
1891-1893	99357			
1897	119476	27836	65606	16897

Из приведенных материалов и данных таблицы 2 следует, что процесс трансформации крепостей в города Донской и Кубанской областей развивался в чрезвычайно сложных социально-политических и военных условиях, осложненных поражениями российских войск или неудачами российской дипломатии. Некоторую роль в трансформации городов играло изменение функций. Из военно-административных центров некоторые крепости-города превращались в промышленно-торгово-аграрные и отчасти военно-административные центры. В середине XIX в. в структуре функций на первое место стали выходить промышленная и торговая. Города смешанного типа, особенно типично аграрные, сдали свои позиции, при том что земледелие потеряло свое прежнее значение. Для Ейска административные и военные функции были не характерны с момента основания. Известное влияние на функции города оказывало и географическое положение. В частности, Ейский порт был неудачно расположен у корня Ейской косы, а железная дорога – по поверхности низкой аккумулятивной террасы, примыкающей к жилой застройке.

В таблице 1 помещены имеющиеся данные о наличии подземных ходов в старинных русских крепостях. Отсутствие подземных ходов в некоторых укреплениях не свидетельствует, что их не было вообще. На определенных этапах жизни города подземные лазы, галереи либо скрывали под специальными сооружениями, либо позднее засыпали, сохраняя потаенные входы в подземелья. Колодцы, подземные галереи являлись важнейшими элементами практически всех крепостей, обеспечивая не только доступ к воде, но в некоторых случаях к водной акватории для срочной эвакуации. Немаловажное значение имело их использование для укрытия ценностей. В 1704 г. племянник гетмана Мазепы, переяславский полковник Минович, заложил в своей вотчине новую Покровскую каменную церковь. Она строилась по канонам византийского зодчества, причем стены закладывались шириной до 3 аршин (свыше 2 м). В южной и северной стенах были устроены тайники над дверями. К ним вели небольшие входы, имеющие облик окон. Внутри церкви была устроена потайная каменная лестница, ведущая на купол [23]. Подземные ходы вообще были характерны для многих культовых сооружений, поскольку только такой способ эвакуации церковных и иных ценностей обеспечивал их сохранность. Этот вывод подтверждается примерами по многим культовым объектам не только европейской части России, но и Урала, Сибири.

Собранные данные свидетельствуют, что музейные работники многих городов, а особенно прежде бывших крепостями, располагают достоверными сведениями о наличии подземных ходов. Разветвленная сеть существует под Таганрогом, небольшая сеть ходов располагалась в пределах центральной части Екатеринодара, в толще берегового склона р. Кубань. Некоторые ходы обустраивались в качестве дренажных каналов, водоотводных галерей для сброса избыточных ливневых стоков (рис. 8).

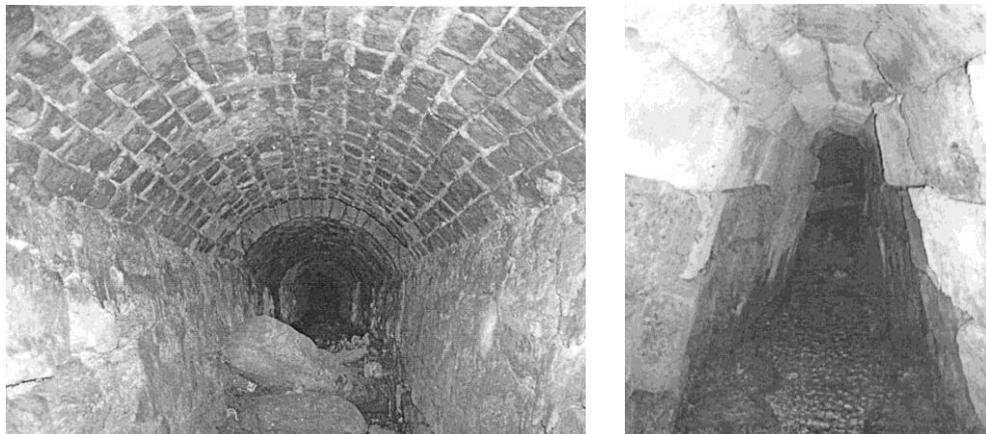

Рис. 8. Характер крепления стен некоторых подземных галерей г. Таганрога

Существуют легенды о подземных ходах Азака – Азова. Действительно, археологи Азовского музея-заповедника при раскопках наталкиваются на фрагменты подземных ходов, в частности, по улицам Энгельса, Московской, Ленинградской, вблизи «Порохового погреба» и др. Однако они склонны рассматривать такие ходы в качестве минных и контрминных ходов, прокладывавшихся казаками или турками на разных этапах борьбы за Азовскую крепость.

Существует много легенд о подземных ходах Ейска, хотя большей частью ни на чем не основаны. В начале 1990-х годов несколько старожилов приходили на прием к председателю Ейского горисполкома с известием о наличии подземных ходов, связывавших в XIX в. все церкви города. Старожилов беспокоил вопрос об их влиянии на жилую застройку, испытывающую постоянные деформации и просадки. Но в тот период события в стране развивались столь стремительно, что информация так и не была проверена. Между тем, проводившиеся в последующие десятилетия ремонтные работы канализационной и водопроводной сетей города позволяли неоднократно убедиться в существовании некоторых подземных коммуникаций.

В частности, водоотводная (дренажная) галерея была проложена в XIX в. от участка прежней гарнизонной тюрьмы через территорию нынешнего парка им. Поддубного и далее вдоль северной стороны ул. Ленина до ул. Свердлова. Миновав старое здание купца Варварова (в годы войны располагался штаб Ейской военно-морской базы), галерея направлялась под территорией Никольского сквера и выходила в виде открытых каналов, сбрасывавших воду в лоток вдоль северного края ул. К. Маркса. По свидетельству строителей, в конце 1990-х годов заделывавших провал нижней части дренажной галереи, она выполнена в виде кирпичного сводового сооружения шириной по низу 1,4-1,6 м, при высоте в сводовой части не менее 1,4-1,6 м [24]. От участка галереи, на перекрестке улиц Свердлова и Коммунаров, существовало ответвление через территорию сквера до бывшей церкви Архангела Михаила, что подтверждается визуальными наблюдениями ходов в провале, образовавшемся, вероятно, в конце 1970 - начале 1980-х годов при реконструкции фонтана в сквере Горького. Неподалеку от перекрестка улиц Ленина и Таманской, видимо, существовало другое ответвление, имевшее замаскированный выход на углу квартала. По свидетельству архивистов, работавших в

городском архиве в послевоенный период, в этой части галереи скрывался в 1918 г., возможно и позже, полицейский чиновник Цвиринько.

При реконструкции здания по ул. Мира (тыльная часть двора администрации) в подземной части сооружения (ниже пола на 1,5-2 м) строителями несколько лет назад обнаружена кирпичная кладка, в которой были встроены проемы, специалистами называемыми «люнет». Два проема с заостренной сводовой частью были ориентированы в сторону ул. Мира. Можно предположить, что это часть старинных ходов, располагавшихся ниже поверхности улицы на 4-4,5 м.

В пределах ряда жилых домов вплоть до 1970-1980-х годов существовали свободные проходы из подвалов в подземные ходы, ведущие в неизвестном направлении. Такие ходы, позже заложенные кирпичом или заваленные грунтовой массой, фиксировались в пределах купеческих домов по улицам Армавирской, К. Либкнехта и др. Известно, что в предвоенный период на перекрестке улиц Черноморской (Ленина) и Бердянской произошел провал дорожного покрытия. В провале отчетливо был виден ход, ведущий от здания филиала бывшей школы № 3 (ныне торгово-промышленная палата) до здания купца Малины (ныне Дом офицеров). По распоряжению НКВД провал был засыпан большим количеством песка и гравия и заасфальтирован.

Поразительно, что традиции культуры строительства подземной инфраструктуры не исчезли даже в относительно спокойные десятилетия XIX и XX в.в. По сведениям краеведов, в начале XX в. в ст. Старощербиновской, при строительстве капитальных домов братьями Крикун был устроен подземный ход, соединявший два строения. В ст. Староминской в начале XX в. от дома управы атамана Кислого до здания почты и отдельно до холодного карцера также были устроены подземные ходы. Длина одного из них достигала 600 м. В ст. Каневской в первой половине XIX в. возводился храм Сошествия Святого Духа. Местные жители утверждают, что от храма к домам священника и дьякона вели подземные ходы протяженностью не менее 100-150 м каждый. Целью ходов являлось спасение церковных ценностей и священных книг в случае пожара.

Таким образом, трансформация крепостей в города Донской и Кубанской областей происходила во многих случаях в сложных социально-политических условиях, не позволявших гражданской инфраструктуре и населению развиваться поступательно. Возникавшие военные и социальные потрясения сказывались на уровне демографического и экономического развития городов. При этом традиции строительства скрытых элементов фортификационной структуры не только сохранялись многими десятилетиями, но возможно в какой-то форме существуют и по настоящее время. Поднятые в статье проблемы нуждаются в дальнейшей разработке на основе привлечения новых архивных, картографических и геологических материалов.

Библиографический список и примечания

1. Глаголев А. Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников // Материалы для статистики Российской Империи, издаваемые с высочайшего соизволения при статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел. СПб, 1839. С. 85.
2. Там же.
3. Флетчер. О государстве Русском или образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем Московским) с описанием нравов и обычаев жителей этой страны. 1867. С. 58-60.
4. Глаголев А. Указ соч. С. 98-108, 110-111.
5. Багалеи Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887. С. 309-310.
6. Там же. С. 53.
7. Глаголев А. Указ соч. С. 105.
8. Там же. С. 87.
9. Там же. С. 87.

10. Казьмин С.П. Климатический феномен малой ледниковой эпохи // Сб.: VIII Всерос. совещ. по изуч. четвертичного периода «Проблемы квартера». Ростов-на-Дону. Изд-во ЮНЦ РАН. 2013. с. 261-263.
11. Скальковский А.А. Ростов-на-Дону и торговля Азовского бассейна. 1749-1863 г. Ростов-на-Дону, 1865-1866. С. 4-5.
12. Лавриненко Е.М. Новая информация о крепости Святого Дмитрия Ростовского // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 12. Ростов-на-Дону, 2005. С. 76-77.
13. Котенко Е.А. Основатель Ейска Воронцов. Батайск: Батайское книжное издательство, 2009. С. 25.
14. Перепечаева Л.Б. Азов – пограничная крепость России конца XVII - начала XIX вв. Азов. 2006. С. 14-24.
15. Носов К.С. Русские крепости и осадная техника, VIII – XVII вв. СПб., ООО «Издательство «Полигон», 2002. С. 41, 61, 64, 149, 152.
16. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Часть вторая. СПб, 1869. С. 49.
17. Захаров В.А., Малахова В.Г. Крепость Фанагория // Сборник русского исторического общества. Т. 4 (152). М., Русская панорама, 2002. С. 246-247.
18. Носов К.С. Указ. соч. С. 149.
19. Там же. С. 152.
20. Там же. С. 64.
21. Перепечаева Л.Б. Указ соч. С. 43.
22. Стефанов Т. Город Ейск. Статистико-этнографическое описание // Кубанский сборник. 1883. Т. 1. Кузнецов И.А. Прошлое Ростова. Ростов-на-Дону, 1897. Миронов П.В. Население Краснодара. Краснодар, 1926. Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX в. М., Наука, 1981. Терехова В.П. Население Новороссийска с момента основания до 1917 г. // Исторические записки НИМЗ, Новороссийск. 2008.
23. Терещенко А. Малороссийское предание об образе Покрова Божьей Матери и падении гетмана Мазепы перед Покровской церковью в Переяславле // Русский архив. 1865. Вып. 9. С. 1120-1121.
24. Личное сообщение И.Л. Жоры, в 1990-е годы исполнявшего обязанности заместителя главы города по капитальному строительству и ЖКХ. Эти сведения подтверждены старожилами г. Ейска, в послевоенный период входивших в нижнюю часть галереи на ул. К. Маркса и выходявших на дневную поверхность в районе военного городка.

Черноморское казачье войско – Кубанская область (конец XVIII - начало XX вв.)

Э.А. Широкобородов

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ СТАНИЦЫ СТАРОМИНСКОЙ

С некоторых пор в личной собственности староминчан Александра и Ирины Мовчан оказался солидный фолиант, содержащий, помимо текстов, более семи тысяч красочных иллюстраций, в том числе множество изображений старинных карт и гравюр [1]. Привезли они его из Ивано-Франковска. Тяжеленная, весом в пуд, если не больше, она настолько богато оформлена, что, увидевший её в нашем районном музее редактор журнала «Родная Кубань», писатель Виктор Иванович Лихоносков, не смог удержаться от бурных похвал по адресу братьев-хохлов, дающих кубанцам сто очков форы в изучении «старовыны». Чем еще больше разжег наше желание заполучить ее в свои музейные фонды.

Неспешно перелистаем фолиант, выискивая в нем любые упоминания о нашей прародине Мене, бывшем запорожском курене, ныне поселке городского типа в Черниговской области. Обратим внимание на старинную карту «Україна – земля козаків», датированную 1716 годом. Составлена она Йоганом Бабтистом Гоманом. Оригинал ее размером 48 x 58 см хранится в личном собрании автора-составителя книги В.В. Недяка. Карта украшена прекрасной гравюрой, в центральной части которой изображение реестрового казака Гетманщины. Оперевшись на большой чувал (мешок) с добром, он спокойно палит тютюнову люльку, важно выпуская дымок, «шоб дома не журились», и гадая ему одному только ведомую думку. С левого бока казака, наклонив голову и держа саблю в правой руке, стоит лях. За его спиной – московский солдат с прапором, на котором изображен герб России – двуглавый орел. С правого бока от казака сидит крымский татарин и, «выказуючи свое невдоволения», указывает правой рукой на казака. Выше стоит янычар турецкой армии, подпирающий казака саблей в бок. За татаринном – сечовый запорожец с оселедцем на голове («спостерегае за подями, шо відбуваються навколо»). В верхней части гравюры надпись на латыни: «UKRANIA QUX TERRA COSACCORUM CUM VICINIS WALACHIA, MOLDAVIA, MINORIS OS TARTARIA PROVINCIIS EXHIBITA ION BAPTISTA HOMANNO NORIBERGA CUM PEIVILEGIO VAS. COEF. MAGERT».

Не будем указывать на погрешности, допущенные картографом, скажем лишь, что из всех известных нам карт той поры эта мана (по-украински карта – мана) содержит наиболее достоверное географическое описание земель запорожских казаков и наряду с немногими сохранившимися в архивах Запорожья казачьими реестрами являет собой своего рода паспорт запорожского казачества, историческое свидетельство его возникновения и бытования.

Что до казачьих реестров, то в книге приводится хорошо известный всем кубанским краоведам «Реестр запорожских казаков от 1756 года», содержащий сведения по всем 38 запорожским куреням, в том числе Менському (Минскому), давшему на Кубани станицу Староминскую, и Конелівському (Канеловскому) – вторую нынче по величине, станицу в нашем районе. Вчитаемся в причудливо звучащие фамилии казаков, сравним их с похожими и непохожими сегодняшними нашими фамилиями, и мы наверняка уловим ароматную прелесть лексикологии с ее разделами, изучающими природу собственных имен. Какое это прекрасное занятие – разгадывать значение придуманных когда-то имен и фамилий!

Анализ казачьих фамилий в их морфологическом и семантическом аспектах – это отдельная тема наших исследований, а сейчас нас больше интересует не ономастика, а топонимика – природа названий запорожских куреней, их сходства и различия с

сегодняшними произношениями названий наших станиц. Сличим то, что есть, с тем, что было, обратим внимание на естественную трансформацию названий, обусловленную их двуязычной природой, чтобы лишней раз убедиться в правомерности двойного их написания – чисто запорожского (украинского) – Менський, Конелевський, заметно обрусевшего ко времени переселения черноморских (запорожских) казаков на Кубань – Минский, Конелевский, а впоследствии и вообще видоизмененного до неузнаваемости – Староминский, Канеловский (или и того пуше – Медведовский вместо Ведмидовского, Ивановский вместо Ивонского, Динской вместо Донского).

Помещенный в книге реестр предваряет статья доктора исторических наук, профессора Виталия Щербака «Казацькі січі – гнізда волі», написанная им в соавторстве с архитектором Владимиром Ленченко. Перу последнего, очевидно, принадлежит описание устройства всех известных истории запорожских сечей, начиная с Хортицкого замка Дмитрия Вишневецкого и кончая последней, Подпильненской, или Новой сечью, до разрушения ее по приказу императрицы Екатерины Второй войсками генерала Теккели.

В статье так же, как и в реестре, приводятся названия всех запорожских куреней, в том числе Менського и Конеливського. И хотя в реестре Менский курень звучит совсем уж по-русски: Минский, в статье он имеет чисто запорожское написание: Менський (атаман Хведір Шкура, 442 казака). В то время (1756 год) это был один из самых больших, по численности реестровых казаков, куреней Запорожского войска. Известно, что Менский курень поставлял казачьи сотни Черниговскому полку. Листая фолиант, тщетно пытаемся найти все упоминания об этом полку, к сожалению, в книге редкие. Самое раннее упоминание о нем относится ко времени правления гетмана Богдана Хмельницкого. Генеральным войсковым обозным в это время был Иван Чернета, генеральными войсковыми есаулами («осаулами») – Лученко и Лемко, генеральным войсковым писарем – Иван Остафiевич. Именно писарю мы обязаны самым первым из приведенных в книге, а значит, и вообще имеющих место быть в истории Запорожской Сечи, реестров Запорожского войска. Он был составлен сразу же после заключения исторического Зборовского договора, приходящегося на 16 жовтня 1649 року (16 сентября 1649 года).

Войско на ту пору состояло из Чигиринского, Черкасского, Канивского, Корсунского, Белоцерковского, Уманского, Брацлавского, Кальницкого, Киевского, Переяславского, Кропивенского, Миргородского, Полтавского, Прилуцкого, Ниженского и Черниговского полков. Черниговским полком командовал полковник Мартын Небаба. В полку насчитывалось семь сотен. Самая многочисленная, Черниговская, сотня (сотник Степан Пободайло) насчитывала 410 казаков. Менцев среди них мы не видим. Как не видим их и в остальных сотнях полка.

Казачья сотня в то время, как правило, полностью соответствовала своему названию (это впоследствии сотня стала насчитывать до 150 человек). Однако Черниговская сотня Черниговского полка насчитывала 410 человек, и в ней, кроме сотника, значились два хорунжих и один есаул (в реестре они названы только по именам: Наум, Иван и Прокіп). Остальные сотни Черниговского полка насчитывали по 99-100 казаков. Хотя Менская сотня в составе полка отсутствует (называются Борзнянская, Бахмацкая, Батуринская, Конотопская, Сосницкая и Ивангородинская сотни), будем считать, что ее не было в полку только в этот конкретный период, при подписании Зборовского договора, так как упоминания менцев обнаруживаются и в более ранних, и в более поздних запорожских хрониках. Остановимся на самых ранних.

Вот в «пам'ятках давнього часу» промелькнуло имя менского князя Урустая. Сведения о нем содержатся в Никоновской летописи под 1408 годом, а также в «Истории Украины-Руси» украинского историка М.С. Грушевского. Это первое летописное свидетельство о месте Мене, хотя из других источников нам известны и более ранние упоминания о ней, скажем, под 1067 (1068) годом.

В истории, как известно, правомерны любые версии, если они не противоречат здравому смыслу. Между тем, авторы многотомной «Истории міст и сіл УРСР» придерживаются исключительно Никоновской летописи, а другие версии беспочвенно отвергают [2]. Почему не учитываются иные варианты, мы не знаем. Как не знаем и того, кто такой этот князь Урустай (в другой транскрипции он значит как Уростай)? Действительно ли существовало Менское княжество, которым владел Урустай? Какое отношение имеет эта особа, не иначе как татарского происхождения, к истории Чернигово-Северщины?

То что Урустай происходил из татар, не вызывает ни малейшего сомнения. Не от него ли пошли князья Глинские, что владели соседним к Мене Хоробором? Те самые Глинские, в жилах которых текла татарская (мамайская) кровь и в роду которых было суждено появиться Государю Всея Руси Иоанну Грозному? Как видим, вопросов в нашей истории гораздо больше, чем ответов на них. Тем и интереснее ею заниматься.

Обратимся, однако, к свидетельству Никоновской летописи. Не имея возможности сослаться на русский перевод летописной записи под 1408 годом, сделаем это по-украински, используя статью кандидата исторических наук Александра Николаевича Салтана «Урустай – «князь» Менский» (журнал «Сіверянський літопис»). В статье говорится (комментарии в скобках – А.Н.Салтана): «Липня 26 приїхав з Брянська до в.князя, служити йому, литовський князь Свїтригайло Ольгердович, а з ним владика брянський (властиво чернигівський) Ісакий, Патрикий (Наримунтович) Звенигородський (князь стародубський, чому названий він тут Звенигородським – не ясно), князь Олександр Звенигородський (його син, сгаданий уже Олександр стародубський), з Путивля кн. Федор Олександрович, князь Семен перемишльський, князь Михайло хитетівський, князь Урустай менський і бояре чернигівські, брянські, стародубські, любутські й ярославські. В. Князь Василь (московський) прийняв Свїтригайла з великою честію й дав йому в державу Володимир с иньшими волостями».

Приведенный отрывок идет в летописи под 1408 годом, и значит, первое достоверное летописное упоминание о Мене мы должны отнести к 26 липню 1408 року (26 июля 1408 году). Это вовсе не означает, что 1408 год является годом основания места Мена. Тем более – возникновения гидронима Мена. Из других источников нам известно, что возникла Мена намного раньше, в самом начале второго тысячелетия. Во время татаро-монгольского нашествия она была дотла сожжена, но потом опять возродилась. Удобное в транзитном отношении расположение, торговый статус места на реке Мене, притоке Десны, дает основание местным этнографам и историкам вкладывать в ее название экономический и социально-политический смысл.

В Мене шел не только обмен товарами, откуда, собственно, и пошло её название, но и производился обмен пленеными – русичами, печенегами, половцами, литовцами, татарами. Надо ли удивляться тому, что на казачьем гербе места Мена (как и на гербах расположенных поблизости от нее Говтвы и Хорола, а также печатях менских сотников Сахновских) изображены скрещенные татарский ятаган и стрела с опущенными долу туловом меча и наконечником стрелы, что символизирует миролюбивость менцев и вместе с тем их готовность тотчас прийти на помощь соседям?

Уже упоминавшийся нами историк М.С. Грушевский, вводя в научный оборот свидетельство Никоновской летописи о Менском князе Урустае, стоял, тем не менее, на том, что никакого Урустая история не зафиксировала. Российский историк также утверждает, что «князь Урустай Менский совершенно нам неизвестен» [3]. Между тем, он же, связывая Урустая с местом Мена, выдвигает гипотезу о том, что именно в этой местности находился удел некоего Урустая, ассимилированного болгарина, киргиза или татарина, отсюда, мол, идет его прозвание Менский. В другом месте он же называет Урустая ассимилированным татарским мурзою, менским старостой. Подобные противоречия у него мы видим на каждом шагу.

Вряд ли Мена той поры (начало XV века) могла претендовать на роль княжества, однако по русскому праву она, да и вообще все селения, даже меньшие по численности населения, чем Мена, обязательно выбирали себе атамана, старосту или тивуна с обязанностями справлять суд, выполнять административные функции. Автор летописи называет Урустая князем не по титулу, которым обладал этот рядовой сподвижник литовского князя Свидригайла, а в знак признания авторитета московского правителя, великого князя Василия I, на службу к которому шли не только рядовые, и не просто рядовые, а порой весьма известные, особо важные особы. Как тут было обозначить в свите Свидригайла обыкновенного старосту?

Черниговский историк, директор Сосницкого краеведческого музея (Сосницы расположены по соседству с Меной и, как и Мена, поставляли Черниговскому полку казачье пополнение), Ю.С. Виноградский, в поисках легендарного Хоробора, вотчины Глинских, ссылается на легенду рода Глинских, один из предков которых, Иван, привел на эти земли литовского князя Витовта после поражения его от поляков на реке Ворскле. Виноградский пишет: «Иван Глинський володів Хоробором, який недалеко від Мени, а Глинські були з татар, отож Урустай прізвіще одного з Глинських».

Глинские и вправду были татарами и вели свой род от татарского мурзы Мамаю, выехавшего из Орды и перешедшего на службу к литовскому князю Витовту. По версии профессоров Голубовского и Насонова, легендарный Хоробор, вотчина Глинских, это не что иное, как «літописна назва міста Мена». Из истории нам известно, что при переходе татар на службу в Литву или Московское княжество они автоматически становились христианами. Одновременно шла замена их титулов и мурза становился князем (по шляхетскому правилу княжеский титул считался ниже баронского). Именно таким образом на Руси появились знатные своими фамилиями, но не всегда и не обязательно своими поместьями, роды Кочубеев, Карамзиных, Салтыковых, Урусовых, Юсуповых. Да и фамилия Салтан, сдается, того же порядка.

Обратимся к упоминаниям о Мене в более близких к нам по времени, чем Никоновская летопись, запорожских хрониках. В 1708 году Черниговским полком, в котором состояла Менская сотня, командовал авторитетный в казачьей среде полковник Павел Полуботок, которого при выборе в городе Глухове нового гетмана многие менцы назвали самым достойным кандидатом на эту должность. Правда, они тут же отказались от поддержки его кандидатуры, так как Петр I Полуботка все равно бы не утвердил. Больно хитер был Полуботок, мог уравниваться по хитрости самому Мазепе. Гетманом был избран тогда Скоропадский, а изменник Мазепа был предан анафеме. Это сегодня Мазепа на Украине национальный герой, а в то время существовала другая историческая правда - менцы не приняли тогда сторону Мазепы, выступили против него и шведов.

И еще несколько эпизодов из запорожских хроник касательно места Мена. В 1735 году менская сотня участвовала в войне с крымцами, а в 1736 году запорожцы, в числе которых были и менцы, во второй раз взяли город Азов. Славных казаков давала миру неприметная с виду Мена. Достаточно сказать, что к Менскому куреню был приписан друг и соратник Богдана Хмельницкого полковник Иван Богун. Что же до упоминавшегося уже менского рода Сахновских, то многочисленных его представителей можно было встретить среди учителей и священников, врачей и воинских чинов. Так, Ганна (Анна) Сахновская стала в 1913 году известным доктором медицины. Крестной матерью одного из Сахновских была мать Николая Васильевича Гоголя.

А теперь из далекой запорожской Мены перенесемся в преемственно близкую ей кубанскую станицу Староминскую. Ежегодно в конце сентября мы торжественно отмечаем день Староминского района, и мало кто из нас задумывается о точной дате рождения своей станицы и своего района, тем более, о своих родовых корнях. Точная дата празднования дня района законодательно не определена, хотя, как известно, все районы, выделенные в 1937 году из состава Азово-Черноморского края и отнесенные к вновь образованному Краснодарскому краю, в том числе Староминский, получили свой новый

статус одновременно – 13 сентября. Просто отмечать дни районов в один день, видимо, неудобно, поэтому и имеет место этот законодательный казус.

Вообще-то районы на Кубани возникли намного раньше 1937 года. В начале 1924 года ВЦИК СССР принял решение осуществить в Северо-Кавказском крае, как называлось тогда административно-территориальное образование, включавшее в себя нынешние Краснодарский, Ставропольский края и Ростовскую область, повсеместное районирование, заменив существовавшие до этого волости районами, естественно, в новых их границах. Так возник Староминский район с центром в станице Староминской, с вхождением его в Донской округ и подчинением городу Ростову-на-Дону. Датой его образования является 2 июня 1924 года. В то время наш район был одним из самых больших районов Донского округа. В него входили Албашский, Елисаветовский, Ольгенфельдский, Отрадовский, Новодеревянковский, Канеловский, Староминский, Новоминский, Новоясенский и Царь-Дарский сельсоветы. В Староминскую волость входила также станица Шкуринская, однако с образованием Староминского района она отошла к Кушевскому району. Административно-территориальные преобразования для того времени были весьма характерным явлением, и карта региона всегда оставалась очень пестрой.

Итак, до конца с днем рождения района мы так и не разобрались (можно считать им и 2 июня 1924 года, и 13 сентября 1937 года). Однако еще сложнее обстоит дело с днем рождения наших станиц. И Староминская, и Канеловская относятся к числу самых старых административно-территориальных образований в крае, возникших в 1794 году как куренные селения, называвшиеся в простонародье просто куренями. Станица Староминская выросла из Минского куреня, первоначально называвшегося Менским. Канеловская – это бывший курень Конеловский, в названии которого мы видим два корня, которые могут прочитываться, как «ловля коней». А откуда идет название Менский? По этому поводу до сих пор не утихают горячие споры. Перечислим гипотезы, известные каждому краеведу.

По одной из версий, курень получил свое название по имени боевого атамана Запорожской Сечи XVI века – Мины. Правда, в 3-х томной истории запорожских казаков Д.И. Эварницкого (Яворницкого), от их возникновения до переселения на Кубань, мы такого атамана не находим. Ходили при Иване Грозном (1556 год) против крымцев черкасско-каневские казаки под начальством своих атаманов Млинского и Еськовича, иначе звавшегося Миской, но они дать название нашему куреню, как видим, не могли. Имя Мина, конечно, созвучно топониму Минский, однако общеизвестно, что в Запорожье наш курень назывался Менским, и только на Кубани это название видоизменилось, и курень стал называться Минским. Поскольку курень с таким названием существовал еще в Запорожской Сечи, там, и только там, надо искать нам свои родовые корни. Есть на Украине речка Мена – левый приток реки Десна, которая, в свою очередь, является притоком Днепра. Именно на этой речке, являющейся естественной границей между Диким Полем и Речью Посполитой, много веков назад, возникло казачье поселение Мена, поставлявшее реестровых казаков для Черниговского полка Черниговской паланки Запорожской Сечи. В ней квартировали казачьи сотни второго и третьего призывов.

Самые первые свои сведения о Мене мы получили вовсе не из фолианта «Украина – казачья держава», а из романа И. Корбача [4]. Возможно ли воссоздать историю по роману, тем более если он написан не на родном тебе украинском языке?. Уже на первых страницах романа мы находим Сахновского полным раздумий, правильно ли он поступил, не приняв сторону Мазепы и выступив против шведов. В разговоре Игната Сахновского с гостем Мены, генеральным судьей Рады Михайлом Забилом. В их разговоре упоминается сотник Онисим Великий. Уж не предок ли это последнего атамана Менского коша – полковника Антона Великого, который поведет в 1792 году свой курень на Кубань?

Что представляла собой тогдашняя Мена, сказать затруднительно, но вот старый Сахновский отписывает в своем завещании дворы, левады, гребли, млины, займища своим детям, и мы узнаём, что старшему, Ивану, отходят 29 дворов в Мени, 57 – в Фиськовцах, 9 – в Куковичах, 7 – в Макошине, 7 – в Бондаривцах, 4 – в Бабе, 12 – в Величкивцах. Младшему достается хоть и меньше, но тоже не мало. Не забыл отец и про дочек. У Федоры муж умер, детей у нее нет, но имение есть – в Кисливцах. Младшая Ирина замужем за есаулом Троцким, дети у нее, внуки Игнатовы, и значит, нельзя ее обидеть. А еще ведь надо дать на храм Божий, и несколько домов в Мене отписываются для Максаковского монастыря.

Приток Десны, Мена служила когда-то своего рода границей (межой), отделявшей северные русские земли от печенегов и половцев. На берегах ее нередко «спалахували бойовыща» (вспыхивали бои). Кто-то бывал убит, кто-то полонен. Пленных обменивали на берегу речки, которой и имя дали – Мена. Позднее на ней стали устраивать торжища, на которых уже обменивали не людей, а «худобу», «зброю», «одяг». Вот тогда и «зъявылысь тут пэрши осэли» (первые поселенцы). Огородили место дубовым забором, с трех сторон сделали земляные валы, с четвертой стороны место охраняла речка Мена. Так и место стали называть – Мена. Автор романа утверждает, что менцы ходили с дружиной князя Новгород-Северского, Игоря Святославича, против половцев и были разбиты. Войны велись и за великокняжеский престол, и за шапку Мономаха, вот только зачем ее считать чисто московской реликвией? Войны велись за святую Русь, за нашу общую в то время Родину. О Мене, родине Сахновских, в романе говорится так: из подобных Мен складывалась вся Украина. Так оно, наверное, и было. От себя же скажем: из таких станиц, как наша Староминская, складывалась Кубань, всей своей раздольной ширию прирастая к России.

Место под Минский курень, как и для других куреней, досталось по жребью, который вытянули куренные атаманы из косматой казачьей шапки 15 февраля 1794 года. После возникновения близ Минского куреня в 1820-1821 годах нового, Новоминского куренного селения, старому куреню была приложена приставка «старо» и появилось новое его название «Староминское куренное селение». В 1842 году было принято новое положение о Черноморском казачьем войске, и курени стали называться станицами. Так возникла станица Староминская. Так же возникла станица Канеловская. Самая молодая из станиц нашего района – Новоясенская – возникла в 1908 году, образованная из хутора Старовеличковского.

Название Минский появилось в результате обрусения названия Менский. Впрочем, могло быть и по другому: слово «мена», имеющее одинаковое значение, что в русском, что в украинском языках, под влиянием привходящих обстоятельств получило тюркскую окраску. Минский курень выпало разместить у колодцев в устье реки Сосыки, при впадении ее в реку Ею, на землях еще недавних перекочевков Минского (!) колена ногайской орды, пастбища которой простирались вдоль реки Сосыки. Как бы там ни было, но, говоря о прародине первых реестровых казаков кубанского куреня, надо помнить, что искать свои родовые корни нам необходимо в Запорожской Сечи, в селении под названием Мена, исходя при этом из того, что гидроним, по которому было названо поселение, всегда древнее топонима.

Речка Мена самой природой была определена как межа, граница, как место обмена пленными между русскими и кочевниками. Сначала обмена, а затем и торга. Это и определило судьбу казачьего поселения. И когда уже в иное время, в начале двадцатого века, и совсем в другом месте, рядом со станицей Староминской, пролегали сразу две железные дороги – от Ейска через Староминскую до станции Сосык и от Куцевской через Староминскую на Тимашевскую, а оттуда на Екатеринодар. Станица стала крупным железнодорожным центром и это вдохнуло в нее новые силы, еще больше ускорило ее развитие.

Нашу станицу по праву называют северными воротами Кубани. Торговля всегда и везде была и остается основной составляющей благоденствия населения. Не случайно в гербе Староминского района основной акцент сделан на знаковые детали геральдики – ворота в крепостной стене и Полярную звезду в известном созвездии из пяти звезд, по числу основных населенных пунктов, или, говоря сегодняшним языком, поселений в Староминском районе.

Библиографический список и примечания

1. Україна – козацька держава. Київ. 2004.
2. Історія міст і сіл УРСР. Інститут історії Академії наук України. Київ, 1972.
3. Зотов Р.В. О черниговскихъ князьяхъ по Любецкому синодику и Черниговскомъ княжестве въ татарское время. СПб, типография братьев Пантелеевых. 1892.
4. Корбач И. Сотники. Київ, Український центр духовної культури. 1995.

**О ПРИЗНАКАХ НЕПОТИЗМА И СЛУЖЕБНЫХ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ
НЕКОТОРЫМИ ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ ЧЕРНОМОРСКОГО ВОЙСКА В
ПЕРИОД ОСНОВАНИЯ г. ЕЙСКА И НЕМЕЦКОЙ КОЛОНИИ МИХЕЛЬС ТАЛЬ
(1848-1858 гг.)**

После назначения графа М.С. Воронцова наместником на Кавказе в 1844 г., он деятельно принялся осуществлять комплекс мер, призванных активизировать экономику региона [1]. При знакомстве с делами в Черномории граф обнаружил недостаточное использование природных ресурсов для пополнения войсковой казны. Обращал на себя внимание низкий уровень производства пшеницы и других зерновых культур, по сравнению с Донской областью и даже новоприсоединенной Таврической губернией. С 1792 г. по 1852 г. Ейский полуостров, где находились наиболее мощные черноземы, почти не заселялся. Эти земли не размежевывались из-за «дружного и упорного противодействия казачьей старшины». Как писал в неопубликованной рукописи генерал И.Д. Попка, «... патриции войскового сената [старшины] успели на самых первых порах убедить главу войска [т.е. наказного атамана Заводовского], что межевание разрушит крупное скотоводство и коневодство и это невыгодно отзовется в глубокой России, даст возможность распространиться по степи землепашеству, тогда как назначение степи совсем не земледельческое, а пастушеское и что, наконец, это мужицкое землепашество, потеснив конские табуны, оставит казаков без лошадей. Сделанное Заводовским представление в таком смысле было уважено в Тифлисе [т.е. Кавказским наместником царя]...» [2].

Однако уже к концу 1840-х годов стало ясно, что коневодство в северных регионах не получило такого развития как на Дону, но при этом ценнейшие черноземы пустовали, не давая зерновой отдачи. М.С. Воронцов еще в должности Новороссийского генерал-губернатора столкнулся с подобной проблемой у «Молочных вод». К тому же, несмотря на неоднократные обращения командующих Кавказской линией с обоснованием необходимости производства в степях Северного Кавказа дешевой пшеницы, эта проблема едва «тронулась с места». Так, например, письмо Екатерине II по этому вопросу в январе 1792 г. направил генерал-аншеф И.В. Гудович [3].

Предположительно в 1846 г. Кавказский наместник граф М.С. Воронцов стал ходатайствовать об учреждении города-порта у корня Ейской косы. В 1848 г. состоялась церемония открытия города. Но перед этим, в марте того же года предприняты были меры по учреждению двух станиц в западной части Ейского полуострова – Должанской и Камышеватской. Е.Д. Фелицын это мероприятие преподнес в качестве волевого решения исполняющего обязанности наказного атамана генерал-майора Г.А. Рашпиля, освободившегося от жесткого контроля со стороны Н.С. Заводовского [4]. Однако сомнительно, чтобы подобное мероприятие могло быть осуществлено без предварительного согласования с Кавказским наместником, учитывая высочайший уровень субординации в тот период. Из приводимой в настоящей статье копии письма Г.А. Рашпиля Председателю войсковой межевой комиссии подполковнику Немировичу-Данченко следует, что на момент написания письма 20 июня 1848 г. черноморские власти знали, что на косах Долгой и Камышеватой (так в письме) давно существуют «... поселки с довольно значительным народонаселением» [5] (рис. 1). Из этого следует, что власти Черноморского войска намеренно не узаконивали упомянутые поселки на косах, стараясь избежать преждевременных, по их мнению, распашки и размежевания земель. Соответственно, 1848 г., официальный год основания станиц Должанской и Камышеватской, является сфальсифицированным Кубанскими властями. Этот вывод следует и из письма генерала Г.А. Рашпиля капитану Г.Д. Фалькенгагену: «... на косах

Долгой и Камышеватой находятся... с давнего времени образовавшиеся поселки: на каждой косе дворов до ста [выше в этом же письме приводится другая цифра – «в 200 дворов»]. На косе Долгой есть небольшая деревянная церковь во имя Св. Троицы, а на Камышеватой – деревянный же молитвенный дом во имя Воздвижения Честного Креста Господня» [6].

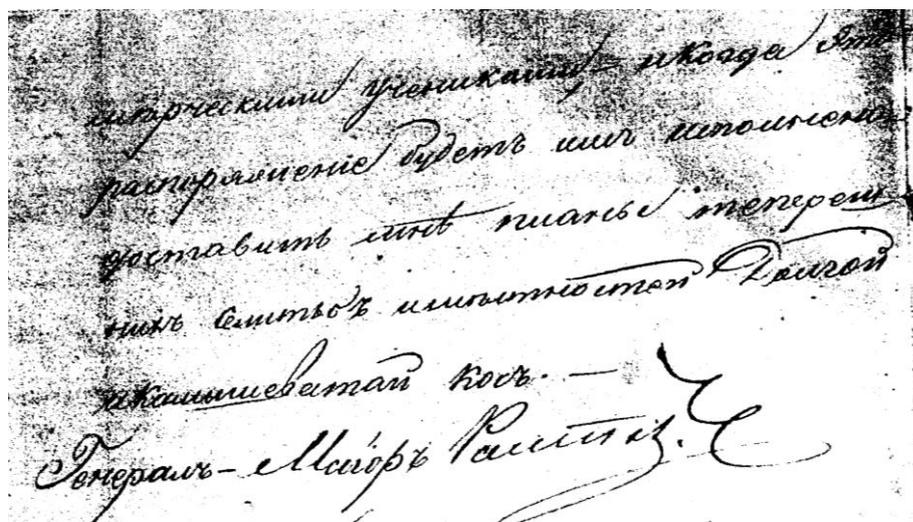
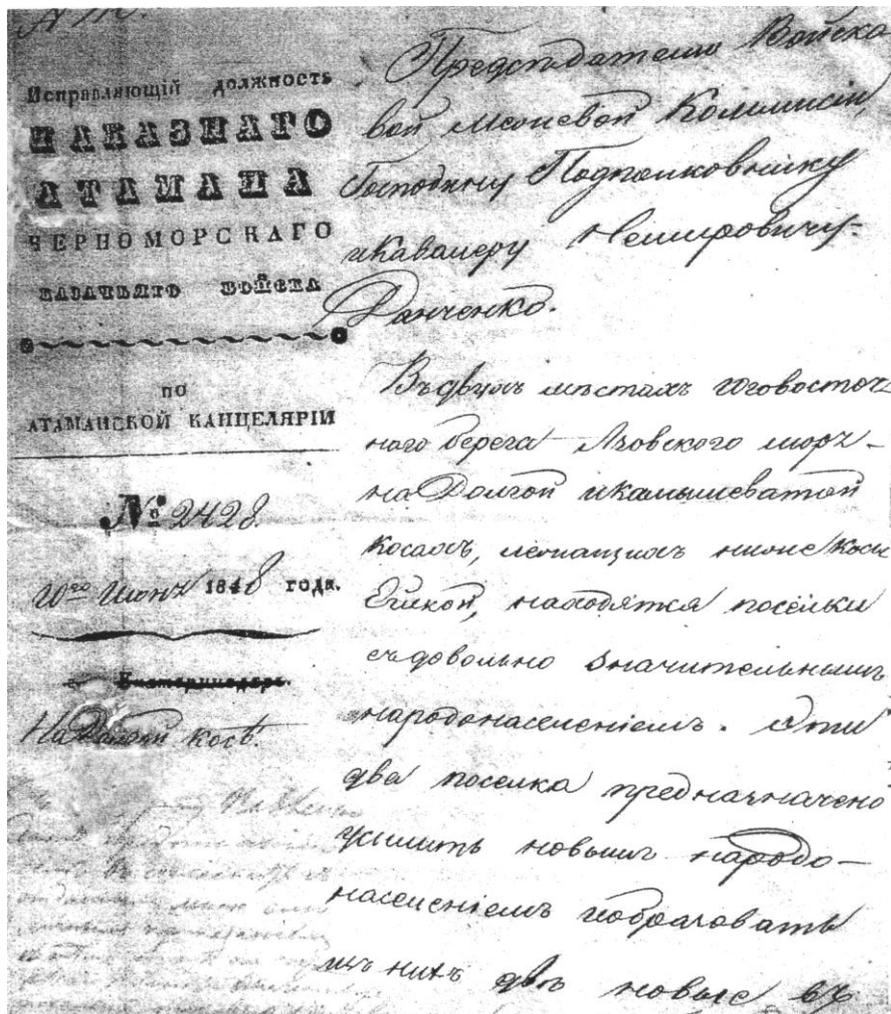

Рис. 1. Копия письма Г.А. Рашпиля в межевую комиссию Черноморского казачьего войска об учреждении станиц Должанской и Камышеватской на одноименных косах

В 1852 г. Кавказский наместник М.С. Воронцов обратился к правительству с ходатайством переселить на Ейский полуостров немцев из Ребендорфской колонии в целях обеспечения нового города-порта продуктами. Предполагалось, что колонисты будут передавать казакам передовой на тот период опыт возделывания сельскохозяйственных культур. Но явно был и иной мотив заселения северной части Ейского полуострова. Он просматривается в статье «Эйск», помещенной в Кавказском календаре на 1855 г.: «Кроме вышеозначенной пользы для Ейска [...] отвод 15 тыс. десятин свободной Черноморского войска земли [...] распоряжением этим [Наместника] доставался значительный доход Черноморскому войску, *коего огромные участки земли* оставались пустопорожними» [7]. За инициалами М.Щ. скрывался чиновник гражданской канцелярии Кавказского наместничества Михаил Павлович Щербинин, являвшийся близким человеком к М.С. Воронцову. Появление такой статьи фактически означало прямое указание князя на необходимость изменения политики Черноморского войска по отношению к землям на Ейском полуострове.

В мае 1855 г. канцелярия Черноморского войска оформила документы на выделение 900 десятин земли Ребендорфским колонистам «... на Широкой балке, между городом Ейском и станицей Должанской при Азовском море» [8]. Между тем, городу Ейску в 1848 г. войском было выделено всего 470 десятин земли. Особый интерес представляет «План местоположения немецкой колонии на Широкой балке», прилагавшийся к комплекту документов, оформленных канцелярией наказного атамана Черноморского войска (рис.2).

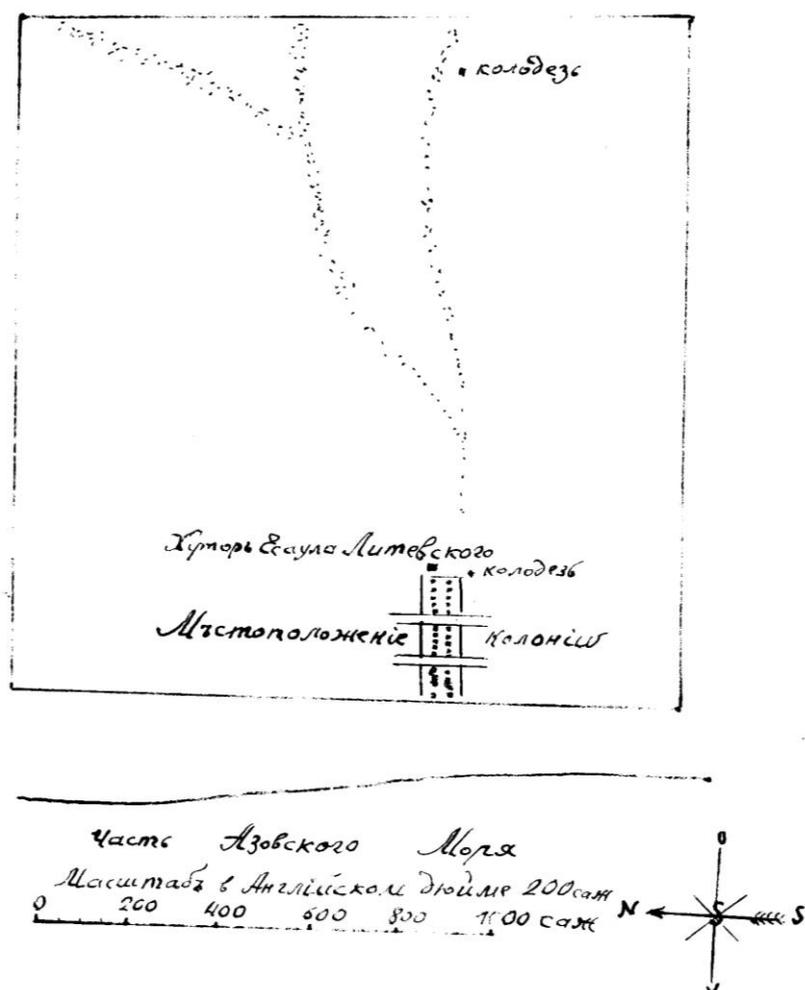

Рис. 2. План расположения немецкой колонии на Широкой балке (прорисовка по документу плохой сохранности)

В материалах дела об отводе земель отмечается: «Присовокупляю, что между отведенной колонистам землей и морским берегом оставлено пространство в 150 сажень. Такое пространство оставлено потому во-первых – что для идущей из гор. Ейска в ст. Должанскую проселочной дороги и для пристанища рыбных ловцов и обсушки снастей их, а также и для бичевника морского берега на известном расстоянии, земля не должна быть заживываема, а во-вторых что утесистый морской берег, лежащий против отведенной колонистам земли, как известно, отмывается водой и вдается в степь ежегодно до двух аршин» [9]. На плане показано расположение домов и улиц колонии. С тыльной стороны находится колодец, второй примерно в 1200 саж. от первого колодца вглубь суши. С противоположной стороны от колодца – черный небольшой квадрат и надпись «хутор есаула Литевского».

Исследователи обычно интерпретируют упомянутый выше план как свидетельство расположения немецкой колонии в пределах обширной падины, называемой в настоящее время Глубокой. Но хорошо известно, что немецкие колонисты в течение нескольких первых десятилетий на отведенной земле оседали хуторами. На картах северной части Кубанской области, составленных в конце XIX в. и в 1912 г., показаны немецкие поселения: «Шмидт – хутор», «Герман – хутор», «Богер – хутор», «Семке – хутор», «Легнер – хутор», «Владимировка», «Гофмановка» и др. По опросным сведениям, переход от хуторского хозяйства к созданию регулярной застройки села произошел не ранее 1883 г. [10]. Сначала колонисты построили мельницу, возвели кирпичный завод, и только в 1902 г. кирху и школу. Следовательно, улица, показанная на плане (рис. 2), не могла появиться не только в 1852 г., но и в последующие 30 лет.

Ознакомление с картами XIX в. дает основание усомниться не только в правильности интерпретации, но и в адекватности упомянутого документа. На «Специальной карте западной части Российской империи» (10 верст в дюйме), составленной под руководством генерал-лейтенанта Ф.Ф. Шуберта в 1826-1840 гг., на месте рассматриваемой падины не нанесено никаких поселений. Вторая карта Кубанской области также крупномасштабная – в английском дюйме 10 русских верст. Она составлена в 1870 г., исправлена в 1883 г., а издана в 1884 г. Строения колонии Михельс Таль располагаются в примерно в 300 м от берегового обрыва (рис. 3).

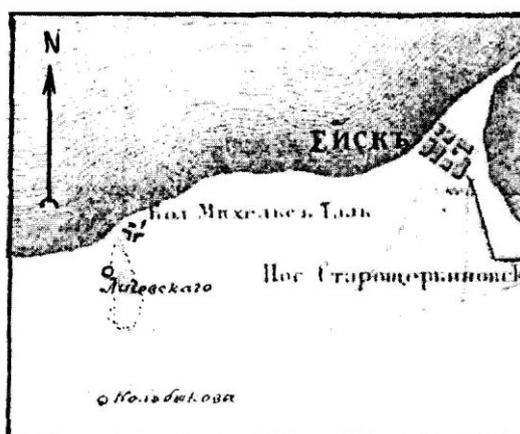

Рис. 3. Соотношение местоположения колонии Михельс Таль и хутора Литевского западнее падины, по карте генерал-лейтенанта И.А. Стрельбицкого, издания 1884 г.

Западнее колонии темным фоном показана падина Глубокая, западнее падины – значок, обозначающий селение или деревню с количеством дворов от 10 до 20 и надписью «Личевскаго». Южнее падины – «деревня Кольбикова». Расстояние между хутором Литевского и западной окраиной немецкой колонии на этой карте составляет около 1,6

версты (1,7 км). На карте «Кубанской области», составленной в 1885-1890 гг., размеры застроенного поселения Михельс Таль уже больше. Западнее колонии находится обширная падина, а еще западнее – «кош Литевского». Южнее падины располагался «кош Колбикова». Расстояние от коша Литевского до западной окраины колонии Михельс Таль составляло 1,75-1,8 км.

Приведенные данные свидетельствуют, что хутор есаула Литевского не мог находиться вблизи строений «немецкой колонии на Широкой балке», как это вытекает из упоминаемого плана 1852 г. Колония закладывалась и строилась значительно восточнее реальной падины. На плане тщательно отрисованы растром тальвег балки и линии перегиба рельефа, видимо хорошо выраженные на местности (рис. 2). Если рассмотреть этот чертеж с точки зрения особенностей развития рельефа, трудно представить, чтобы жилые строения рачительные хозяева и даже чиновники-топографы запланировали в низине, по которой протекал ручей, формирующийся после дождей и таяния снегов. В этих условиях дома и улицы оказывались бы в зоне подтопления.

На то, что на плане показан именно тальвег, указывают два колодца в разных частях плана. Колодцы как раз и копают на участках, где вода ближе всего к поверхности, то есть в понижениях рельефа, а не на его склонах. Этот довод подтверждается и данными карты 1833 г. капитан-лейтенанта Е. Манганари. На ней поперек падины Глубокой нанесен условным знаком вал, а на мысе, расположенном в 3 км восточнее, надпись – «татарские вылазки». Эти картографические данные могут указывать на то, что в конце XVIII - начале XIX вв. в пределах рассматриваемого участка между мысом и падиной Глубокой проживали, вероятно, ногайцы, использовавшие вал для перехвата воды, стекавшей с бортов падины. Этим они обеспечивали накопление воды для скота.

По сведениям местных жителей с. Воронцовки, падина в 1950-1990-е годы неоднократно затапливалась. Причем это явление сопровождалось подъемом грунтовых вод, обводнявших подвалы и даже огороды, хозяйственные постройки села в западной части высокого склона. В 1984 г. было зафиксировано максимальное затопление днища падины. Образовалось настоящее озеро, шириной поперек оси падины до 150-200 м. Очень высокий уровень подъема грунтовых вод в падине наблюдался в 1992 г. В предшествующие десятилетия это явление неизбежно должно было также возникать, что исключало возможность застройки днища падины.

Еще больше вопросов вызывает ориентировка кромки берегового обрыва, показанного на плане. В правом нижнем углу плана изображена роза ветров. Причем линия «север-юг» располагается почти параллельно простиранию кромки берегового обрыва, тогда как в сторону открытого моря показан запад, а в сторону берега – восток (рис. 2). Такая роза ветров не соответствует реальным географическим ориентирам колонии Михельс Таль (ныне с. Воронцовка). На любых картах отчетливо видно, что береговая линия или кромка берегового обрыва на участке колонии ориентирована с северо-востока на юго-запад, а в пределах падины Глубокой почти на запад. Ось северного румба ориентирована к берегу колонии под углом свыше 40-60°.

В пределах Ейского побережья есть другая Широкая балка, где до колонии Михельс Таль уже обосновался казачий поселок Широчанка. Вместе с тем, и на этом участке берега лимана предварительно рассматривался вариант основания немецкой колонии, что следует из письма министра имущества Российской империи графа Кисилева к наместнику на Кавказе от 28 марта 1852 г. В письме указывалось: «...30 семей поселить между г. Ейском и ст. Старощербиновской на берегу лимана» [11]. Если анализируемый план поместить на этот участок берега, то северный конец стрелки розы ветров будет направлен в сторону ст. Старощербиновской, а западной стрелки – на северо-восток. Значит, и этот вариант привязки плана 1852 г. к реальной местности не подходит.

Можно рассмотреть еще одну балку, находящуюся между с. Глафировкой и с. Шабельское, в разные времена именовавшейся «Водина», «Водяная», но, возможно, местными жителями также называлась Широкая, что будет показано далее. В пределах

этой балки план, приложенный к документам Ребенсдорфской колонии, в наибольшей степени соответствует реальной географической ситуации: северная стрелка розы ветров направлена на север. Соответствуют своим направлениям и остальные части оси ветров. При этом конфигурация рельефа на плане в максимальной мере соответствует той, которая существует в пределах балки Водяной. Как раз на этом участке высокий берег, начинающийся от косы Сазальникской, постепенно снижается на юг и у балки Водяной имеет наименьшую высоту – на некоторых участках 1-2 м. Не очень высок берег и южнее балки. Как раз в пониженной части балки существовали и 2 колодца, которые были приурочены к мощному пласту песка, располагающемуся в 2-3 м от дневной поверхности. То есть вода, движущаяся в песчаной толще, не создавала бы угрозы зданиям колонии.

Обратимся к некоторым сведениям краеведческих публикаций, представляющих интерес в контексте рассматриваемого вопроса, но, как обычно, не содержащих ссылки на использованные источники. В августе 1849 г. прибывший в Ейск новый градоначальник князь А.С. Голицын выехал к оконечности косы, где предполагалось возвести первую пристань. Архитектор Жуковский доложил новому градоначальнику «...что в конце мая им был организован промер глубин побережья в лимане от бухты Литевского и до балки Широкой в начале шестом с лодок. А затем и нанятым рыбаком, который прошел этот путь пешком по воде, отмечая линию глубин в 5 фут (1,5 м). Колеблясь, эта линия проходила в 50-250 сажнях от берега...» [12].

Мерить расстояние от Литевской бухты, располагавшейся на оконечности Ейской косы, до Широчанки, а уж тем более Воронцовки, было бессмысленно. Значит, это расстояние от 100 до 500 м измерялось, условно говоря, от оконечности безымянной косы, прикрывающей бухту, до Глафиоровско-Сазальникского берега. Но здесь единственная подходящая балка – Водяная (судя по приведенной выше цитате из документа, хранящегося в архиве Кавказского наместничества в Тбилиси, видимо в прошлом – Широкая). Другая балка, Просяная, расположенная севернее, не подходит для размещения жилых строений, так как имеет крутые борта и ее тальвег расположен над линией уреза не менее 17-21 м. Водяная балка – это настоящая балка, выработанная текучими водами, тогда как падь (падина) Глубокая у с. Воронцовки – древняя форма, образованная в зоне тектонического разлома флювиальными потоками последней европейской стадии оледенения [13, 14]. Но балка Водяная располагалась в пределах территории Екатеринославской губернии. Следовательно, есаул Кубанского войска Е.И. Литевский вряд ли мог получить здесь землю. Но являясь с января 1846 г. по август 1848 г. сыскным начальником Ейского отдела, он знал особенности землепользования в пределах территории, примыкающей к зоне его ответственности. Из данных архивов Ростовской области, следует, что землю между Глафиоровской косой и Водяной балкой еще в конце XVIII в. получил офицер Азовского отряда пограничной стражи Кузьма Норецкий [15]. Но впоследствии земля не раз меняла хозяев (табл. 1)

Таблица 1

**Межевание и закрепление некоторых участков земель Ростовского уезда
Екатеринославской губернии [16]**

Межеваны, год	Утверждены год	Звание дач и владельцев	По ревизии мужеск. пола душ	Удобной земли, дес.
1784	1884	Глафировка село, владелец генерал-лейтенант граф Сергей Александрович Апраксин	нет данных*	7397
1781	1885	Деревня Глафировка, владелец община крестьян-собственников	нет данных	499
1784	нет данных*	Дача Водяная владелец генерал-лейтенант и кавалер Трегубов Николай Яковлевич	17	12420

* В старинном документе на отмеченных местах таблицы сведения отсутствуют

Из таблицы 1 видно, что в середине и второй половине XIX в. землей этой части побережья владели высшие офицеры армии. Их предшественник К. Норецкий землей не занимался, а сдавал в аренду. Скорее всего, этот способ землепользования практиковал и генералитет, тем более, как показывают материалы межевания, крестьян у них было мало или вообще на этой территории не было. На противоположном от Ейской косы берегу лимана задолго до основания Ейска продажей и отправкой зерна морем занимались многие хозяйства. Поэтому технология устройства временных причалов на козлах и загрузки с них зерна на баркасы была уже хорошо отработана.

Можно предположить, что Е.И. Литевский, прослышав о планах учреждения причалов на Ейской косе, загодя озаботился об аренде земли в удобном месте, вероятно в пределах балки Водиной. Более подходил участок у Глафиоровской косы, но там крестьянская община и прежде восставала против любых попыток «сторонних» потеснить их зерновой оборот [17]. Подобная предприимчивость могла обеспечить Е.И. Литевскому солидные барыши в результате скупки в отдаленных крестьянских хозяйствах высококачественной пшеницы сорта «арновка» и перепродажи ее на иностранные пароходы. Рассматривая сюжет о Е.И. Литевском, необходимо охарактеризовать этот персонаж и его окружение.

Считается, присутствовавший на празднике открытия города князь М.С. Воронцов, из-за отсутствия другой кандидатуры вынужден был назначить первым градоначальником есаула, возможно потому что он чуть более года формально занимался решением возникающих в Ейском округе гражданских дел [18]. Краеведы признают, что наместник не был склонен к скоропалительным решениям. Но назначение Литевского как раз и выглядит скоропалительным. Причины такой поспешности, учитывая основательность князя и его склонность к анализу, непонятны, если только не предположить, что князю кто-то из должностных лиц войскового правления рекомендовал есаула. Анализ послужного списка Е.И. Литевского свидетельствует, что начав с казака «по письменным делам» канцелярии наказного атамана, он продвигался по службе быстро (табл. 2). В 1841 г. получил звание сотника, а в 1844 г. – есаула. Это при том, что Е.И. Литевский не имел образования. Этот факт отражен в формуляре. До назначения начальником портового города он с августа 1841 по май 1843 г. исполнял обязанности смотрителя Ейской косы. Если опираться на воспоминания полковника М.Н. Недбаевского, то Ейская коса в этот период представляла собой скопище бродяг и преступного элемента [19]. То есть Е.И. Литевский не смог обеспечить порядок на Ейской косе, как это предписывалось ему служебными обязанностями. Видимо единственное его достижение – собственные хутора, заложенные на косе.

Таблица 2

**Выписка из «Формулярного списка о службе и достоинстве смотрителя Ясенского соленого озера есаула Литевского Елисея Ивановича, 44 года»
(составлен 1.01.1857 г.) [18]**

Прохождение службы, чины	Период
В службу вступил казаком по письменным делам канцелярии наказного атамана, с зачисление в 8 конный полк	20 мая 1830 г.
Урядником	6 декабря 1831 г.
Произведен в хорунжие, имея тогда от роду 24 года	17 января 1837 г.
Находился в канцелярии наказного атамана	по 1 мая 1837 г.
Находился на пограничной кордонной службе, при движении отряда от Ольгинского тет-де пона до Абинского и Николаевского укреплений. Награжден орденом Св.Анны IV степени	1837-1840 гг.
Сотником	17 марта 1841 г.
По воле начальства назначен смотрителем Ейской косы	28 августа 1841 г.
В оной состоял	по 14 мая 1843 г.
Зачислен в 6 конный полк	июнь 1843 г.
Есаулом	12 августа 1844 г.

По распоряжению начальства назначен окружным сыскным начальником Ейского округа, вступил в эту должность	1 января 1846 г.
Уволен с этой должности и назначен начальником портового г. Ейска. В этой должности состоял Награжден орденом Св. Анны III степени	31 августа 1848 г. по 3 сентября 1849 г. 1848 г.
Зачислен в 6 конный полк	3 сентября 1849 г.
По назначению начальства определен смотрителем Ясенского соленого озера	30 мая 1853 г.
Продолжил службу в Департаменте военных поселений, в соответствии с рапортом от 15 марта 1855 г. за № 2942	

Послужной список дает основание предположить, что высокопоставленные земляки и родственники, возможно сам наказной атаман, а тем более старший брат П.И. Литевский, служивший в канцелярии атамана, оказывали Елисею Ивановичу протекцию. Не случайно, получив чин хорунжего в 1837 г., он, вместо полка вновь оказался в канцелярии наказного атамана. Нельзя исключать, что продвигая младшего Литевского на должность начальника города, войсковая верхушка Черноморья пыталась таким образом обеспечить контроль над городом-портом, имея в виду явно просматривавшееся намерение князя М.С. Воронцова вывести Ейск из прямого подчинения войскового правления. Практически подобное же поведение атамана и войскового правления имело место на Дону, когда Сенат пытался перевести таможенный пост из крепости Св. Анны в устье Темерника [20].

Деятельность Е.И. Литевского в должности градоначальника скоро вызвала нарекания жителей и особенно состоятельных граждан, поскольку он стал единолично и вопреки принятым правилам раздавать земельные участки и выгонные земли лицам, не имеющим на это право. Особое возражение вызвала сдача в аренду значительной площади выгонных земель и городских участков под строительство коммерсанту Писполитаки, бывшему незадолго до поселения в городе войсковым старшиной. По истечении года Е.И. Литевский был снят с должности. В 1848 г., еще находясь в должности начальника города, когда никаких особых достижений он не показал, есаул был представлен «начальством» к ордену Св. Анны III степени. В 6 конном полку Е.И. Литевский долго не задержался и уже 30 мая 1853 г. назначен на спокойное и очень «хлебное» место смотрителя Ясенского соленого озера, на котором продержался по крайней мере до марта 1855 г. Следует заметить, что эти годы были очень тревожными – началась Крымская война, а с весны 1855 г. англо-французские канонерки терроризировали Приазовские города и поселения, в том числе и на восточном побережье Азовского моря. Судя по всему, эти тревоги минули Елисея Ивановича, так как кто-то позаботился переместить его с должности смотрителя Ясенского соленого озера в Департамент военных поселений (табл. 2). К этому времени англо-французская эскадра захватила Керчь и ожидалось ее скорое вхождение в Азовское море. В условиях морской блокады Ясенское побережье вполне могло оказаться в зоне действий интервентов. Случайной ли была отставка Литевского с должности смотрителя Ясенского соленого озера, находящегося в опасной близости к возможным боевым действиям?

Необходимо отметить, что семья Литевских состояла в дружественных отношениях с Герасимом Кухаренко, отцом знаменитого Якова Кухаренко, а также с семьями Письменных, Кокуныко и отчасти Рашпилей (выходцев из Восточногерманских земель или из Польши). Архивисты, изучавшие происхождение староцербиновских казаков, пришли к выводу, что «... к 1861 г. [они] представляли собой цельную войсковую общину, сформировавшуюся на основе родов бывших запорожских и малороссийских казаков, имевших древние корни, восходящие к легендарным «черным клобукам», шляхетству юго-западной Руси, Литвы и Польши..., а также небольшого количества выкрестов (караимов и евреев), которые порой были незаконнорожденными детьми

«матерых» безбрачных запорожцев и их сожительниц – женщин иудейского исповедания» [21].

Указанные исследователи отмечают большое распространение еврейских фамилий в среде старошербиновцев. Они утверждают, что казачий род Литевских (Летевских) ведет свое начало от еврея-выкреста из Литвы. На еврейское происхождение войскового старшины, друга Тараса Шевченко и уроженца Старошербиновского куреня Петра Ивановича Литевского ссылался в своих воспоминаниях о «черноморском бунте» есаул Степан Шарап [22]. Эта точка зрения подкрепляется и архивными изысканиями известного кубанского историка Б.Е. Фролова, также отмечавшего еврейское происхождение П.И. Литевского. Интерес представляет выявленное этим исследователем происхождение Степана Моисея Заводовского (66 лет), записавшегося в 1793 г. в Черноморское войско, но родившегося в турецком городе Хотине, в законе еврейском [23]. Но в формулярных списках чиновников Черноморского войска за 1809 г. 82-летний С.М. Заводовский уже показан выходцем из польского шляхетства. Б.Е. Фролов считает, что напрямую связывать известного черноморского атамана, генерала Н.С. Заводовского с С.М. Заводовским затруднительно, поскольку пока не найдено соответствующих документов.

Но некоторые данные о поведении Н.С. Заводовского в сложных ситуациях позволяет все же предполагать его еврейские корни. Так, Е.Д. Фелицын отмечал, что только Н.С. Заводовскому удалось дольше всех его предшественников «усидеть» в кресле управляющего гражданской частью Ставропольской губернии, подверженной частым нападениям горцев и другим потрясениям. В 1842 г. произошло изменение режима приточности воды из подземного фонтана, обеспечивавшего Фанагорийский госпиталь пресной водой. Из Петербурга в адрес наказного атамана поступило предписание обследовать и «отремонтировать» естественный водяной источник. Однако генерал-лейтенант Н.С. Заводовский, начиная с 20 июля 1843 г., не раз направлял в Санкт-Петербург отписки, давая заведомо неверную оценку таманской воде [24]. Столичное начальство не удовлетворилось отписками Н.С. Заводовского и провело комплексное освидетельствование «колодезной и фонтанной» воды, помимо должностных лиц ЧКВ. Н.С. Заводовскому был послан акт обследования, показывавший непригодность колодезной воды Тамани для нужд раненых госпиталя, с предписанием все же выполнить ремонтные работы. Но, несмотря на это, Н.С. Заводовский свое первое письмо в десятках экземпляров продолжал отправлять во все инстанции, начиная с Кавказского корпуса и заканчивая департаментами военного министерства [25]. Можно предположить, что Н.С. Заводовский долго удерживался на постах наказного атамана, управляющего гражданской частью Ставропольской губернии, поскольку обладал выдающейся изворотливостью, хитростью, не тушевался даже перед петербургским начальством.

Само по себе еврейское происхождение записывавшихся в казаки не имело существенного значения, так как состав Запорожского коша отличался чрезвычайным этническим разнообразием. Определяющим было только православное вероисповедание [26]. Но замечательной чертой евреев была поддержка близких по этническому происхождению людей, а тем более родственников, способность спланиваться в трудных обстоятельствах и в незнакомой среде. В таблице 3 показаны служебные перемещения ряда выдающихся старошербиновских и близких к ним казаков.

Таблица 3

Прохождение службы в Черноморском казачьем войске (ЧКВ) ряда выдающихся казаков, входивших в кружок «старошербиновцев» и друзей Т.Г. Шевченко, по [27, 28]

Год	Заводовский Н.С.	Рашиль Г.А.	Кухаренко Я.Г.	Литевский П.И.
1830	Наказный атаман ЧКВ	Штаб-ротмистр ЧКВ	Сотник ЧКВ	В канцелярии

1834	—”—	Полковник	Ассессор войсковой канцелярии	Письмоводитель канцелярии атамана
1838	—”—	—”—	Член войсковой канцелярии	—”—
1841		И.О. начальника штаба ЧКВ		—”—
1842		Начальник штаба	Штаб-офицер Ейского округа	—”—
1844	Управляющий гражданской частью Ставроп. губернии	И.О. наказного атамана	—”—	—”—
1846	—”—	—”—	—”—	Старший член войскового правления ЧКВ
1850	—”—	Запой	—”—	—”—
1851	—”—	—”—	Нач. департамента военных поселений	—”—
1852	—”—	Отставка с поста атамана	И.О. наказного атамана	—”—
1853	Умер в 64 года	На собствен. хуторе	—”—	—”—
1856		—”—	Отставка с поста наказного атамана	—”—
1858		—”—	Независимый начальник отряда	Уволен за растрату средств казначейства
1859		—”—	—”—	Умер в 56 лет
1862		—”—	Убит вместе с зятем Иогансоном в пути	

Из таблицы 3 видно, что жизненные пути Заводовского, Рашпиля, Кухаренко и старшего Литевского неоднократно пересекались либо в канцелярии наказного атамана, либо на уровне правления ЧКВ. В марте 1855 г. есаул Е.И. Литевский написал рапорт о переводе его в Департамент военных поселений, начальником которого незадолго до этого был Я.Г. Кухаренко.

Судя по всему, проблемы у Литевских начались с 1855 г., когда наказным атаманом был назначен Григорий Иванович Филипсон. Но заниматься делами ЧКВ он не мог, поскольку в разгаре была Крымская война и он решал возникавшие проблемы в пределах укреплений Черноморской береговой линии. В 1857 г., уже после окончания войны, на должность начальника штаба ЧКВ был назначен боевой генерал Лев Иванович Кусаков [29]. К этому времени Н.С. Заводовского в живых уже не было, Г.А. Рашпиль и Я.Г. Кухаренко были «отодвинуты» от властных структур ЧКВ. Видимо, Л.И. Кусаков распорядился провести ревизию дел всех служб войскового правительства в соответствии с требованием царя. Основания для такого предположения есть. Достаточно обратиться к письму Александра II от 2 января 1857 г. генерал-фельдмаршалу князю А.И. Барятинскому, осенью 1856 г. назначенному наместником на Кавказе и главнокомандующим отдельным Кавказским корпусом: «Обратите также внимание на управление **Черноморьем**. Вы сами знаете печальное состояние, в котором находятся храбрые казаки и этот бедный край, так плохо управляемый на протяжении стольких лет. Надеюсь, что Филипсон будет в состоянии привести все в надлежащий порядок» [30].

Все обстоятельства ревизии и последовавших оргвыводов выяснить пока не удалось. Но служебная карьера Петра Ивановича Литевского дала осечку. 23 августа 1858 г. он был отправлен в отпуск. Спустя несколько месяцев последовала отставка. В формуляре она отражена следующим образом: «От должности этой [старшего члена

войскового правления], согласно предписанию господина исправляющего должность наказного атамана Черноморского войска от 8 октября 1858 г., № 2353 по прикосновенности к делу о растрате сумм войскового казначейства удален» [31]. О каких суммах растрат или хищений шла речь неясно, хотя нельзя исключать, что это была какая-то афера отнюдь не одного Петра Ивановича, а какой-то плеяды сподвижников, привыкших за долгие годы безнаказанно руководствоваться фундаментальными «законами кумовства» (непотизма).

Приведенные данные позволяют сделать следующие выводы.

1. Документ, который обычно рассматривают в качестве опорного при изложении истории возникновения немецкой колонии Михельс Таль, включает «План местоположения немецкой колонии на Широкой балке». Его содержание не соответствует реальным природным особенностям участка побережья Таганрогского залива (в документе – части Азовского моря) в пределах падины (но не балки) Глубокой. Несоответствия ориентировки берега, странность предложения по размещению зданий колоний в пределах тальвега эрозионной формы рельефа можно было бы отнести к чисто техническим ошибкам чиновников канцелярии. Но такой интерпретации мешает нахождение на плане, практически в пределах строений планируемой колонии, хутора есаула Литевского и наводит на мысль о возможности какой-то аферы.

2. Известно, что по предложению атамана Г.А. Рашпиля для обустройства на новом месте казаков, оставивших земли в пределах городской черты, отходивших к новому г. Ейску, их освобождали на два года от службы. Следовательно, Литевский не мог временно поселиться у падины Глубокой, чтобы случайно его хозяйство оказалось нанесенным на план немецкой колонии.

3. Документально доказать, что Е.И. Литевский арендовал землю у балки Водиной, с целью осуществления продажи зерна на суда, приходившие в бухту на оконечности Ейской косы, пока невозможно. Но несомненно, что этот казачий офицер был предприимчивым коммерсантом и даже имел склонность к авантюрным поступкам. На это указывает разбазаривание им в 1848-1849 гг. городских и выгонных земель при исполнении обязанностей временного начальника города.

4. Если несообразности топографической нагрузки рассматриваемого плана можно объяснить переносом участка на берег балки Водиной (то есть на восточный берег Ейского лимана), то истолковать мотивы размещения там немецкой колонии затруднительно. Известно, что в западной части Ростовского уезда располагалась немецкая колония, на картах того времени нанесенная без названия, а в межевых документах – Ольгенфельд [32]. Землю под эту колонию выделяли в 1800 г. Возможно, первоначально в пределах как раз балки Водиной и расположились немецкие хозяйства, которые случайно или намерено пытались в войсковой канцелярии выдать за колонию Михельс Таль. Имеющиеся записи формуляров Е.И. Литевского и П.И. Литевского позволяют предполагать, что при их служебном продвижении не последнюю роль играло «кумовство», деловые и родственные связи с высокопоставленными лицами, вышедшими из ст. Старощербиновской, либо связанными с этой станицей и кружком друзей Т.Г. Шевченко дружескими отношениями.

Обращает на себя внимание характер использования земель Ейского полуострова щербиновцами. В формуляре Е.И. Литевского записано, что он является владельцем двух домов в Ейске и дома в ст. Старощербиновской. Но в разных источниках содержатся упоминания о том, что он владел поначалу двумя хуторами на Ейской косе, а по данным межевания 1880-1891 гг. еще и двумя хуторами у ст. Ясенской [33]. Непонятно, как соотносятся эти земли со 114 десятинами земли, располагавшимися в 22 верстах к юго-западу от ст. Старощербиновской [34]. В 1851 г. войсковое правление завело реестр хуторов чиновников и казаков [35]. Из этого документа и карт конца XIX в. следует, что в пределах Ейского полуострова в основном располагались хутора видных старощербиновцев – Литевского, Кольбикова, Кокунько, причем документы на земельный

отвод ни у кого не оформлялись. Это было возможно только в одном случае – когда землепользование осуществлялось под прикрытием высокопоставленных особ войскового правления.

Библиографический список и примечания

1. Щербинин М.П. Биография генерал-фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова. СПб, 1858. С. 202.
2. Фелицын Е.Д. Кубанское казачье войско 1696-1888 гг. Воронеж, 1888. С. 319-320.
3. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Часть вторая. СПб, 1869. С. 255.
4. Фелицын Е.Д. Указ соч. С. 320.
5. Копию документа, написанного лично Г.А. Рашпилем на косе Долгой, любезно предоставила заведующая Должанским музеем А.А. Гречина.
6. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1867.
7. М.Щ. Эйск // Кавказский календарь на 1855 г. Тифлис, 1854. С. 465.
8. ГАКК. Ф.574. Оп. 1. Д. 221. Л. 15-18.
9. ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 1419. Л. 2 об, 3.
10. Устное свидетельство Надежды Яковлевны Филоновой, долгое время работавшей учителем истории школы в с. Воронцовке и опрашивавшей коренных жителей.
11. ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 951.
12. Бельцев Н.В. Портовый город Эйск в истории Черноморского казачьего войска (1792-1860). Эйск, 2007. С. 138.
13. Булавин Б.П. Реликты пльвиальной эпохи в Причерноморье. В сб.: Рельеф и ландшафты. М., изд-во МГУ, 1977. С. 169-174.
14. Казьмин С.П. Климатический феномен малой ледниковой эпохи // Материалы VIII всероссийского совещания по изучению четвертичного периода. Проблемы Квартера. Ростов-на-Дону, ЮНЦ РАН, 2013. С 261-263.
15. Федотова Т.А. Приазовье между Доном и Еей. Конец XVIII- начало XIX вв. // Большой Ромбит. Эйск, 2010. С. 33-34.
16. РГАДА. 1354. Оп. 701. Л. 10-12.
17. Федотова Т.А. Указ соч. С. 35-36.
18. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 158. Л. 119-122, 118 об. – 121 об.
19. Недбаевский М.Н. Поведаю вам о старовыне...// Родная Кубань, № 4. 1998. С. 85-86.
20. Скальковский А.А. Ростов-на-Дону и торговля Азовского бассейна. 1749-1863 гг. Ростов-на-Дону, 1865-1866. С. 12-20.
21. Ткаченко-Гильденбрандт В., Шкуро В. История одного куреня. Из казачьего прошлого станицы Старощербиновской Ейского отдела Кубанской области (1756-1918 гг.). ООО «ЕПП», ст. Старощербиновская, 2011. С. 12, 55-57, 80-81.
22. Там же. С. 80.
23. Захаров В.А., Малахова В.Г. Крепость Фанагория // Сб. Русского исторического общества. Т. 4 (152). М., Русская панорама, 2002. С. 250.
24. Там же. С. 250.
25. Фролов Б.Е. Национальный состав Черноморского казачьего войска (1787-1860 гг.) // Культурная жизнь Юга России, №2, 2002.
26. Фролов Б.Е. Черноморское казачье войско // Очерки истории и культуры казачества юга России. ЮНЦ РАН, ВФ ВПО РАНХиГС, 2014. С. 132-134.
27. Фелицын Е.Д. Указ соч. С. 303-328.
28. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 166. Л. 112 об.-119 об., 113-120.
29. Фелицын Е.Д. Указ соч. С. 334.
30. Муханов В.М. Покоритель Кавказа А.И. Барятинский. Часть вторая. Приложение и документы. М., Центрполиграф, 2007. С. 237.

31. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 166. Л. 119.
32. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 701. Л. 12.
33. Котенко Е.А. Основатель Ейска Воронцов. Батайск: Батайское книжное издательство. 2009. С. 117-118.
34. Щербина В.А. Земли частного владения лиц войскового сословия в Ейском отделе Кубанского казачьего войска // Кубанский сборник. 1894. Т. 3. С. 118.
35. ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 1299. Л. 1-3.

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ «ИЗГОИ» ЕЙСКОЙ ИСТОРИИ. НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ
ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЯДА ЛИДЕРОВ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ
г. ЕЙСКА В 1905-1907 гг.**

Л.А. Половинкин [1] в рукописной «Истории г. Ейска к 120-летию со дня основания» написал: «1905 год. Март. Оформляется социал-демократическая организация, в которую входят передовые рабочие местных заводов Пешкова, Магдасеева, строители, грузчики, реалисты – старшеклассники. Группу возглавляет Иван Санжур...» [2]. В книге Г. Климентьева «С любовью о Ейске» читаем: «Несомненно, крупнейшей партийной организацией в городе была ейская группа Кубанского комитета РСДРП. Возникла она в 1904 году, возглавили её И.А. Санжур и А. Кольцов. В период первой русской революции два течения одной партии - меньшевики и большевики - действовали в рамках одной организации и всевозможные акции предпринимали совместно. В 1908 году организация была разгромлена полицией» [3]. В документах за период 1905-1907 гг., хранящихся в ГАКК, в качестве руководителей ейской группы РСДРП называются совершенно другие люди, поэтому необходимо рассказать о «забытых» руководителях ейских социал-демократов конца XIX - начала XX вв., принимавших активное участие в политической жизни Ейска и Кубани.

Во время первой русской революции в городе произошло больше десятка акций протеста: забастовок, демонстраций и других «беспорядков». Распространялись листовки, брошюры различных партий и групп. Приведем с небольшими сокращениями не публиковавшееся ранее довольно своеобразное рукописное «Воззвание», датированное 14 ноября 1905 г. и подписанное неизвестной «Группой Ейских патриотов»: «Группа Ейских патриотов считает долгом предупредить жителей г. Ейска, что у нас к несчастью, как и в других городах, существует кружок революционеров, в котором главными деятелями считаются: А.П. Подушка, Мельников, Окоев, А.И. Зильберман, Г.И. Зильберман, Манюков, Денкевич, А.П. Шилтов и М.К. Морозов. И вот они, не довольствуясь указом об учреждении Государственной Думы, помышляют в унисон с другими революционными обществами устроить в России мятеж, который по ихнему мнению, должен кончиться свержением с престола НАШЕГО ОБОЖАЕМОГО ГОСУДАРЯ...

Председателем у них состоит А.П. Подушка, который желая взбунтовать нашу спокойную жизнь, выпускает по г. Ейску, под своей редакцией, прокламации самого подлого и мерзкого содержания, понося царскую особу и некоторых уважаемых в городе лиц. Хотя из ихней подлости ничего не выйдет, но нужно нам истинно русским людям выказать им наше глубокое предупреждение и объявить им бойкот.

Недавно А.П. Подушка собирал деньги на покупку револьверов, якобы для самообороны против хулиганов, но по привычке часть денег положил в карман, а на остальную сумму купил револьверы и ими вооружил своих единомышленников - второстепенных революционеров против мирных жителей и городской полиции.

Известно, что А.П. Подушка прокутил все отцовское состояние, долгов никому не платит, живет на чужой счет, ежедневно по клубам пьянствует и буфетчикам по несколько сот рублей долгов не платит, даже у них в игру в карты деньги занимает. Детей своих развратил, заставлял разбрасывать прокламации по учебным заведениям. И вот, он и ему подобные подлецы думают перестроить нашу матушку Россию на свой лад. Но, этому не бывать.

Главным секретарем у них состоит А.И. Зильберман, у которого хранится печать Соц. Дем. Раб. Пар(тии)» [4].

Теперь подробнее остановимся на так называемом «отряде самообороны» (другие его названия - «боевая дружина», «отряд помощи полиции» и т. д.), о котором упоминают

различные источники. С весны 1905 г. постоянно распространялись слухи о предстоящих «черносотенных» погромах в Ейске, направленных против студентов, евреев, армян. Причем они циркулировали на уровне городской Думы и Управы. Осенью 1905 г. в Ейске была предпринята попытка создания сил самообороны, т.е. вооруженной боевой дружины. Официальной целью создания «сил самообороны» было оказание помощи силам правопорядка в городе Ейске, а для легализации «отряда помощи полиции» инициативная группа направила прошение Начальнику Кубанской области [5]. Вот что пишет Половинкин в «Истории г. Ейск...»: *«Ноябрь 1905 г. Созданная из лавочников, мясников, уголовников, пьяниц, агентов полиции и членов Ейского отделения «Союза истиннорусских людей» группа пытается организовать черносотенные погромы. Однако, созданная боевая дружина в количестве 153 чел. предотвратила эти погромы...»* [6].

По поводу этого же «отряда» полицмейстер г. Ейска С. Косенко докладывал Начальнику Кубанской области 23-го ноября 1905 г.: *«6 ноября... Пристав 1-й части доложил мне, что присяжный поверенный Андриан Прокофьевич Подушка, как крайней партии социал-демократов, агитирует об учреждении вооруженной самообороны, якобы в помощь полиции, принимая на это пожертвования деньгами от частных лиц. Поэтому того же дня, я письменно пригласил Подушка в полицейское управление для выяснения цели организации самообороны и её программы. Подушка, явился с 4 лицами – двумя гласными: Григорием Бражниковым, Бронниковым, почтодержателем казенных станций, урядником Стригой (бывший Атаман х. Широчанского) и австрийско-подданным Кастилиони. Высказал в присутствии чиновников полиции, что он, ввиду защиты мирных граждан от нападения и насилия хулиганов «черносотенцев», предложил организовать самооборону, собрал более 70 рублей и предполагается еще поступление деньгами, и изъявили согласие вступить в самооборону до 300 человек, которых он лично не знает, но его все знают. Сказал, что он «атаман», а явившиеся с ним «есаулы» и по первому его приглашению к защите от насилия, явятся все члены самообороны под его личным руководством, став на помощь полиции»». Полицейстер справедливо усмотрел, что «так называемая «самооборона» или «городская милиция», якобы под предлогом охраны местных жителей от насилий и содействия, как бы местной полиции не что иное, как вооруженная охрана отрядов революционеров, стремящихся учинить сопротивление полиции и войскам, ...захватить фактически полицейскую власть и совершить переворот вооруженным восстанием...» [7].*

Остановимся на некоторых упомянутых выше «есаулах» и «атамане» так называемой «самообороны».

Бражников Григорий Николаевич (1850-) - купец 2-й гильдии, гласный Ейской городской Думы (1898 -1905), член сиротского суда (1898 -1901). Его брат, Бражников Роман Николаевич (1841-) – гласный Ейской городской Думы (1898-1905), в юрте ст. Новоминской владел 760-ю десятинами земли, член сиротского суда (1894 - 1897).

Бронников Яков Корнеевич – гласный Ейской городской Думы (1894-1909), купец 2-й гильдии, товарищ (заместитель) директора городского Общественного банка (1898-1913).

Кастилиони Николай Иосифович (1877-) – австрийскоподданный, женат на дочери купца 2-й гильдии Костина, Анне Косьминичне, работал в ряде коммерческих организациях г.Ейска.

Как видно из социального состава «есаулов» «отряда самообороны», он формировался на средства ейской крупной буржуазии, связанной с городской Думой и городским Общественным банком. За «спиной» отряда стоял Азово-Донской банк, финансировавший российские оппозиционные партии и издания. Это особая тема исследований.

В городе Ейске с середины XIX в. хорошо была известна купеческая династия **Подушка** (или Подушко). Наиболее известны: Александр Евсеевич Подушка - городской техник; братья: Леонтий Прокофьевич Подушка, купец 2-й гильдии, член городской

Управы; Иван Прокофьевич Подушка (1845-1895), известный ейский поэт, выпустивший в 1871 г. в Петербурге сборник стихов и поэм "Починок" на украинском языке; Адриан Прокофьевич **Подушка** (1860-1941), кандидат права, статский советник, нотариус, присяжный поверенный. Характеристика, данная Адриану Подушке политическими противниками, приводилась выше. Ниже данные из его биографии, которые удалось отыскать в различных источниках. В начале карьеры он присяжный поверенный округа Екатеринодарского Окружного суда в городе Ейске, затем гласный Ейской городской Думы [8]. В качестве примера того, что он был хороший оратор и умело манипулировал толпой, можно привести отрывок из доклада полицмейстера С. Косенко Начальнику области по поводу забастовки рабочих, проходившей в городском сквере 2 мая 1905 г.: *«...Бывший там старший городской Матвиенко хотел воспрепятствовать исполнению их намерений и стал настоятельно требовать, чтобы они разошлись. Когда рабочие стали расходиться, в это время явился присяжный поверенный Адриан Прокофьевич Подушка, и обращаясь к городскому Матвиенко, громко сказал: «зачем ты не позволяешь людям гулять в сквере и получил ли ты на это приказание полицмейстера». Услышав такое заступничество г. Подушка, рабочие снова сошлись, и уже не слушая предупреждений городского, направились к строящимся летним помещениям клубов и принудили рабочих оставить работы, затем собравшись в значительную группу, рабочие, сопровождаемые толпой любопытной публики, учащихся, направились к гостиному ряду. Завидя толпу, владельцы магазинов - армяне: Агабобов, Авдей и Григорий Шилтовы, Черчопов, Аджемов, Шагинян и Магдасиев спешно закрыли свои магазины, и приказчики их присоединились к забастовавшим рабочим»* [9].

После подавления революции и ужесточения мер против участников антиправительственных выступлений А. Подушка переехал в Екатеринодар, где работал присяжным поверенным и нотариусом. Можно сказать, что судьба его сложилась там довольно удачно. В «списках избирателей Екатеринодара за 1916 г.» имеется запись: *«Подушка Адриан Прокофьевич, личный дворянин, (адрес) ул. Гоголевская и Медведковская 33/48 – 11300 руб. (оцененное имущество)»* [10]. В 1916 г. – Председатель Попечительного Совета 1-й Екатеринодарской городской женской гимназии, Гласный по 1-му участку Екатеринодарской городской Думы на четырехлетие 1912-1916 гг. [11]. После революции поддерживал правительство Кубанской республики. В соответствии с Приказом Кубанскому казачьему войску № 19 от 01.01.1920 г., на основании постановления Думы от 16 декабря 1919 г. за № 4 нотариус Подушка (Адриан), как участник Кубанского похода, принимавший действительное участие в боях против большевиков в период с 23-28 февраля по 1 апреля 1918 г., награжден Орденом «Крест Спасения Кубани» 1-й степени [12]. Эвакуировался с Русской эскадрой в Бизерту (Тунис). Служил на миноносце «Дерзкий» (1921-1923). Жил в Бизерте. В 1937 г. принимал активное участие в проведении юбилейных Пушкинских дней в Бизерте. Имел дочерей Антонину (в замужестве Гутан) и Клавдию (по первому мужу Москвина, по второму – Родионова). Один из его зятьёв, Гутан Николай Рудольфович (1886-1943) - капитан 1-го ранга, племянник адмирала Эбергарда Андрея Августовича (1856-1919), в 1911-1916 гг. - командующего Черноморским флотом, бывшего в 1916-1917 гг. членом Государственного Совета. Умер Адриан Подушка 4 февраля 1941 г. в Тунисе. Похоронен в одной могиле со своими зятьями на кладбище Боржель в г. Тунисе [13] (рис. 1 А).

Остановимся на судьбе другого общественного деятеля г. Ейска, упомянутого в «Воззвании» – Лукиане Мартыновиче Мельникове (1866-1922) (рис. 1 Б). Лукиан Мельников оставил о себе память, как общественный деятель и журналист. Был редактором неофициальной части «Кубанских Областных ведомостей» (1897-1903) и издававшейся в 1907 г. в Ейске «Ейского вестника». Автор ряда литературоведческих и исторических сочинений, активный участник различных объединений кубанской интеллигенции: ОЛИКО (Общества любителей изучения Кубанской области), Екатеринодарского и Ейского обществ любителей изящных искусств и др. После

закрытия газеты «Ейский вестник» Лукиан Мартынович переехал из Ейска в Новороссийск, тогда центр Черноморской губернии.

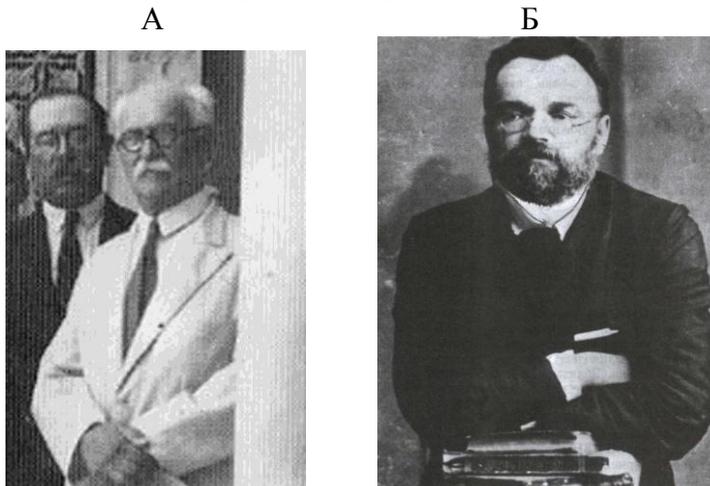

Рис.1. Ейские социал-демократы: А – А.П. Подушка в Тунисе (справа);
Б – Л.М. Мельников

Приведем выписку из послужного списка Л.М. Мельникова за 1915 г., городского секретаря Новороссийска, хранящуюся в Новороссийском архиве [14]: *«Женат первым браком на дочери священника Скидана, девице Мелании Васильевне. Имеет детей дочь Валентину род. 5 февраля 1891 г., сыновей Сергея, род. 26 сентября 1892 г., Всеволода, род. 2 февраля 1894 г., Владимира, род. 2 марта 1897 года г. Из них дочь Валентина служит городской учительницей в Новороссийске. Сыновья Сергей и Всеволод находятся на военной службе.*

Из мещан Подольской губернии. У самого дом в Новороссийске, у жены дом в Новороссийске. Отроду 50 лет, вероисповедования православного. Знаков отличия не имеет, жалования получает 2400 рублей в год. Воспитывался в Немировской гимназии, из которой имеет свидетельство, выданное 3 сентября 1883 г. за № 678 с правом производства в первый классный чин без испытания.

Резолюцией г. Начальника Кубанской области и Наказного Атамана Кубанского казачьего войска от 30 мая 1898 г. вследствие прошения определен канцелярским служителем в Кубанскую областную чертёжную с откомандированием для занятий в областное правление.

Резолюцией Начальника Кубанской области и Наказного Атамана 14 января 1903 г., ввиду утверждения его в должности секретаря Ейской городской Думы, приказом по Кубанской области от 31 июля 1902 г. за № 55 исключен из числа чинов Областной чертёжной с 1902 г. июля 31 дня. Новороссийской городской Думой в заседании ея, состоявшемся 25 сентября 1908 г., избран на должность Новороссийского городского секретаря, в каковой утвержден приказом Черноморского губернатора от 20-го октября 1908 г. за № 40.

На заседании Новороссийской городской Думы постановлением 7 октября 1910 г. избран на должность городского секретаря на срок полномочий Думы и утверждён г. Черноморским губернатором в предложении городскому голове Новороссийска 3-го ноября 1910 г. за №14387.

Высочайшим приказом по Гражданскому ведомству от 5 апреля 1910 г. за № 18 по Наместничеству ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА на Кавказе произведен за выслугу лет в чин коллежского регистратора с 20 октября 1908 г.

Высочайшим приказом по Гражданскому ведомству от 27 февраля 1912 г. за № 10 произведен из коллежских регистраторов в губернские секретари со старшинством с 20 октября 1911 г. Новороссийским общественным собранием избран гласным Новороссийской городской Думы на четырехлетие с 1912 по 1916 г. Новороссийской

городской Думой избран городским секретарём на четырёхлетие с 1912 по 1916 г. Новороссийской городской Думой избран заведующим новороссийской городской библиотекой 11 октября 1912 г.» [15].

В годы Гражданской войны Л.М. Мельников работал над законами белогвардейского Юга России. После установления в городе Советской власти, Лукиан Мартынович Мельников уже в апреле 1920 г. возглавил Библиотечный сектор ОТНАРОБа – Отдела Народного образования Ревкома, стал секретарем ОТНАРОБа и заведующим городской библиотекой. После смерти Л.М. Мельникова горисполком в 1923 г. принял решение о выдаче пенсии его вдове [16]. Его жена, Маланья Васильевна в девичестве Скидан, дочь дьякона Ейского Михайло-Архангельского соборного храма [17]. Её брат, Владимир Васильевич Скидан (р.1858-?) - статский советник. В 1889 г. получил должность секретаря Ейской городской Думы, в 1891 г. - делопроизводителя, затем советника Кубанского областного правления. С ноября 1905 г. - директор народных училищ Кубанской области. Принадлежал к Революционной украинской партии. В течение 14 лет (1908 - 1922) председатель правления ОЛИКО. В апреле 1917 г. был председателем первой Кубанской войсковой рады. В 1917 - 1919 гг. входил в состав 1-го Временного Кубанского войскового (апрель-ноябрь 1917 г.) и 3-го краевого правительств (декабрь-май 1919 г.) Кубанской республики, в которых заведовал вопросами народного просвещения [18].

Остановимся теперь на биографии Ивана Арефьевича **Санжур** (подпольные клички – «Арсений», «Василий», «Сажин») (1878—1907 или 1910) (рис. 2).

Рис. 2. И.А. Санжур

Родился в г. Ейске в семье мещанина. Принимал участие в работе социал-демократических организаций в Екатеринославе, Ставрополе, Вологде, Костроме, Иваново-Вознесенске, Твери и др. В конце мая 1905 г. приехал в Баку, был введен вскоре в состав Бакинского комитета РСДРП и его Исполнительной комиссии. Позднее работал в Одессе, являлся членом Одесского комитета РСДРП. В ноябре 1905 г., скрываясь от полицейских преследований, переехал в Тифлис. Был членом редакции печатного органа Кавказского Союза РСДРП газеты «Кавказский рабочий листок», сотрудничал в ленинской газете «Новая жизнь». Весной 1906 г. вновь перебрался в Баку, работал в качестве пропагандиста и агитатора, участвовал в выпуске первого номера нелегальной большевистской газеты «Бакинский рабочий». Летом 1906 г. И.А. Санжур был в Ейске. Приведем отрывок из книги И. Уханова «Творческий путь Ф. Гладкова»: «...Мы (И. Санжур и Ф. Гладков - прим. автора) провели успешно забастовку портовых рабочих в Ейске, организовали ряд рабочих кружков, устраивали массовки за городом...» [19]. Спасаясь от жандармов, Иван Санжур покинул родной город [20]. То есть пребывание И. Санжура в Ейске было кратковременным. Маловероятно, что он смог сыграть

лидирующую роль в Ейской организации РСДРП и значительно влиять на её деятельность. С лета 1906 г. жил в Ставрополе, входил в состав Ставропольского комитета РСДРП. С конца 1906 г. в Москве, принимал активное участие в кампании по выборам во II Государственную Думу, сотрудничал в легальной большевистской газете «Истина». По одной из версий, в феврале 1907 г. И. Санжур, покончил жизнь самоубийством. В ряде газет поместили некролог [21].

По другой версии, в 1910 г. И. Санжур умер на итальянском острове Капри. В этом же году в Париже антиленинской группой «Вперед» была издана брошюра Л. Сажина «К вопросу о возрождении партии (Мысли практика)». На титульном листе этой брошюры имеется посвящение: «Незабвенной памяти борца за рабочее дело Ивана Арефьевича Санжура», а в предисловии, которое было написано лидером группы Г. Алексинским и посвящено памяти автора, говорится, что автор этой брошюры – партийный работник, приехавший в Италию из России. Он был неизлечимо болен, но всё же буквально за несколько дней до своей смерти закончил рукопись и передал ее для опубликования. Позднее брошюра была подвергнута критике В. И. Лениным в статье «О фракции впередовцев», опубликованной в газете «Социал-демократ» 30 августа (12 сентября) 1910 г. и включенной в 19-й том «Полного собрания сочинений В. И. Ленина». В указателе имен к этому тому дана биографическая справка: «Сажин Л. (Санжур И.А.) (1878 - 1910) - социал-демократ... В 1909 году уехал за границу, где примкнул к антипартийной группе «Вперед» [22, 23].

После спада и подавления революционного движения в Ейске, одни из «вождей» ейских социал-демократов (А. Подушка, Л. Мельников, И. Санжур и др.) благополучно покинули Ейск и неплохо пристроились, другие «залегли на дно» (В. Норенко, А. Окоев), третьи вовремя прекратили всякую деятельность (М.К. Морозов и др.). А подверглись репрессиям «второстепенные революционеры» (братья Капустины, А. Кольцов и др.).

Ейская история богата событиями. Может быть в будущем, будут опубликованы архивные документы, затрагивающие многие интересные стороны политической и экономической жизни нашего города. Это позволит нам избавиться от многих мифов и искажений ейской истории.

Библиографический список и примечания

1. Источником информации многих работ по истории Ейска конца XIX - середины XX вв. являются труды теперь мало известного широкому кругу ейчан Л.А. Половинкина (1897-1980), работавшего редактором газеты «Ейская правда», заместителем председателя Ейского Горисполкома, сотрудником Ейского историко-краеведческого музея. К сожалению, во многих заимствованиях из работ Л.А. Половинкина, часто встречаются заведомо искаженные факты, а то и ошибки, многократно тиражируемые в интернете. Работы ейского краеведа Леонида Апполоновича Половинкина, написанных им в 50-70-е гг. 20-го века, хранятся в фондах архивного отдела МО Ейский район и в Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК). В ейском архиве есть личный фонд Л. Половинкина, в нём более ста его работ: различные статистические данные, статьи на разные темы и события. Особенно ценно для исследователей ейской истории то, что в его работах содержатся сотни имен, снабженные краткими биографическими справками, есть и ссылки на первоисточники, чего фактически нет в работах других авторов.
2. ГАКК. Ф. Р-411. Оп.2. Д. 514. Л. 10.
3. Климентьев Г. С любовью о Ейске. Издательский дом «Краснодарские известия». 1998. С. 119-120.
4. ГАКК. Ф.454. Оп.1. Д.3283. Л.119-119 об.
5. ГАКК. Ф.454. Оп.1. Д.3283, Л.1-7 об.

6. ГАКК. Ф. Р-411. Оп.2. Д. 514. Л. 13.
7. ГАКК. Ф.454. Оп.1. Д.3283. Л.1-7 об.
8. Кубанский календарь на 1898 год. Екатеринодар, 1916. С.84.
9. ГАКК. Ф.454. Оп.1. Д.3236. Л.32-33.
10. Список лиц и учреждений, имеющих право участвовать в выборе гласных Екатеринодарской городской думы на четырехлетие 1916-1919 гг. По первому избирательному участку. Екатеринодар, 1916. С.11.
11. Кубанский календарь на 1916 год. Екатеринодар, 1916. С.140, 159, 194.
12. ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 311.
13. Махров К.В. (составитель). Сборник. Русская колония в Тунисе. 1920-2000». М.: Русский путь. С. 334.
14. Автор выражает признательность вдумчивому исследователю истории г. Новороссийска С.А. Санееву за предоставленный документ на Л.М. Мельникова из Новороссийского городского архива.
15. Новороссийский городской архив. Ф. 2. Оп.1. Д. 791. Л 10-11 об.
16. Новороссийский форум. <http://novorosforum.ru> (дата обращения - 25.04.2013).
17. Энциклопедический словарь по истории Кубани. Краснодар. 1997 С.269.
18. Энциклопедический словарь по истории Кубани. Краснодар. 1997. С.417-418.
19. Уханова И. Творческий путь Ф. Гладкова. М., 1953, С. 9.
20. Гиреев Д. Забытые страницы одной жизни // Дон. № 6. 1973. Ростовское книжное издательство. С. 187.
21. Гиреев Д. Забытые страницы одной жизни // Дон. № 6. 1973. Ростовское книжное издательство. С. 183.
22. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 19, 5-е издание. Издательство политическая литература, М. 1968. С.312-318, 588.
23. Их жизнь-борьба. Очерки о деятелях «Северного рабочего союза РСДРП». Ярославль, 1973. С.218-229.

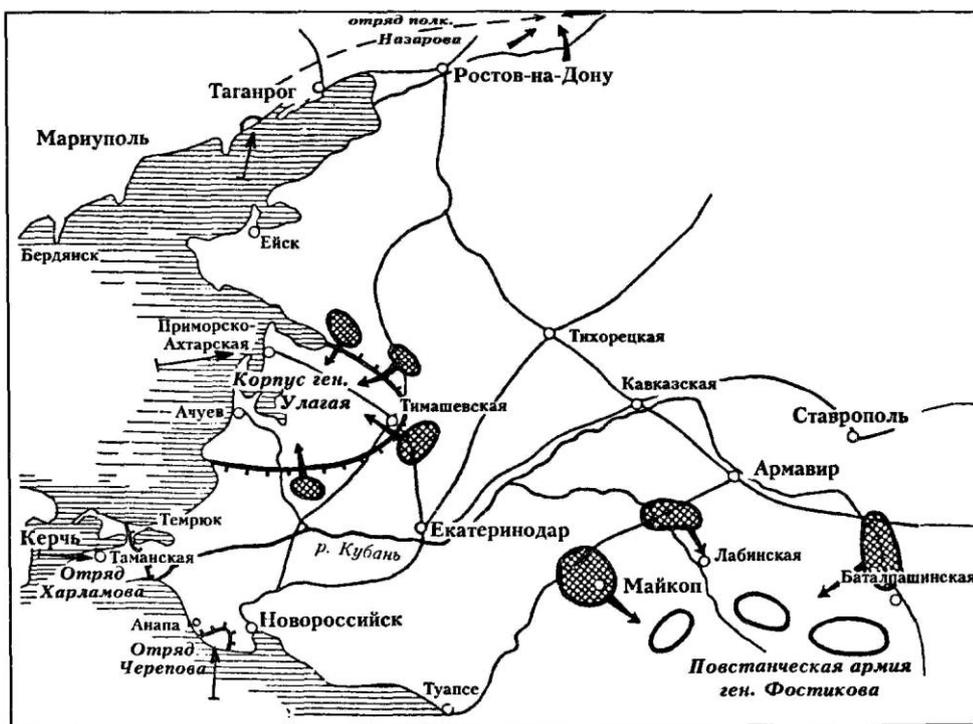
УЛАГАЕВСКИЙ ДЕСАНТ НА КУБАНИ В 1920 г., ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ГЕНЕРАЛА Д.П. ДРАЦЕНКО

Улагаевский десант – общепринятое название (по имени её руководителя – генерал-лейтенанта С. Г. Улагая) войсковой операции Русской Армии против Красной армии на Кубани 1 (14) августа – 25 августа (7 сентября) 1920 г. Силы десанта именовались Группой особого назначения. В состав десанта вошли: 1-ая Кубанская дивизия (генерал-майор Н.Г. Бабиева), 2-ая Кубанская (пластунская) дивизия (генерал-майор А.М. Шифнер-Маркевич), сводная Кубанская пехотная дивизия (генерал-лейтенант Б.И. Казанович) – всего 4,5 тыс. бойцов при 12 орудиях, 130 пулемётах, нескольких броневиках и 8 аэропланах. События «Улагаевского десанта» неоднократно освещались исследователями, поэтому основная канва событий известна. Но обычно преподносится обобщенная схема, при минимуме личных впечатлений участников. В настоящей статье приводятся воспоминания начальника штаба десантной группы генерал-лейтенанта Д.П. Драценко, содержащие интересные факты.

Весной 1920 г. войска Русской армии успешно сражались против частей Красной Армии в Северной Таврии. Но Крымская армия Врангеля почему-то «вертелась» на одном месте и не могла выйти за линию Каховка–Александровск–Бердянск [1]. Это топтание объяснялось просто – существовало опасение, что отрыв от тыловой базы в Крыму может привести к разгрому белых войск, особенно в условиях успешно продвигавшихся переговоров большевиков с командованием польских войск. Реальной была перспектива переброски войск с Польского фронта на Крымский. Маленькая территория Крыма, несмотря на успешную земельную реформу, проведенную под руководством А.В. Кривошеева (бывшего сподвижника премьер-министра П. Столыпина), не могла долго кормить армию Врангеля и огромное число беженцев, сосредоточившихся в городах и селениях Крымского полуострова. Актуальной была задача расширения продовольственной и демографической базы, «... захват новых, обладающих естественными богатствами областей, могущих дать новые источники пополнения [ресурсов] и обеспечить заграничный кредит» [2].

П. Врангель отмечал: «Единственным источником пополнения армии могли быть казачьи земли. При развале армии генерала Деникина десятки тысяч казаков разошлись по домам с конями, оружием и снаряжением. Огромные боевые запасы были оставлены на Северном Кавказе и на Дону... Все это заставляло склоняться к перенесению нашей борьбы в казачьи области. Сведения нашей разведки с Кубани и Дона были благоприятны. В целом ряде станиц казаки восставали против Советской власти» [3]. Основываясь на этих представлениях, Русская армия генерала Врангеля начала готовиться к проведению десантных операций. Сначала высаживались на Азовском и Черноморском побережье небольшие партии охотников, успешно ведших партизанские действия. Наиболее крупным из них был десант полковника Назарова, убедившего командование в своем авторитете в ст. Ново-Николаевской (ныне г. Новоазовск) и в ее округе. 26 июня 1920 г. полковник Назаров с относительно небольшим отрядом высадился с пароходов у косы Кривой (между Мариуполем и Таганрогом). Довольно быстро число бойцов Назарова настолько увеличилось, что он рискнул выдвинуться на северо-восток, в сторону пос. Александровск-Грушевский (на месте современного г. Шахты, Ростовской области). Контрразведка донесла Врангелю, что положение Назарова прочное, что и создало предпосылки для высадки Кубанского десанта. Генерал Драценко в своих воспоминаниях пишет о мотивах, которыми руководствовался Врангель, приказывая Улагая возглавить десант. Врангель отмечал, что о генерале Драценко положительно отзывались генералы Деникин, Эрдели и Романовский. Он успешно действовал на Северном Кавказе против мятежных горцев, а после ранения генерала Шатилова в Дагестане исполнял его обязанности, действуя весьма успешно. Врангель, вызвав к себе Улагая и Драценко,

представил их друг другу. Улагай предложил Драценко должность начальника штаба десанта, на что он охотно согласился [4]. Однако дальнейшие события показали, что эти генералы не смогли сработаться, что, в конечном счете, негативно повлияло на исход десанта.

Десанты Русской Армии П. Врангеля на побережье Азовского моря летом 1920 г.
Воспроизводится по [2]

Помещаемые в сборнике воспоминания Д.П. Драценко были отпечатаны на старинной печатной машинке и помещены в архив русской революции, сформированной в составе архива Чехословакии в Праге. Это видно из соответствующего штампа в левом верхнем углу документа. Много позже документ оказался в составе коллекции материалов по гражданской войне в Государственном архиве Российской Федерации [5].

С.Г. Улагай

Д.П. Драценко

Генераль ДРАЦЕНКО.

ДЕСАНТНАЯ ОПЕРАЦИЯ НА КУБАНИ 1920 г.

Каждый, внимательно слѣдившій за дѣйствіями Крымской арміи на фронтѣ Каховка-Александровскъ-Вердянскъ невольно поражаема той энергіи, подвижности и смѣлости, съ коими Главное Командованіе перебрасывало свои резервы, всюду нанося большевикамъ пораженія. Десятки тысячъ плевннхъ, сотни орудій, тысячи ружей и пулеметовъ, десятки броневиковъ и бронеповозковъ были результатомъ этихъ поминутъ Тигровыхъ прыжковъ. Цѣлые отряды, корпуса и даже арміи большевиковъ были уничтожены или приведены въ полную негодность, но Крымская армія все же почему то вертѣлась на одномъ мѣстѣ и не могла выйти за линію Каховка-Александровскъ-Вердянскъ. На мѣсто уничтоженнаго отряда, корпуса большевиковъ появлялись другія части и, подвергаясь участи своихъ предшественниковъ, вновь замѣнялись свѣжими. Сами большевики называли фронтъ Крымской арміи - мельницей Генерала Брангея, ибо дѣйствительно все, посылаемое на этотъ фронтъ уничтожалось, но и самъ фронтъ подобно мельницѣ оставался на мѣстѣ. [Армія, правда, крѣпла чистотой и духомъ, но очень медленно, а между тѣмъ у поляковъ съ Совдепией начались переговоры о мирѣ. Было ясно, что если Крымская армія продвигалась впередъ съ большимъ трудомъ при условіи, что главныя силы большевиковъ /около 40 дивизій/ были отвлечены противъ Польши, то что же будетъ когда всѣ эти силы или хотя половина ихъ обрушится на Крымъ. Какъ ни блестяще дѣйствовало Командованіе Крымской арміи, но ему было ясно, что съ заключеніемъ мира, или хотя перемирія, Крымской арміи придется отойти на линію Перекопъ-Сальково, гдѣ пользуясь узостью фронта отбиваться отъ превосходныхъ силъ большевиковъ. Но естественно также, что одна толь-

ко оборона Крыма - равнялась полному краху, ибо изсякли бы всякія, какъ денежныя, такъ и людскія средства существованія арміи. Надо было приобрести другой районъ, могущій дать арміи и деньги и хлѣбъ и бойцовъ. Такимъ райономъ естественно являлась Кубань, богатая хлѣбомъ и людьми и Главное Командованіе остановило свое вниманіе на этомъ районѣ. Кромѣ того, наличие флота, при условіи владѣнія Крымомъ и Кубанью давало возможность перебрасывать войска ~~из~~ одного района въ другой. Въ безконечныхъ донесеніяхъ и докладахъ о Кубани ~~также~~ представлятели Кубани говорилось, что достаточно прислать баталіонъ казаковъ и Кубань свергнетъ большевиковъ. Генераль Врангель отлично понималъ, что баталіонъ ничего не сдѣлаетъ и, рѣшаясь на десантъ, назначилъ :

1. лучшую конную дивизію подѣ начальствомъ доблестнаго генерала Бади-ева, стяжавшаго себѣ славу на поляхъ Кубани и Тавріи,
2. Кадрн конной дивизіи г.Шифнеръ-Маркевича и
3. Сводно-пѣхотную дивизію генерала Казановича,

всего въ составѣ около 4.500 штыковъ и сабель. Въ Феодосіи и Керчи шла лихорадочная подготовка къ посадкѣ : сосредотачивались суда, подготавливались санитарныя средства, собиралось вооруженіе, обмундированіе, а Штабомъ отряда совмѣстно съ морскимъ командованіемъ были сдѣланы всѣ расчеты по посадкѣ и высадкѣ частей десантнаго отряда. Для выполненія операціи всѣ части отряда были раздѣлены на авангардъ и главныя силы. Задача авангарда, пользуясь прикрытіемъ огня судовой артиллеріи, быстро выброситься на берегъ, разбить ближайшія части противника, выдвинувшись впередъ, обезпечить высадку главныхъ силъ отряда и его тыла. Естественно, что авангардъ долженъ былъ быть посаженъ на мелкія суда, могущіе близко и даже вплотную подойти къ берегу, главныя же силы, предназначенныя къ высадкѣ въ болѣе спокойной обстановкѣ, должны были грузиться на большіе корабли, изъ коихъ многіе на 5-6 верстъ не могли подойти къ берегу и для высадки требовалось пере грузка на болѣе мелкія суда.

Казалось все шло хорошо, если не считать недостатка средствъ свя-

184

зи, запаса ружей и полное отсутствие обоза. Когда вся подготовка была закончена с ~~концом~~ дивизией прибыть в Феодосию ген. Баби́евъ и съ мѣста потребовалъ указать ему суда, предназначенныя для его дивизии, а порядокъ погрузки на суда онъ укажетъ самъ. Н-къ Шраба докладывалъ Н-ку отряда о невозможности выполнить требование Ген. Баби́ева, ибо часть дивизии предназначалась въ главныя силы и часть въ авангардъ, но Н-къ отряда приказалъ исполнить желаніе ген. Баби́ева и планъ погрузки, а за нимъ, что главное, разгрузки, былъ нарушенъ. Это нарушение плансдѣлало то, что вмѣсто 2-3 дней выгрузки - отрядъ выгружался 5 дней. Главное свое вниманіе большевики, естественно, обратили на Таманскій полуостровъ, гдѣ въ районѣ Темрюкъ-Анапа были сосредоточены ихъ главныя силы, Майконъ-Туапсе-Сочинское направление и Ейскій районъ возстаній, гдѣ также были довольно значительныя силы. Высадкой десантнаго отряда у п. Ахтарскаго мы выходили въ тылъ главной Таманской группѣ большевиковъ, становились на прямомъ и близкомъ пути къ Екатеринодару - политическому центру Кубани, но имѣли у себя на флангѣ и почти въ тылу значительныя силы большевиковъ Ейскаго района, сосредоточенныхъ къ западу отъ линіи Новоцеревянковская и Новоцербиновская. Кроме того, къ этому же нашему лѣвому флангу подходила жел. дорога отъ Ростова - ближайшаго мѣста, откуда большевики могли получить подкрѣпленіе.

Общій планъ дѣйствій десантнаго отряда былъ слѣдующій : За сутки до главной высадки у посада Ахтарскаго было рѣшено произвести демонстративную высадку у Анапы, отвлечь къ этому мѣсту вниманіе и силы большевиковъ, а главными силами на высадкѣ отряда у п. Ахтарн - спѣшное движеніе ~~жжж~~ къ Екатеринодару и захватъ его, затѣмъ уничтоженіе Таманской группѣ большевиковъ, поцятіе общаго возстанія на Кубани и дальнѣйшія дѣйствія по обстановкѣ. Успѣхъ плана базировался исключительно на неожиданности высадки и быстротѣ движенія. Демонстративная высадка генерала Черепова у Анапы, котая и была недолговѣчной, но свою задачу - отвлечь вниманіе большевиковъ и ихъ силы отъ пункта высадки

185

главныхъ силъ у пос.Ахтарскаго вполне выполнила.

Главныя силы, посаженныя на суда сосредоточились ночью въ Азовскомъ морѣ и на разсвѣтѣ, подъ прикрытіемъ судовъ боевого флота подошли къ берегу у посада Ахтарскаго.

По плану высадки мелкосидяція суда и баржи, нагруженныя частями авангарда должны были подойти къ самому берегу и быстро высадившись отбросить большевиковъ и прикрыть высадку остальныхъ частей съ глубокосидящихъ въ водѣ судовъ, остановившихся на большомъ разстояніи отъ берега.

Здѣсь произошло то, что если бы большевики имѣли бы хоть одинъ баталіонъ, то нашъ десантъ, понеся большія потери, не могъ бы высадиться.

Генераль Бабіевъ посадилъ части авангарда, которыми командовалъ такъ, что на плоскодонныхъ судахъ и баржахъ были погружены обозы и нестроевыя части, а на глубокосидящіе суда, не могущіе подойти къ берегу ближе 5 верстъ посадилъ части боевого назначенія и авангардъ пошелъ къ берегу своимъ тыломъ.

Неожиданность высадки была полная, а лихія дѣйствія офицеровъ, казаковъ и солдатъ, бросавшихся съ судовъ въ воду и вплавь достигавшихъ берега, заставили небольшія части большевиковъ бѣжать, но, несмотря на это, двигаться безостановочно впередъ отрядъ не могъ, ибо надо было прежде всего закончить высадку главныхъ силъ. Это промедленіе большевики использовали для переброски сравнительно небольшихъ силъ.

По занятіи п.Ахтарскаго штабомъ былъ разработанъ, а Н-комъ отряда утвержденъ приказъ на дальнѣйшее наступленіе въ сторону Екатеринодара. Наступленіе приходилось вести по узкому корридору, образованному съ Юго-запада лиманами и болотами, что на линіи пос.Ахтарскаго - ст. ~~Дю~~Дюновической и съ сѣверо-запада озеромъ и р.Бейсугъ, болотами Бейсугскаго гирла и озерами, что сѣвернѣе ст.Брюховецкой. Единственно доступнымъ и ближайшимъ мѣстомъ для удара большевиковъ Ейскаго района намъ во флангъ и тылъ была ~~ст.Брюховецкой~~ ^{ст.Брюховецкой} у ст.Брянковской, почему въ боевомъ

приказъ особенно подчеркивалось значение этой станицы и необходимость ее занятія. Чтобы рѣзче подчеркнуть значение для успѣха всей ~~всѣхъ~~ операции владѣніемъ ст. Брыньковской, Н-къ Штаба отряда лично былъ у Н-ка Ударной Колонны генерала Бабіева и выразилъ ему на словахъ, какое серьезное значение Н-къ отряда придаетъ ст. Брыньковской. Опасаясь, что ген. Бабіевъ, увлекшись удачнымъ боемъ у ст. Ольгинской /въ успѣхъ этого боя никто не сомнѣвался/, пойдетъ ~~вдаль~~ за разбитымъ противникомъ и броситъ Брыньковскую, Н-къ Штаба предложилъ Ген. Бабіеву взять сначала Брыньковскую и, обезпечивъ себя съ сѣвера, разбить главныя силы большевиковъ у ст. Ольгинской, на что ген. Бабіевъ отвѣтилъ, что сначала разобьетъ главныя силы и тогда не трудно будетъ справиться съ Брыньковской. Что можно было на это отвѣтить? Помня уроки Академіи, возражать не приходилось.

Наступленіе велось тремя колоннами :

1. Лѣвая колонна ген. Бабіева, состоявшая изъ I Кубанск. казачьей дивизіи и Терской казачьей бригады ген. Азоева съ артиллеріей и большимъ числомъ пулеметовъ, должна была наступать сѣвернѣе желѣзной дороги по Ахтарскій-Ольгинская, обративъ особенное вниманіе на гать у ст. Брыньковской и дальнѣйшее движеніе на ст. Тимашевскую - Екатеринодарь.

2. Средняя колонна генерала Казановича въ составѣ сводно-пѣхотной дивизіи со своей артиллеріей наступать южнѣе желѣзной дороги на Тимашевскую - Екатеринодарь, и

3. Правая колонна генерала Шифнеръ-Маркевича, состоявшая только изъ кадровъ Конной дивизіи, наступать на хут. Степной - ст. Доковичевскую - Екатеринодарь.

Въ распоряженіе Н-ка десанта оставалось Константиновское военное училище.

За колоннами двигалось правительство Кубани, немедленно производившее мобилизацію казаковъ.

Первый рѣшительный удар большевикамъ нанесъ Ген. Бабіевъ на разсвѣтъ 6 августа /высадка началась 1-го августа/, у ст. Ольгинской, при-

чемъ были взяты тяжелыя и легкія орудія, броневики и одинъ бронепоездъ. Большевики бѣжали къ ст.Роговской, гдѣ ночью были настигнуты все тѣмъ же неутомимымъ ген.Бабіевымъ и окончательно разбиты, причемъ были захвачены всѣ орудія дивизіи большевиковъ и самъ Н-къ дивизіи съ значительнымъ числомъ плѣнныхъ.

На слѣдующій /7 авг./ день ген.Бабіевъ преслѣдовалъ остатки противника на ст.Брюховецкую, гдѣ взялъ еще до 1.500 плѣнныхъ, техническій поездъ и много другихъ трофеевъ, а ген.Казановичъ въ этотъ же день атаковалъ и взялъ желѣзнодорожный узелъ ст.Тимашевскую съ огромными запасами снарядовъ и патроновъ, 3 паровоза и 150 вагоновъ.

Правая колонна ген.Шифнеръ-Маркевича быстрымъ движеніемъ впередъ заняла станицы Степную, Ново-Николаевскую и Поповическую. Успѣхъ былъ колоссальный. Всѣ три колонны были въ растояніи двухъ переходовъ отъ Екатеринодара. Телеграфная станція Тимашевской, захваченная нами на полномъ ходу, передала намъ картину того, что творилось у большевиковъ: въ Екатеринодарѣ была полная паника, Штабъ IX арміи уходилъ въ Тихорѣцкую, войска уходили на сѣверъ, съ окружающихъ станцій передавали о бѣгствѣ комиссаровъ и другихъ должностныхъ лицъ. Большевицкія караулы и посты, охранявшіе желѣзнодорожные мосты въ окружности 40 верстъ, не зная, что Тимашевская занята нами, спрашивали по аппарату что имъ дѣлать, имѣя въ виду полное кругомъ бѣгство. Въ это время летчикъ, высланный на развѣдку Ейскаго района донесъ, что ст.Брыньковская занята большевиками, роющими окопы. Это донесеніе казалось невѣроятнымъ, но высланный развѣздъ подтвердилъ донесеніе летчика. Брыньковская была въ рукахъ большевиковъ. Было ясно, что ген.Бабіевъ не исполнилъ приказа и, увлекшись преслѣдованіемъ разбитаго имъ противника, ст. Брыньковской не бралъ и развѣдки туда не посылалъ. Ввиду того, что всѣ силы отряда, кромѣ Константиновскаго военнаго училища, были брошены впередъ, пришлось отдать вторичное распоряженіе ген.Бабіеву взять Брыньковскую, причемъ казалось естественнымъ, что ген.Бабіевъ, удерживая Брюховецкую, быстрымъ движеніемъ по сѣверному и южному берегу

р.Бейсугъ уничтожить еще не очень усилившагося врага. Все же новая потеря времени была значительной и крайне выгодной для большевиковъ. Генераль Бабіевъ вначалѣ повелъ наступленіе на Брыньковскую всѣми своими силами, но потомъ измѣнилъ рѣшеніе и послалъ только Терскія части генерала Агоева. Послѣдній, не имѣя достаточныхъ силъ для атаки большевиковъ по обѣ стороны Бейсуга, атаковалъ большевиковъ только съ Юга и занялъ Брыньковскую, причѣмъ взялъ около 500 человекъ плѣнныхъ. Здѣсь необходимо оговорить, что ген.Агоевъ 8 авг.взялъ Брыньковскую, но не захватилъ гати и высотъ сѣвернѣе р.Бейсугъ, что позже дало возможность большевикамъ спокойно занять высоты, выставить артиллерию и подъ ея прикрытіемъ неожиданно атаковать Брыньковскую. По овладѣніи ст.Брыньковской генераль Агоевъ, оставивъ въ станицѣ двѣ сотни, самъ выступилъ на присоединеніе къ колоннѣ генерала Бабіева. Въ подкрѣпленіе двумъ коннымъ сотнямъ въ Брыньковскую былъ посланъ послѣдній резервъ Н-ка отряда - Константиновское военное училище, бывшее за средней колонной ген.Казаповича. Не успѣлъ еще ген.Агоевъ 9 августа присоединиться къ колоннѣ ген.Бабіева, какъ большевики бросили на ст. Брыньковскую превосходныя силы, выбили двѣ сотни и подошедшее военное училище и перешли въ наступленіе на ст.Ольгинскую и п.Ахтары. Одновременно флотъ красныхъ, воспользовавшись отсутствіемъ нашего флота /нашъ флотъ, щадя уголь, принужденъ былъ послѣ высадки, отойти въ свои стоянки Керчь и Феодосію/ бомбардировалъ п.Ахтары. Было ясно, что большевики поняли значеніе Брыньковской и, используя нашу заминку, направили къ Брыньковской значительныя силы, о коихъ ген.Агоевъ, двигавшійся по лѣвому берегу рѣки Бейсугъ не зналъ.

Получивъ отъ ген.Агоева донесеніе о ликвидаціи большевиковъ у ст. Брыньковской, Н-къ отряда съ оперативной частью Штаба, выехалъ /9 авг./ на ст.Тимашевскую для руководства дальнѣйшимъ наступленіемъ на Екатеринодаръ, но у ст.Ольгинской наткнулся на отступающихъ юнкеровъ и только здѣсь узналъ, что Брыньковская вновь занята большевиками и что наши

189

сотни и училище, понеся значительныя потери, отступаютъ на ст. Ольгинскую. Съ самаго начала операціи выяснилась невозможность поддерживать постоянную и прочную связь съ частями и колоннами, особенно съ *Колонной* ген. Бабіева. Причинами этой непрочной связи были кромѣ отсутствія достаточныхъ средствъ связи еще : 1/ быстрота наступленія нашихъ колоннъ, 2/ большія разстоянія и 3/ постоянная переброска, главнымъ образомъ колонны ген. Бабіева.

Положеніе создавалось критическое : почти весь тылъ былъ еще въ п. Ахтары, всѣ силы на линіи Поповическая, Тимашевская и Брюховецкая, а значительныя силы, какъ потомъ выяснилось до 3-4 тыс. большевиковъ врѣзались у ст. Ольгинской между тыломъ и нашими главными силами.

Выходъ изъ этого положенія было три : 1-й/ Оттянуть часть главныхъ силъ къ Ольгинской для ликвидаціи наступающихъ со стороны Брыньковской большевиковъ, одновременно удерживая занятые пункты Тимашевскую и Поповическую, а по окончаніи этой операціи продолжать наступленіе на Екатеринодаръ. Посадъ Ахтары удерживать за собою. 2-й выходъ : Оттянуть часть главныхъ силъ для остановки наступающихъ со стороны Брыньковской большевиковъ и переброски нашего тыла изъ Ахтары на Тимашевскую, послѣ чего быстро двигаться на Екатеринодаръ, порвавъ связь съ пунктомъ высадки. 3-й выходъ : Перебросить часть тыла и пожертвовать остальной частью, взять Екатеринодаръ, послѣ чего, удерживая за собою, насколько возможно, Николаевскую и Поповическую, очистить районъ до Тамани и стать тыломъ къ Крыму, къ своей арміи.

1-й выходъ, казалось, былъ болѣе планомѣрнымъ и менѣе рискованнымъ. Но это только казалось. При высадкѣ десанта Н-къ морской флотиліи заявилъ, что надо дѣйствовать навѣрняка, ибо обратная посадка поцѣвлениемъ противника и невозможности большимъ судамъ подойти къ берегу безъ потери всего тыла, обоза и лошадей, а главнымъ образомъ ввиду отсутствія на судахъ угля - невозможна. Слѣдовательно, смотрѣть на Ахтары, какъ на обезпеченный нашъ тылъ мы не могли. Этотъ

проектъ для своего выполненія требовалъ значительнаго времени, что крайне было выгодно большевикамъ, ибо симъ они могли подбросить развѣ въ пять больше чѣмъ было у насъ, мы же никакихъ подкрѣплений получить не могли. Ясно, что съ потерей каждаго дня большевики дѣлались все сильнѣе ~~и~~ и угроза нашему тылу, конечно, не уменьшалась бы, а увеличивалась и десантный отрядъ, даже справившись съ силами большевиковъ, наступавшихъ отъ Брыньковской, былъ обреченъ по меньшей мѣрѣ на оборону вокругъ Ахтары, а, можетъ быть, и на худшее : посадку на суда съ потерей тыла и конскаго состава, что, конечно, было для насъ невозможнымъ. Ясна была и третья причина, о которой Н-къ штаба также доложилъ Н-ку отряда. Кубанская операція должна была показать не только сторонникамъ Крымской арміи, но и союзникамъ, что моментъ сверженія большевиковъ назрѣлъ, что изстрадавшееся населеніе Кубани все, какъ одинъ человекъ, возстанетъ противъ притѣснителей. Удачное выполненіе этой операціи подымало престижъ арміи и ея падающіе финансы, а занятый районъ могъ служить базой для дальнѣйшихъ операцій, поэтому надо было думать не объ отходѣ, а о борьбѣ до послѣдней возможности. I-й выходъ этого не давалъ. Была одна причина, которая нравственно обязывала защищать Ахтары : рядъ боевъ далъ намъ уже много раненныхъ, изъ коихъ 300 человекъ были въ п.Ахтары.

Изъ изложеннаго видно, что I-й выходъ давалъ потерю времени, крайне вредную намъ и выгодную большевикамъ, и лишалъ насъ всякой надежды продолжать операцію.

2-й выходъ требовалъ отъ насъ риска и давалъ потерю времени, которую большевики могли воспользоваться и сосредоточить значительныя силы и слѣдовать за нами по пятамъ, но давалъ намъ возможность вывести часть или весь тылъ къ главнымъ силамъ и надежду на выполненіе операціи, утвержденіе на Кубани, и

3-й выходъ требовалъ принести въ жертву 300 раненныхъ, еще большаго чѣмъ второй риска, но ~~же~~ не давая большевикамъ выигрыша времени, давалъ намъ большую надежду на утвержденіе на Кубани, хотя бы только и захватомъ части ея.

Начальникъ отряда сначала принялъ 2-й выходъ, мотивируя невозможность принять 3-й выходъ тѣмъ, что не хотѣлъ бросить большевикамъ 300 человекъ раненыхъ. Генералу Бабіеву, въ составѣ почти всей конницы и значительной части пѣхоты было приказано : оставивъ одинъ полкъ конницы у ст. Брѣховецкой, съ остальными силами, усилившись однимъ пѣхотнымъ полкомъ отъ средней колонны, наступать на Брѣнъковскую и разбить противника. Одновременно съ этимъ было приступлено къ переброскѣ базы изъ Ахтары въ Тимашевскую. ^{При переброскѣ войскъ въ Тимашевскую} Н-къ отряда, вмѣстѣ съ Н-комъ Штаба и нѣсколькими офицерами были задержаны коннымъ полкомъ противника, прорвавшимся къ ст. Роговской и занявшимъ полотно жел. дороги. Пришлось дѣлать объѣздъ, чтобы попасть въ Тимашевскую. Въ Тимашевкѣ было получено донесеніе о выступленіи колонны Ген. Бабіева ^{на} Брѣнъковскую и съ этого момента Н-къ отряда два дня не имѣлъ отъ ген. Бабіева ни одного донесенія и не зналъ, гдѣ колонна и что дѣлаетъ. Аэропланы отъ исключительной по интенсивности работы /кроме боевой работы на нихъ лежала обязанность поддерживать связь со всѣми колоннами/ попортились. Затянувшаяся высадка \times и двойная возня у Брѣнъковской дали большевикамъ больше чѣмъ достаточно времени, чтобы оправиться и подвезти свѣжія войска; ими были не только стянуты всѣ части, бывшія на Кудани, но прибыли войска съ Кавказа, Дона и часть Уральскихъ войскъ, слѣдовавшихъ на Мелитопольскій фронтъ. Всего, по имѣвшимся донесеніямъ большевики сосредоточили около 25 тыс. бойцовъ; между тѣмъ какъ наши части, достигшія въ общемъ 4½ тыс. бойцовъ быстро таяли. Казаки сами къ намъ не присоединялись, хотя отношеніе къ намъ было болѣе чѣмъ сердечное. Причину отсутствія возстаній казаки станицъ объясняли такъ : "мы всей душой съ Вами, но стать добровольно къ Вамъ въ строй мы не можемъ, т.к., если случится, что вы уйдете - большевики узнаютъ, кто поступилъ добровольно и всѣхъ этихъ добровольцевъ, а если они уйдеть, то ихъ семьи, разстрѣляютъ. Мы могли бы дать вамъ и ружья, даже пулеметы, но по той же причинѣ не можемъ. Вотъ, если вы очистите всю Кубань, тогда

192

мы сами станемъ въ строй и дадимъ оружіе, а пока мобилизуйте насъ". Объявленная мобилизація при крайне быстрыхъ передвиженіяхъ частей не могла дать положительныхъ результатовъ, ибо Казаки, собранные по станицамъ не успѣвали нагнать частей и держались большей частью въ обозахъ, которые разрослись до невѣроятныхъ размѣровъ. Кроме того, передъ нашей высадкой большевики сами произвели мобилизацію Кубани и угнали всѣхъ годныхъ лошадей. Приходилось подбирать остатки.

Самой же тяжелой для насъ неожиданностью было отсутствіе значительныхъ возстаній, о которыхъ такъ много доносили ^{разные} агенты въ Крыму. Всѣ существовавшія небольшія повстанческія части, скрывавшіяся до нашего прихода въ камышахъ настолько устали, что требовали мѣсячнаго отдыха.

Приходилось подбирать остатки. Ясно было, что казаки Кубани ко времени десанта еще недостаточно натерпѣлись отъ большевиковъ и находились подъ впечатлѣніемъ террора, почему ожидать взрыва общаго возстанія было напрасно, по крайней мѣрѣ до занятія Екатеринодара.

Теперь посмотримъ, что же дѣлали въ это время правая и средняя колонна. Правой колоннѣ ген.Шифнеръ-Маркевича приходилось дѣйствовать въ направленіяхъ Степной-Полтавская и Поповическая. Невольно, дабы занять большій районъ и скорѣе пополнить ряды своихъ частей пришлось разбросать небольшія кадры дивизіи. Энергичный, смѣлый, широкообразованный въ военномъ дѣлѣ ген.Шифнеръ-Маркевичъ правильно понялъ свою задачу, но отсутствіе ружей, пашекъ и большія потери въ людяхъ не позволили этой колоннѣ широко развить свои дѣйствія. Все же къ 10-му августа эта колонна заняла линію станицъ Полтавская-Старовеликовская и готовилась ^{совмѣстно} со средней колонной наступать на Екатеринодаръ. Средняя колонна Ген.Каза~~нова~~вича /1-й Кубанск.стрѣлк.полкъ, военное училище и одинъ казачій полкъ/, занимая Тимашевскую, готовилась къ наступленію на Екатеринодаръ и только ждала подхода лѣвой колонны ген.Баби^{на}

193

ева.

Съ уходомъ ген.Бабіева изъ Брюховецкой на Бриньковскую, большевики 10 августа перешли въ наступленіе на Тимашевскую со стороны Екатеринодара и Брюховецкой превосходными силами, но геройскій Кубанскій стрѣлковый полкъ и юнкера не только отбили атаку, но и сами перешли въ наступленіе. Развивать наступленіе на сѣверо-востокъ или наступать на Екатеринодаръ мы не могли, т.к. въ этомъ случаѣ мы сильно отдѣлялись отъ лѣвой или правой колонны и подвергались опасности быть разбитыми по частямъ.

Въ этотъ же день правая колонна вела упорнѣйшій бой у ст. Старовеличковской. Къ ночи, ввиду сильно выдвинутаго положенія колонны, а, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Бриньковской- Старовеличковская была оставлена и наши части заняли позицію восточнѣе ст. Поповической.

Опросомъ плѣнныхъ было установлено, что главныя силы большевиковъ были сосредоточены на линіи Чепѣгинская-Бриньковская, около 8-9 тысячъ, Брюховецкая-Новокорсунская-Медвѣдовская - около 5-6 тыс., Старовеличковская - Стѣренижестеблѣвская - около 4-5 тыс. и около 5-6 тыс. высаживалось на станціяхъ Новоминская и Канивская.

На слѣдующій день, т.е. 11 августа, большевики, получивъ подкрѣпленіе повели наступленіе съ линіи Брюховецкая - Новокорсунская - Медвѣдовская, причемъ своимъ правымъ флангомъ заняли даже ст.Тимашевскую, но контръ-атакой юнкеровъ и казаковъ были выбиты, а вскорѣ атака большевиковъ была отбита по всему фронту съ большими для притивника потерями.

Между тѣмъ отъ колонны ген.Бабіева никакихъ свѣдѣній не было. Аэропланъ, летавшій специально для розыска ген.Бабіева, найти его не могъ.

Отъ ген.Шифнеръ-Марк. было получено донесеніе, что если до 18 час. не будетъ прислано просимое имъ ранѣе подкрѣпленіе,

157

то онъ оставить Новоновическую. Одновременно были получены свѣдѣнія о появлении противника у ст.Роговской, т.е. между колонной ген.Бабіева, бывшей по предположенію въ районѣ станціи Брыньковской и Ольгинской и колонной ген.Казановича, занимавшей районѣ станціи и станціи Тимашевской. Медлить было нельзя. Приходилось принять одно изъ двухъ рѣшеній, или отходить на линію Ольгинская - Степная, гдѣ объединенными силами всѣхъ трехъ колоннъ остановить наступающихъ большевиковъ и, давъ возможность прибыть нашему флоту, совершить посадку съ потерей лошадей и обоза или, пожертвовавъ базой у Ахтары, приказать колоннѣ ген.Бабіева спѣшно идти на Степную-Новониколаевскую-Полтавскую-Славянскую, а колоннѣ ген.Казановича, соединившись съ колонной ген.Шифнеръ-Маркевича двигаться на Новоновическую-Славянскую. Цѣль - захватъ Славянской, а, если можно и Троицкой, для обезпеченія дальнѣйшаго движенія и на Темрюкъ и удержанія за собой Таманскаго полуострова. Н-къ отряда избралъ третье рѣшеніе - ~~идти~~ ^{идти} на Новонижестеблиевскую-Ачуевъ, куда и было приказано перевезти все, что было можно изъ п.Ахтары. Ген.Бабіеву было послано приказаніе идти на Степную, ген.Казановичу на станцію Герасимовскую, а ген.Шифнеръ-Марк. на Новониколаевскую. Это рѣшеніе Н-къ отряда принялъ подъ вліяніемъ бесѣды со старыми Кубанцами и особенно камышатниками /скрывавшимися ранѣе въ камышахъ/. Районъ Ачуева покрытъ болотами и камышами и доступенъ только въ нѣсколькихъ пунктахъ. При условіи занятія гирла Талганскаго, Черноерковской и Новонижестеблиевскаго, хотя небольшими силами - можно считать себя совершенно обезпеченнымъ и ~~всѣгда~~ совершать посадку почти въ обстановкѣ мирнаго времени и спасти всѣхъ лошадей, но это рѣшеніе Н-ка отряда не давало ни малѣйшей надежды на занятіе хотя бы части Кубани, другими словами вело ~~ихъ~~ къ полному провалу надеждъ. Главнoкомандующаго базироваться на Кубань.

Во ~~хру~~ время отхода выяснилась еще одна причина нашей неудачи : у насъ были такіе колоссальные обозы, что не хотѣлось вѣрить тому,

195

что пришлось увидѣть : на протяженіи десятка верстъ тянулись обозы сплошь въ три четыре ряда и на каждой повозкѣ сидѣло не менѣе 2-3 человекъ. И все это было только при правой и средней колоннахъ. Жалкими, крошечными казались войска колонны, шедшіе въ головѣ и въ хвостѣ. Въ обозѣ было не менѣе 5 тыс. мобилизованныхъ безъ оружія, тысячи бѣженцевъ стариковъ и даже женщинъ и значительное число административныхъ учрежденій гражданскихъ и военныхъ, успѣвшихъ даже за короткій время пребыванія на Кубани сильно разбухнуть. Все это было той обузой, которая не сражаясь, требовала прикрытія. Во время движенія по колоннѣ обоза былъ открытъ съ юга ружейный огонь со стороны Новониколаевской. Поднялась паника. Дабы отбросить проскочившую партію противника былъ посланъ въ атаку конвой Н-ка отряда, всѣ офицеры Штаба, причемъ въ строй были поставлены конные казаки безъ ружей и шашекъ, дабы хотя немного увеличить число всадниковъ. 12 августа при подходѣ къ ст. Глубоковриковской было получено донесеніе отъ ген. Бабіева, изъ котораго было видно, что въ день выступленія его колонны изъ ст. Брюховецкой онъ разбилъ конный полкъ большевиковъ ^у ст. Роговской и ночевалъ въ станицѣ Роговской, но Н-ку отряда объ этомъ не доносилъ. На слѣдующій день колонна Ген. Бабіева выступила изъ Роговской на Ольгинскую - Брыньковскую, причемъ, когда хвостъ обоза былъ атакованъ большевиками, голова колонны была въ 10 верстахъ - такъ была велика колонна обоза. Въ бою подъ Ольгинской Ген. Бабіевъ разбилъ ближайшаго противника, причемъ взялъ около 3 тыс. плѣнныхъ, но силы большевиковъ все росли, силы нашей колонны все уменьшались, а обозъ все увеличивался ранеными, коихъ набралось уже болѣе 2-хъ тысячъ, бѣженцами и плѣнными и, наконецъ, ген. Бабіеву стало ясно, что онъ уже не можетъ нападать, а только отбиваться, почему и приказалъ Ахтырской базѣ спѣшно идти на Новонижестеблевскую, а самъ выступилъ на ст. Степную. Забравъ всѣхъ раненыхъ и все, что было можно, Ахтырская база выступила на Новонижестеблевскую, а черезъ 3 часа послѣ выступленія базы изъ Ахтары прибылъ нашъ флотъ.

Когда выяснилась обстановка, Н-кь Штаба вновь доложил Н-ку отряда о той идее, которую преследовал Главкомандующий и в силу этого о том колоссальном значении, какое будет иметь окончательный наш уход с Кубани. В виду этого Н-кь Штаба настаивал на необходимости : 1. если нельзя идти на Полтавскую - Славянскую, то, пропустив обозы на Ачуевъ, занять линію Стѣпная - Новониколаевская и Староджеріевская, а если нельзя эту линію, то хотя входить из Новониколаевской и упорно удерживаться, приковывая къ себѣ громадныя силы большевиковъ. 2. Удерживаясь на указанной выше линіи организовать огромное число небооруженных мобилизованных и другихъ казаковъ / всего отошло въ камыши не менее 20 тыс. человекъ / и привести части въ порядокъ. 3. Организовать доставку изъ Генчического хлѣба и другихъ продуктовъ, 4. Немедленно объ этихъ рѣшеніяхъ сообщить Генералу Бабіеву, давъ ему нужныя указанія, ибо онъ дѣйствовалъ безъ всякаго руководства. На весь доклад Н-ка Штаба Начальникъ Отряда отвѣтилъ отказомъ, а на четвертый пунктъ отвѣтилъ буквально слѣдующее : "у меня нетъ кого бы я могъ послать". На это Н-кь Штаба заявилъ : "дать распоряженіе ген. Бабіеву настолько важно, что я, Н-кь Штаба, готовъ ѣхать послыннымъ". На это Н-кь Отряда, имѣвшій при себѣ 3-хъ адъютантовъ и конвой сказалъ : "Можете ѣхать" и только повеленіе офицера съ донесеніемъ отъ ген. Бабіева устранило необходимость Н-ку Штаба сдѣлаться послыннымъ. Сказывалась какая-то непонятная вялость и равнодушіе Н-ка отряда не только къ выполнению поставленныхъ отряду задачъ, но и къ судьбѣ самого отряда. Получалось впечатлѣніе, что выполняетъ онъ не свое, а чуждое ему дѣло и дѣйствительно, когда отрядъ былъ уже въ опасности, въ разговорѣ съ Н-комъ Штаба Начальникъ отряда высказалъ, что онъ и раньше не вѣрилъ въ успѣхъ этой операціи. На вопросъ Н-ка Штаба почему же онъ не доложилъ своего взгляда Главкомандующему и не отказался отъ Командованія, Н-кь отряда отвѣтилъ : "Я доложилъ Главкомандующему, что не вѣрю въ успѣхъ операціи, но Главно-

197

командующій настаивалъ на томъ, чтобы я былъ Н-комъ десантнаго отряда".

Послѣ этихъ словъ была ясна причина вялости генерала Улагая. Будучи безукоризненно честнымъ и преданнымъ дѣлу освобожденія Россіи, Генераль Улагай исполнилъ свой долгъ - доложивъ, что не вѣрять въ успѣхъ, но, какъ солдатъ, не могъ не исполнить требованія Главнокомандующаго - стать во главѣ освобожденія Кубани, тѣмъ болѣе, что онъ отлично зналъ, что изъ Кубанцевъ только онъ имѣлъ достаточный авторитетъ, чтобы объединить и командовать генералами Бадіевымъ, Казановичемъ и другими. Среди

~~Генералами Бадіевымъ, Казановичемъ~~
Кубанскихъ генераловъ были безусловно энергичные, но молодость не могла дать имъ достаточнаго авторитета. Главкомандующій зналъ это, но зналъ и то, что имѣя ген. Улагая на Кубани было широко извѣстно, почему пренебрегъ признаніемъ г. Улагая, рассчитывая на безусловный успѣхъ, какъ то рисовалось всѣми агентами, прибывающими съ Кубани и всѣми Кубанскими Н-ками, бывшими въ Крыму и вѣрившими, что Кубань можно поднять высадкой даже одного баталіона.

Такимъ образомъ, крайне необходимая по общей обстановкѣ въ Крыму, блестящая по идеѣ и началу выполненія десантная операція, несмотря на увеличеніе отряда за счетъ Кубани числа людей и лошадей больше вѣмъ вдвое, имѣла огромное отрицательное значеніе :

1. Всѣмъ стало ясно, что рассчитывать на Кубань ^{еще} рано.
2. Союзники, судящіе о силѣ антибольшевистской Россіи только по фактамъ и не знакомые съ дѣйствительнымъ положеніемъ Кубани, уменьшили свои симпатіи и матеріальную поддержку Крымской арміи.
3. Населеніе Кубани еще болѣе почувствовало силу большевиковъ, а послѣдніе еще болѣе въ эту силу увѣровали.

4. Иностранная биржа отмѣтила рѣзкое паденіе Крымскихъ денегъ.

5. Главному же командованію, въ связи съ перемиріемъ Совѣтскіи и Польши, было ясно тяжелое положеніе Крымской арміи, коей предстояла неравная борьба съ огромными силами большевиковъ всѣй Россіи.

Причинами неудачи операціи были :

1. Невѣрное сообщеніе о большихъ возстаніяхъ и ихъ смѣлкахъ, повсемѣстныхъ дѣйствіяхъ.
2. Своеволіе Н-ковъ и неисполненіе приказовъ.
3. Отсутствіе вѣри въ успѣхъ у старшаго Н-ка.
4. Отсутствіе базиса - огромные обозы.
5. Отсутствіе средствъ связи, вооруженія и угля для флота.

Начальникъ Штаба десанта

Генераль ДРАЦЕНКО.

Библиографический список и примечания

1. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 719. Л. 182.
2. Врангель П. Оборона Крыма в 1920 г. // Гражданская война в России: оборона Крыма. М.-СПб. 2003. С. 286, 306, 336.
3. Там же. С. 287.
4. Врангель П. Указ. соч. С. 309.
5. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 719. Л. 182-198.
6. Волков С.В. Энциклопедия гражданской войны. М.-СПб., изд-во «ОЛМА-ПРЕСС». 2003. С. 178.

ПРИРОДНЫЙ КОНТЕКСТ НЕКОТОРЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКТОВ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В СТАТЬЯХ СБОРНИКА

В статьях сборника приводятся исторические факты, понимание которых вне природного контекста не позволяет получить адекватное представление о взаимоотношении среды и этно-социогенеза. Из-за невозможности приведения исчерпывающих естественнонаучных данных, ограничимся лишь некоторыми комментариями.

Д.И. Зенюк с соавторами (ИОНЦ РАН) и П.А. Ларенок охарактеризуют феномен возникновения в раннеантичное время так называемого «Таганрогского городища». Этот объект привлекал внимание и В.П. Копылова с В.Г. Рыловым (см. библиографический список статьи Д.И. Зенюка с соавторами). Исследователи обычно обращались к элементам рельефа, содержащим артефакты, относящиеся к VI-VII вв. до н.э. Особое внимание привлекала подводная гряда в акватории бухты Андреева (северо-западнее причала морского вокзала г. Таганрога). Вызывает возражение опора на данные, полученные на основе визуальных наблюдений, без привлечения сведений о генезисе надводного и подводного рельефа. Между тем, еще в 1940 г. сотрудник Института геологических наук АН СССР В.А. Хохловкина установила, что на участке от ст. Морской до Таганрога располагалась первая аллювиально-морская терраса, шириной от 150 до 200 м, сложенная песком с большим количеством ракуши [1]. В.А. Хохловкина уже тогда отмечала в слоях террасы значительное содержание остатков керамики. Скорее всего, терраса сформировалась на фоне позднейшей стадии джаметинской трансгрессии. В тыльной части побережья отложения первой террасы примыкают к несоизмеримо более мощной каспийской террасе, ширина которой тогда достигала 3,5 км. Вероятнее всего, городище располагалось в той части первой террасы, которая позволяла контролировать узел слияния древних рек Самбека и Дона.

На фазах трансгрессивного подъема уровня материал террасы переотлагался, частично заполняя речную депрессию. Следовательно, значительная часть остатков керамики могла накапливаться в процессе волновой переработки береговых толщ. Описанная в материалах подводных археологических изысканий подводная гряда могла возникнуть естественным путем, в результате накопления древних артефактов, створок раковин, а также обломков кирпича, известняка, поступавших в водную акваторию в результате схода оползневых массивов.

Сопоставление карт конца XX в. с топопланами Таганрога 1808 г. и позднейших времен ясно указывает, что в пределах участка берега от лесной и купеческой бирж до северо-восточного ограждающего мола гавани неоднократно возникали глубокие оползни. Их волновая переработка при штормовых нагонах привела к существенному отступанию кромки обрыва, фиксируемого на картах конца XVIII – начала XIX вв. Некоторую роль в поставке античных артефактов в зону мелководья мог сыграть намыв искусственного пляжа в бухте Андреева, осуществленный в начале 1980-х годов. Песок рефулировали из толщи, располагавшейся на глубине 8-10 м от поверхности дна и в 300-400 м от прежней береговой линии бухты Андреева.

Археологи ИОНЦ РАН привели схему расположения античного городища по отношению к косе Чумбурской. Однако при интерпретации условий возникновения раннеантичного поселения следует учитывать твердо установленный факт постепенного смещения косы на восток, путем последовательного переотложения наносов с наветренного (западного) на подветренный (восточный) берег аккумулятивного тела. Совмещение разновременных топопланов косы и натурные наблюдения по системе реперов показали, что, например, за период с 1936 по 1975 годы коса Чумбурская сместилась на восток суммарно на 50-52 м, сохраняя свою плановую конфигурацию [2]. За

этот период средний темп вдольберегового перемещения западного контура косы составил примерно 1,4 м/г. Если взять период 2,3-2,5 тыс. лет, то западный берег в античную эпоху мог бы находиться в 3-3,5 км западнее современного его положения. Однако уверенно говорить об этой схеме затруднительно, поскольку в условиях речной (регрессивной) фазы развития береговой зоны моря аллювия р. Чубур вряд ли хватало для образования даже некоторых элементов подводной части аккумулятивного тела. Биогенные же наносы вообще не поступали. Скорее всего, к моменту закладки городища могло существовать лишь крохотное аккумулятивное тело вблизи устья реки, а позже балки Чубур. Следовательно, нельзя исключать, что северо-восточная площадь городища существовала в условиях нимфейской трансгрессии в более благоприятных (защищенных аккумулятивным телом) условиях, чем его юго-западный фланг.

В статье Ю.В. Приймака приводятся сведения о маршруте и темпах передвижения войск, руководимых боярином П.М. Апраксиным. Войска перемещались из крепости Азов сначала к р. Кагальник, затем вдоль ее русла, а впоследствии, преодолев реки Ея-Сосыка, Челбас, Кирпили, вошли в боевое столкновение с ногайцами. На рис. 1. показан примерный маршрут движения войск П.М. Апраксина, причем стоянки 1 и 2 располагались на берегу р. Кагальник, 4 – у р. Ея, 5 – у р. Сосыка, 6 – у р. Челбас. Маршрут проложен по рукописной карте, во второй половине XVIII в. использовавшейся бригадиром И.Ф. Бринком и генералом А.В. Суворовым. Интересно, что суточные переходы в разных частях маршрута отличались. В одних случаях войска преодолевали 9 верст, а в других 24-29 верст за день. Возможно, эти отличия объяснялись тем, что войска попадали на участки значительного расширения русла рек, особенно при впадении боковых притоков, как это, например, характерно для участков приближения к руслу Еи верховьев малой реки Чубур и при впадении р. Сосыки в р. Ею.

Рис. 1. Примерная схема передвижения войск боярина П.М. Апраксина

Особый интерес представляет характеристика качества воды в реках. За исключением р. Кагальник, где по свидетельству участников перехода вода была сладкая, во всех остальных случаях (реки Ея, Сосыка, Челбас, Кирпили) отмечался ее горький вкус. Эти сведения представляют особое значение, дополняя зафиксированное в XIX в. Л.Я.

Апостоловым периодическое изменение уровня и минерализации вод степных рек Азово-Кубанской равнины.

Н.Н. Кузьменко приводит сведения о разногласиях между исполнителями приказа Петра о строительстве Таганрогского порта. Поначалу швед Рюэль летом 1698 г., выполнив промеры на взморье р. Миус, пришел к выводу о возможности устройства гавани на этом участке побережья. Но уже осенью капитан М. Симонт установил, что глубина на подходах к устью Миуса не превышала 4 фут и не возрастала мористее на протяжении 5 верст. Это вызвало новые дебаты об оптимальном расположении гавани.

Анализ батиметрических промеров, выполненных автором настоящего текста в 1980-е годы, подтверждает данные М. Симонта, но не противоречит и первоначальному мнению Рюэля. Причина разногласий состояла в том, что в XVII в. при промерах почти не учитывали числовое значение сгоно-нагонных колебаний уровня Таганрогского залива, а также возможность возвышений водной поверхности в результате увеличения объемного (балансового) уровня. С точки зрения современных процессов, устье Миусского лимана было предпочтительнее для строительства морской гавани, чем мыс Таган-Рог. Мыс и примыкающая к нему часть северного берега залива испытывают тектоническое воздымание, поэтому глубины акватории имеют тенденцию к уменьшению, тем более в условиях постоянного выноса песка и ила из многочисленных гирл дельты Дона. В результате навигационная обстановка в порту Таганрог с давних времен неизменно осложняется.

При описании Улагаевского десанта (см. статью В.В. Винокурова) исследователи часто указывают на трудности высадки людей и перемещения грузов с судов на берег ст. Ахтарской. Между тем, анализ данных колебаний уровня по ближайшим водопостам свидетельствует, что условия десантирования в 1920 г. были наиболее благоприятными, поскольку среднегодовой уровень не превышал 442 см., при среднемноголетнем 466 см [3]. Если бы десант приходилось высаживать в 1919 г., а тем более в 1918 г., то десантирование растянулась бы на срок в 2-3 раза больший, чем это потребовалось в 1920 г. Причина в том, что в предшествующие годы даже среднегодовой уровень моря достигал 460-470 см.

Библиографический список и примечания

1. Хохловкина В.А. Террасы Азовского побережья между Ростовом и Таганрогом // Труды ИГН АН СССР. Вып. 28. Геологическая серия (№ 8), 1940. С. 76.
2. Артюхин Ю.В. Закономерности эволюции аккумулятивных форм восточной части Азовского моря // Изв. СКНЦ ВШ, естеств. науки. № 1. 1984. С. 75.
3. Артюхин Ю.В., Артюхина О.И. Родионова Н.Б. Ейское морское побережье: история и проблемы освоения, природные основы реконструкции. Ейск, 2015. С. 136.